ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра русского языка
и русского языка как иностранного
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

**(к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной
и 50-летию выхода 1 выпуска
«Псковского областного словаря
с историческими данными»)**

Часть 2

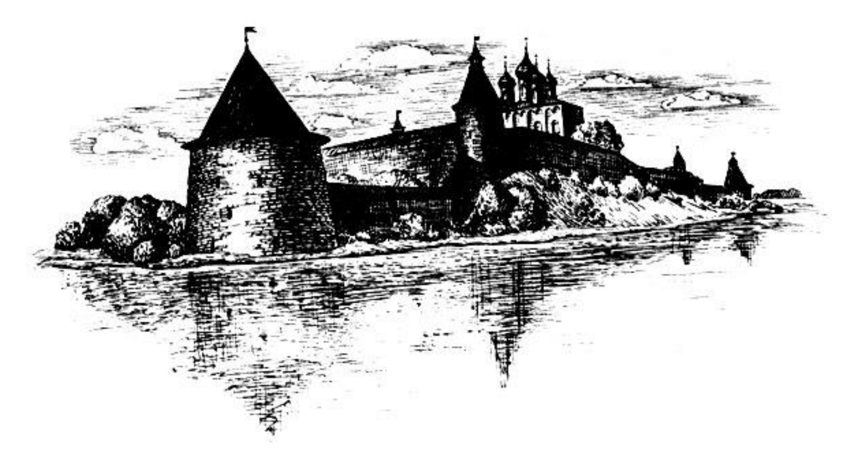
Псков 2017

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра русского языка
и русского языка как иностранного
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ
И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

**(к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной
и 50-летию выхода 1 выпуска
«Псковского областного словаря
с историческими данными»)**

Часть 2



Псков 2017

УДК 801
ББК 81.2 Рус
П 868

Рекомендовано к изданию
Ученым советом факультета русской филологии и иностранных языков
Псковского государственного университета

Рецензенты:
Е.И. Зиновьева, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург);
С.А. Мызников, доктор филологических наук, профессор, чл.-кор. РАН, заведующий Словарным сектором ИЛИ РАН (Санкт-Петербург).

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Н.В. Большаковой, Л.Я. Костючук. – Псков: ЛОГОС, 2017. – 304 с., иллюстр.

ISBN 978-5-9908858-4-4

Сборник статей публикуется по итогам международной научной конференции (Псков, 19–21 октября 2017 г.), посвященной изучению псковских народных говоров в контексте фундаментальных научных проблем в области диалектологии и истории русского языка.

Публикуемые работы российских и зарубежных ученых демонстрируют научные и научно-практические результаты, связанные с разработкой теоретических и прикладных проблем языкознания и смежных дисциплин.

Значительный блок статей посвящен уникальному по замыслу и образцовому по исполнению лексикографическому труду – «Псковскому областному словарю с историческими данными», содержание которого показывает историко-культурную специфику псковских говоров, являясь памятником языка русского Северо-Запада, отражающего приграничное пространство через разные типы языкового и культурного взаимодействия.

Особое место в тематике сборника отводится памяти выдающегося диалектолога и историка русского языка Софьи Менделевны Глускиной, много лет проработавшей преподавателем в педагогическом вузе и ставшей Учителем для многих поколений работников сфер образования, науки и культуры.

Сборник подготовлен в рамках реализации поддержанного РФФИ научного проекта № 17-04-14023.

ISBN 978-5-9908858-4-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей посвящен двум датам, знаменательным не только для региональной диалектологии, но и для отечественной лингвистической науки в целом. В 2017 году исполнилось 50 лет с момента выхода первого выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными» и 100 лет со дня рождения С.М. Глускиной – блестящего лексикографа, высококвалифицированного филолога, педагога и просветителя. С.М. Глускина была выдающимся диалектологом и историком русского языка, научное наследие которой составляет классику русской диалектологии и истории русского языка (принадлежащее ей одно из важнейших открытий в славистике середины XX в. получило в истории языкознания название «эффект Глускиной»).

Историческое совпадение двух дат явилось уникальным поводом показать, что сочетание «псковские говоры» уже с самого начала их изучения не является отражением узко локальной темы: исследования в области псковских говоров на протяжении ряда десятилетий формируют систему научных подходов к решению насущных лингвистических проблем.

В сборнике публикуются материалы международной научной конференции на тему «Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска Псковского областного словаря с историческими данными)», прошедшей в Пскове 19–21 октября 2017 г., которая явилась логическим продолжением серии проводимых в Пскове научных мероприятий, системно и последовательно разрабатывающих ключевые вопросы общей и региональной диалектологии, истории и теории русского языка, практики его преподавания в вузе и школе.

Международная научная конференция прошла в Псковском государственном университете, являющемся опорным региональным вузом.

Конференция и публикуемый сборник статей показали историческую связь фундаментальных научных проблем в области диалектологии и истории языка, имеющих междисциплинарное значение, с теорией и практикой лексикографии, с полевой диалектологией, методикой обучения русскому языку в вузе и школе; продемонстрировали роль личности в науке и просвещении.

«ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ» – УНИКАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 811.161.1

А.П. Башмакова
(Санкт-Петербург, Россия, apbash@yandex.ru)

Выражение объекта при безлично-предикативных словах в псковских говорах (на материале «Псковского областного словаря с историческими данными»)

В статье на материале псковских говоров описываются способы выражения объекта при безлично-предикативных словах, рассматриваются вопросы о возможности выражения объекта существительным в именительном падеже и разграничении моделей с именительным в значении объекта и в значении субъекта

Ключевые слова: безлично-предикативные слова, диалект, объект действия, псковские говоры, субъект состояния

A.P. Bashmakova

Object Expression with Impersonal Predicative Words in the Pskov Dialects (Based on the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”)

The article describes the ways to express an object with impersonal predicative words. Special attention is paid to the expression of an object with the help of nouns in the Nominative case. The article also discusses the possibility to differentiate between the models with nominative case denoting the object and the nominative case denoting the subject.

Key words: dialect, impersonal predicative word, object of the action, Pskov dialects, subject of state.

«Категория объекта присутствует в тех предложениях, в которых признак предстает как конкретное действие, деятельность мыслительная, эмоциональная или волевая активность или как чье-л. отношение к кому-, чему-л. Объект –

это то <...>, на что непосредственно направлено действие <...>, к чему непосредственно обращено чье-л. отношение» (Русская грамматика II: 129). Безлично-предикативные слова часто выражают мыслительную, эмоциональную или волевую активность либо отношение к чему-н., при этом действующий субъект в предложениях с этими словами не представлен или выражен формой косвенного падежа. В Русской грамматике отмечается, что предикатив со значением восприятия, ощущения, необходимости, возможности, долженствования (*видно, больно, жаль, надо, угодно* и т.п.) имеет при себе объект, выраженный существительным / местоимением в форме В. или Р. падежа (Там же: 325–326). В псковских говорах помимо модели, свойственной литературному языку, встречается также использование в этой позиции существительных в Им. падеже. Например: **Надо**. – *кому что. Ня анно́въ дня няльзя́ пражы́ть, фсё на́дъ вада́*. Печ. – *кому кто. Яны́ бальшы́е, йим ма́мка ня на́да*. Н-Рж.

Вопрос о выражении объекта Им. падежом в диалекте достаточно дискуссионный. Эта модель используется при предикативах с модальным значением, при глаголах (см. об этом: Трубинский 1984: 22, 27; Кузьмина 1993: 126–130). Слово в такой позиции может рассматриваться 1) как обозначение объекта и 2) как обозначение субъекта названного состояния при отсутствии координированности подлежащего и сказуемого, что свойственно диалекту. Вместе с тем, из-за совпадения форм В. и Им. падежей в ряде случаев возникают сложности квалификации безлично-предикативного слова как собственно безлично-предикативного. Например: **Больќо** ‘О чувстве боли’. *Как пае́м – припада́ю: жыво́т бо́лька*. Вл. **Нипочём** ‘О безразличном, равнодушном отношении кого-н. к чему-н.’ *Как сноп ва́лишси* [после трудового дня], *и фсё нипачём*. Пск. Из-за совпадения форм В. и Им. падежей здесь трудно сказать, являются ли предложения безличными или же имеет место свойственное диалекту отсутствие координирования между подлежащим и сказуемым (тогда следует говорить о личном предикативе, см. об этом в работе: Васильева 2003).

Сравнивая аналогичные случаи, когда формы В. и Им. падежей различаются (у слов, имеющих тип склонения на *-а*), мы видим, что встречаются оба варианта выражения субъекта / объекта: и через В., и через Им. падеж: **Жаль** ‘О нежелании лишаться чего-н.’ *Мо́жна г до́цке перейти́, да пяцы́ну жаль.* Пушк. **Больно** ‘О физической боли, ощущаемой кем-н. в какой-н. части тела’. *Ка́жнъя ко́стъчка бо́льнъ*. Кун.

На наш взгляд, доказательством объектного значения существительного в рассматриваемой конструкции могут служить не только случаи употребления данного безлично-предикативного слова со словами, имеющими различающиеся формы В. и Им. падежей, но и сочетаемость внутри семантической группы. Материал ПОС дает возможность исследовать сочетания такого типа с безлично-предикативными словами разных семантических групп. Рассмотрим некоторые из них.

1.Значение восприятия: **Незаметно** ‘Об отсутствии возможности увидеть, заметить’. – *что. Харо́шый лёт кре́пкий, а сла́бый незаме́тна*. Холм. Объект выражен либо Им., либо В. падежом, так как формы их в данном случае не различаются. Тем не менее, говорить о некоординируемом субъекте состояния, на наш взгляд, не позволяют примеры с другими безлично-предикативными словами той же семантической группы: **Видать** ‘Можно разглядеть.’ – *кого, что*. *Нападёт сне́к-то, дрофца́ мой е́ле вида́ть*. Дн. *Яю́ и ня вида́ть пъ дяре́вни ходить*. Стр. Во 2-м предложении использован В. падеж. Естественно предположить, что в 1-м – объект тоже выражен В. падежом. **Видно** ‘Можно видеть, рассмотреть’. *Затяни́ занаве́ски, а то си́льна ви́дна*. Кун. – *что. На ту стърану́ даро́ги ви́ннъ дяре́вню*. Печ. Здесь в 1-м предложении объект не уточняется, при этом конструкция не воспринимается как неполная, т.е. мы видим возможность употребления предикатива без уточнения объекта или субъекта. Для следующего слова из этой семантической группы (**Знать** ‘Можно увидеть, разглядеть; видно’) объект выражается всеми названными способами: 1) Им. падеж: *Ма́чтъ ишшы́ знать с вады́*. Печ.; 2) неразличающиеся формы Им. и В. падежей:

Сле́зиш на бярёзу – Пскоф знать. Печ.; 3) Р. падеж при отрицании: *Ф карто́шки ботва́ вы́росла больша́я, да́жэ боро́ст ня знать*. Гд.; 4) придаточное предложение: *Я прае́ду, дак аста́влю вам калию́, вам знать бу́дит, как итти́*. Гд.; 5) В. падеж: // ‘Заметно, ощутимо’. *Ра́ньшы так наро́т и ни пил, типе́рь яму* [мужику] *буты́лку и ни знать*. Пск.

Таким образом, опираясь на семантику и сочетаемость безлично-предикативных слов этой семантической группы, вероятно, можно говорить о выражении различными способами именно объекта в рассматриваемой конструкции.

2.Ощущение боли: **Больно** ‘О физической боли, ощущаемой кем-н. в какой-н. части тела’. *– кому. Лёшка, ну чаво́ ты рявёш, где тебе́ бо́льно?* Пл. *– что. Ка́жнъя ко́стъчка бо́льнъ*. Кун. Во 2-м предложении можно говорить о выражении объекта Им. падежом, так как в 1-м примере на это слово мы видим субъект состояния, выраженный Д. падежом, по смыслу тот же субъект предполагается и во 2-м примере. Аналогичная ситуация и для слова **больковато**: ‘Немного больно’. – *кому. Фчира́ сто́лька камаро́ф бы́ла, падайду́ к де́риву – ано́ шырша́вае, мне и харашо́, а пато́м вро́ди апя́ть балькава́та*. Остр. – *что. На́да б бы́ла сходи́ть, да кале́на балькава́та*. Кр. Хотя здесь можно предполагать В. падеж, совпадающий по форме с Им. Несколько иначе выглядит ситуация со словом **болько**: ‘О чувстве боли’. *– что. Как пае́м – припада́ю: жыво́т бо́лька*. Вл. – *чему. Сьпи́ны бо́лька, ня фста́ть*. Печ. *Так сьме́шна, и́жна кишка́м бо́лька, да чяво́ дасьмяя́лась*. Остр. Учитывая конструкции, в которых субъектом состояния выступают название частей тела, можно было бы предположить, что и в 1-м примере слово *живот* является субъектом состояния, т. е. в данном случае Им. падеж выступает в свойственной ему функции подлежащего, а слово *болько* оказывается личным предикативом.

3. Семантика группы *жаль, жалки, жалковито, жалковато* ‘О нежелании тратить, отдавать, лишаться чего-н.’ предполагает наличие субъекта, выраженного косвенным падежом, и наличие объекта (жалко всегда кому-то и всегда что-то). Устранение здесь указания на объект делает конструкцию

синтаксически неполной. Поэтому в этой семантической группе, вероятно, следует говорить об объекте, выраженном В. падежом, совпадающим либо не совпадающим с Им.: **Жалки** – *кому что. Ка́ждаму сваё жа́лки*. Н-Рж. **Жалкови́то** – *кому что. Ты́и но́выи чулки́, мне жалкови́то их*. Гд. **Жаль** *что. Сарвёш* [горох] – *еш, никаму́ ня жаль*. Слан. – *что. Мо́жна г до́цке перейти́, ды пяцы́ну жаль*. Пушк. **Жалковато** *Ослабл. – кому что. Камо́т-та мне жалкава́та*. Остр.– *чего. То́въ-тъ ле́су жълкава́та, мы п сре́зъли и схи́тили куды́-нибу́ть*. Печ. В последнем примере отмечается также Р. падеж при выражении объекта, хотя отрицания в предложении нет. Здесь можно предположить семантику части («часть леса можно было бы срезать и схитить») или аналогию с одушевленным существом.

4.Значение необходимости: **Негоже** ‘Не подходит, не годится’. – *кому что. Да нет, таку́ю пе́сню им* [диалектологам] *него́жэ. Им стари́нные на́до*. Дн. В 1-м примере объект, как и в литературном языке, выражен В. падежом. В следующем случае в разных цитатах встречается выражение объекта как В., так и Им. падежом: **Надо** – *что. У миня́ неве́ску парализава́ла, с ыспу́гу, дактара́ сказа́ли, на́да апера́цыя*. Холм. *Дошш начина́лся фчира́ и сно́ва ушо́л. А до́ждик так на́да*. Вл. – *кому что. А што тибе́ на́дъ? Ничиво́ ни на́дъ*. Гд. – *кому кого. Вам павадыря́ на́да, заплута́ете са́ми*. Кр. – *кому кто. Каму́ ш тапе́рь на́да ста́рый*. Вл. Учитывая, что в литературном языке невозможно личное употребление предикатива *надо*, а в говорах В. падеж в этой конструкции используется (см. предпоследний пример), а также то, что во многих случаях имеется субъект состояния, выраженный Д. падежом или предложным сочетанием, на наш взгляд, во всех случаях можно говорить о выражении объекта либо Им. либо В. падежом. Аналогично и в следующих примерах: **Надыть** ‘Нужно, необходимо, требуется’. – *для кого что. А для нас е́та на́дыть*. Вл.; **Незаметно** ‘Не нужно, не пригодится’. – *кому что. Э́тъ фсё не пишы́ти, э́тъ вам низаме́тнъ*. Печ.

Хотя существует и другое мнение, так, в работе О.В. Васильевой предикативы этой семантической группы рассматриваются как личные предикативы оценки кого-, чего-н.

с точки зрения нужности (Васильева 2003: 51, 151).

5.Значение желания что-н. сделать, интереса к чему-н.: **Напохват** ‘О желании получить первым или перехватить друг у друга’. – *что, кого. Паха́ли-та ра́ньшы сахо́й, кагда́ плух паяви́лся, так напахва́т их*. Беж. *В вайну́ ло́шадь здо́хнит и то иё напохва́т*. Порх. – *за чем. За вадо́й назахва́т, напахва́т*. Пск. Здесь наблюдается употребление В. падежа, а также Тв. в предложной конструкции. Однако в следующих примерах, вероятно, следует говорить об употреблении Им. падежа. Вопрос в том, употребляется ли он для выражения объекта или же здесь следует говорить о подлежащем: **Нипочём** ‘Не имеет значения для кого-н., безразлично, не важно’. – *кому. А де́фки* [в деревне] *ф штана́х ня хо́дят, малады́м-та нипацо́м, а вот ста́рые ня лю́бят*. Остр. – *кому что. Бо́са с ких пор, а вам всё нипачо́м*. Пск. **Любашно** ‘О возникающем у кого-н. желании узнать что-н., любопытстве; интересно’. – *кому что. А им люба́шно е́то фсё бы́ло*. Оп. В этом предложении можно было бы говорить о прилагательном *любашный*, но других примеров на слово *любашно / любашный* или его варианты не зафиксировано. В отличие от *любашно*, слова *неинтересно / неинтересный* – литературные, широко распространены и соотносятся с *интересно* (‘О возникающем у кого-н. внимании, любопытстве, заинтересованности’. *О́чинь интяре́сна бы́ла, а неве́сту жа́лка, яна́ ску́чная сиди́ть*. Печ.) и *интересный* (‘Привлекающий внимание, любопытство’). Однако, исходя из значения, в следующем употреблении это слово можно трактовать и как прилагательное, и как безлично-предикативное слово: **Неинтересно** ‘Не представляет интереса для кого-н’. – *кому что. Вот, тагда́, зна́чит, што у нас тут бы́лъ? Ну, севаабаро́ты вам ы ниинтире́сна*. Гд. То есть трудно сказать, можем ли мы рассматривать данный случай как выражение объекта Им. падежом или как обозначение субъекта названного состояния при отсутствии координированности подлежащего и сказуемого.

6. Кроме рассмотренных выше семантических групп, отмечается группа со значением неопределенно-количественного состояния (Тираспольский 1975: 121–126). Для

слов этой группы, как и в литературном языке, характерно сочетание с существительным в Р. падеже: **Лишно** *чего.* ‘О большем количестве чего-н.’ – *кому. Нам бе́нным фсё хле́ба бы́ла палишне́й, а им паме́ньшэ*. Гд. – *у кого. В мяня́-та палишне́я трудадне́й, как в них*. Слан. **Богато** *кого.* ‘О большом коичестве кого-н., много’. *Сейча́с хорошо́, а ра́ньшэ бога́то дете́й, та́к и ф побира́хи*. Дн. Аналогично и в следующем примере (и во многих других), но также возможно и употребление Им. падежа: **Нагусте** и **нагустье** *чего, кого.* ‘О большом количестве чего-, кого-н.’ *Там о́зера ря́дам, пия́фками ле́чицца, там их на́густье*. Дед. *На́густя здесь бы́ла ча́ик, ту́чам лятя́т, зды́нуцца*. Гд. – *у кого что. Маты́лда говори́т, у ней на́густе огурцы́*. Гд. Наличие в последнем примере указания на субъект (*у кого*) и наличие объекта, выраженного Р. падежом, в других сочетаниях с этим словом и в других словах группы, дает нам возможность рассматривать в данном случае форму *огурцы* как именительный объекта. Вероятно, так же можно рассматривать и пример со словом **неспорно**: *что.* ‘О большом количестве чего-н.’ *Фсё есь: малако́ няспо́рна, ма́сла няспо́рна, смята́на няспо́рна*. Остр. Здесь можно было бы увидеть координируемое прилагательное-сказуемое, но прилагательное *неспоркий* зафиксировано в совершенно ином значении ‘Не любящий, не умеющий спорить’, безлично-предикативное слово *неспорно* отмечается еще в одном значении ‘О том, что отнимает много времени’, на наш взгляд, более близком к значению количественного состояния. И аналогия с другими членами этой семантической группы тоже приводит к выводу об использовании в данном случае Им. падежа для выражения объекта.

При выражении неопределенно малого количества, недостатка чего-л. может использоваться также предложное сочетание с существительным в Тв. падеже: **Гвалт** *с чем.* ‘Недостаток, нехватка’. *Са спи́цками гвалт*. Остр. **Бой** *с чем* ‘О недостаточном количестве; горе, беда.’ *А с кри́нкъми бой, не зна́е, што и де́лать*. Пск.

Таким образом, мы видим, что, так же как в литературном языке, в псковских говорах объект чаще всего

выражается словом в В. падеже или в Р. падеже (обычно при отрицании или в сочетании со словами, имеющими неопределенно-количественное значение), но возможно и употребление предложных сочетаний с Тв. падежом, а также использование Им. падежа, свойственное только диалекту. Разграничение Им. падежа в значении объекта и в значении субъекта состояния представляет сложность. Однако возможность сравнения однотипного материала как на грамматическом, так и на семантическом уровне позволяет делать выводы об объектном значении существительного в модели «безл. предикат. + существительное/местоимение в В./Им. п.».

Литература

1. Васильева О.В. Личные предикативы в псковских говорах (на фоне других неизменяемых предикативов): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
2. Кузьмина И.Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте: монография. М.: Наука, 1993.
3. Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
4. Тираспольский Г.И. О безлично-предикативных словах с неопределенно-количественным значением в современном русском литературном языке // Вестник ЛГУ. 1975. № 14. С. 121–126.
5. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса: монография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

УДК 811.161.1

О.В. Васильева

(Санкт-Петербург, Россия, barcarola@list.ru)

«Псковский областной словарь»: лексика диалектная и общерусская

В статье рассматриваются различные соотношения диалектного и общерусского начал в Псковском областном словаре – словаре полного типа.

Ключевые слова: диалектизмы, диалектная лексика, общерусская лексика, Псковский областной словарь.

O.V. Vasiljeva

“Pskov Regional Dictionary”: Dialect and All-Russian Vocabulary

The article considers various relations between the dialect and the all-Russian origins in the Pskov regional dictionary, the full-type dictionary.

Key words: All-Russian vocabulary, dialecticisms, dialect vocabulary, Pskov regional dictionary.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-04-00213-а «Псковский областной словарь с историческими данными».

«Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) был и остается уникальным среди многочисленных диалектных словарей. Концепция ПОС, разработанная профессором Б.А. Лариным и первоначально воспринятая диалектологами неоднозначно, блестяще оправдала себя за прошедшие полвека. Принципиальное включение в словарь не только диалектных, но и общерусских слов позволяет выявить все возможные системные связи лексики, что невыполнимо на базе дифференциальных словарей. Именно полнота показа лексического состава псковских говоров в ПОС послужила причиной появления значительного количества исследовательских работ, выполненных на материалах Словаря и посвященных самым разным аспектам бытования лексики в псковских диалектах.

В структуре словарной статьи ПОС изначально заложено отражение такого параметра системности, как синонимия. Синонимические ряды, завершающие описание слова, его значения, а иногда и оттенка, могут насчитывать десятки лексем. Так, уже в пределах первого выпуска ПОС (*а – бибúшка*) ряды синонимов включают до 45 слов и фразеологизмов. Один из самых протяженных в этом начальном выпуске синонимических рядов приводится на экспрессивный глагол ***барабóшить*** ‘говорить взор, болтать’ (*балабáть*,

балабóлить, *балабóнить*, *балáкать*, *балахóрить*, *балбéнить*, *балботáть*, *балмотáть*, *барабáнить*, *барабóшничать*, *барахлúстить*, *барахлúть*3, *барахóлить*, *бахóрить*, *бить нáбелками* (*блúнником*, *сáнками*, *языкóм*; *язы́к о зýбы*), *блекотáть*, *болтáть*1, *бороздúть*, *брéдить*, *брехáть*, *бря́кать*, *брякотáть*, *городúть*, *грéзить*, *кáрзать*, *клеветáть*, *клепáть*, *ласкотáть*, *лепúть*, *лóпать*, *лопотáть*, *ля́скать*, *мозготáть*, *мурúть*, *мя́кать*, *плестú*, *порóть*, *разводúть балáнду*, *рокотáть*, *тарахтéть*, *трепáться*, *хломотáть*, *шалабóлить*, *шлепотáть*, *щелкотáть*). Как видим, синонимический ряд состоит преимущественно из диалектных единиц. 23 синонима приведено к слову ***багýльник*** ‘вечнозеленое эфиромасличное растение семейства вересовых’ (*бабня́г*2, *бабóнь*, *бабуння́г*, *бáгáн*, *бáгáнник*, *бáганный цвет*, *бáгань*, *бáген*, *бáгно*, *багóльник*, *бáгýн*, *багуння́к*, *бáдан*, *бобовня́г*, *бобовню́к*, *болиголóв*, *болиголовá*, *габóльник*, *габóнь*, *габýн*, *губóнь*, *губундю́к*, *дурмáн*), представленные также на карте № 3 (ПОС 1: 91). Объемный синонимический ряд приводится в статье на ***бáша-бáша*** ‘подзывные слова для овец’ (22 единицы: *бáки-бáки*, *бáля-бáля*, *барáн-барáн*, *барáша-барáша*, *бáренька-бáренька*, *барёха-барёха*, *бáрюшка-бáрюшка*, *бáря-бáря*, *бáсенька-бáсенька*, *бáська-бáська*, *бáся-бáся*, *бах-бах*, *бáшенька-бáшенька*, *бáшка-бáшка*, *башýреньки-башýреньки*, *бéри-бéри*, *бóря-бóря*, *бы́ри-бы́ри*, *бя́ся-бя́ся*, *бя́ша-бя́ша*, *бя́шенька-бя́шенька*, *бя́шутка-бя́шутка*). В данном ряду все синонимы имеют начальное *ба-* (*бе-*, *бо-*, *бы-*, *бя-*), поскольку соотносятся с номинацией *баран* или являются образованиями со звукоподражательной мотивировкой. Аналогично все синонимы к лексеме ***бабýся*** (ласкательной производной от слов *бáба*, *бáбушка*) являются однокоренными, у которых варьируется суффиксальная часть (*бабáня*, *бабáша*1, *бáбонька*, *бабýлина*, *бабýлинка*, *бабýлька*, *бабýля*, *бабýня*, *бабýтка*, *бабýшенька*). У слова ***барабóха*** ‘болтливый человек, пустомеля’ в первом выпуске ПОС приводится 17 синонимов (16 из которых, за исключением лексемы *балабóлка*, диалектные), у слова ***берéщéники*** ‘обувь из бересты’ 22 синонима (в основном с корнем *берез-* / *берест-*, но также и с другими корнями: *бахúлы*, *башлéты*, *босовикú*,

курняши́, ходоки́). К существительному ***а́ист*** приведены разнокоренные синонимы *а́лист, а́рист, а́рлист, батья́н, кали́ст, лосёк, черногу́з* и т.д. В целом хотя бы по одному синониму имеет каждое третье слово выпуска, поскольку в нем описано 1980 слов, а помета «ср.» (‘сравни’) употреблена 606 раз.

В 9-ом выпуске ПОС (*дежа́ – дровя́шки*) содержится 2041 слово и 1078 синонимов и синонимических рядов, то есть приблизительно для каждого второго слова найдены семантические параллели. У лексемы ***дежа́*** ‘кадушка для заквашивания теста, квашня’ их 10 (*бо́чка*1*, горшо́к, двойни́к, де́жка, дёжник, до́мник, донзань, доща́н, ка́дка*; *де́жечка*), у глагола ***догада́ться*** – 15, на слово ***дрова́*** находим 16 синонимов, на слово ***дро́вни*** – 10. Аналогичную картину наблюдаем во всех выпусках ПОС. Так, у слова ***отмель*** – 15 синонимов, 14 из которых (за исключением слова *мель*) диалектные. У слова ***карто́шина*** в первом значении (‘синг. → *карто́шка’*) 19 синонимов, а во втором (собир. ‘клубни этого растения’) – 29 синонимов.

В 25-ом выпуске ПОС (*па́дать – перестро́йка*), где описано 3328 слов, помета «сравни» встречается 1760 раз, то есть также в среднем у каждого второго слова. При этом у общерусского слова ***па́лка***, например, при 21 его значении в общем приводится 97 синонимов в разных частях словарной статьи (при значениях, оттенках, употреблениях) (ПОС 25: 47–53). У глагола ***пеля́житься*** ‘медлить, мешкать’ приведено 14 синонимов, у существительного ***первотёлка*** – 18 синонимов, у общерусского значения слова ***пере́дник*** их 15, а у общерусского значения слова ***перекрёсток*** – 12.

В 27-ом выпуске (*по – поддю́хий*), подготовленном к печати, также около тысячи синонимических рядов. И здесь мы видим солидные подборки: у глагола ***побала́кать*** ‘поговорить, поболтать’ приводится 15 синонимов, как и у слова ***подво́рье*** в значении ‘усадьба; отдельное хозяйство’, у существительного ***побира́ха*** ‘кто живет подаянием, нищий’ – 19 синонимов, у лексемы ***пово́й*** в значении ‘старинный головной убор замужних крестьянок’ – 17 синонимов и т.д. В большинстве указанных

синонимических рядов, как и в огромном количестве неуказанных, слова диалектные и общерусские соседствуют друг с другом, совместно отражая богатство возможностей номинации в псковских говорах.

Первое слово 27-го выпуска ПОС – общерусский предлог *по*, у которого в современных псковских говорах зафиксировано 65 значений, что намного превышает количество значений данного слова в литературном языке (в последнем академическом словаре указано 21 значение (БАС РЯ 17: 127–133). Причем к существующим в современных псковских говорах 65-ти значениям лексемы в структуре словарной статьи добавляются еще 20, утраченных современным языком, но представленных в памятниках псковской письменности. А последнее слово выпуска – диалектное прилагательное ***поддю́хий*** ‘худой и слабый’, проиллюстрированное одной цитатой: *Ана́-та дюжа́я, а я́-та паддю́хая*. Порх. Так лексические границы последнего выпуска ПОС наглядно демонстрируют различные диапазоны этого уникального словаря: от редкого лексического диалектизма до широкоупотребительного общерусского слова, которое, при всей своей многозначности в литературном языке, в псковских говорах бытует в еще большем количестве значений.

В словнике ПОС – словаря полного типа – соседствуют лексемы общерусские и диалектные (*ле́нта* и *лентю́х* ‘лентяй’, *кошачий* и *кошла́тый* ‘лохматый’, *вы́манить* и *вы́мнеть* ‘о корове: становиться обладательницей большого вымени’, *на́кипь* и *на́кидь* ‘работа, разные дела’, *отли́чно* и *отля́ко* ‘с небольшим наклоном, отлого’ и т.д.) Диалектная лексика априори привлекает к себе внимание исследователей: хочется понять, откуда появились собственно лексические диалектизмы, какова их этимология: *куи́м*, *кувя́га* и *куве́кушка*, *пе́каль*, *ки́льник*, *мя́клыш* и *буба́рка*, *кошено́к*, *лема́га*, *бара́га*, *ба́харина*, *вуль*, *гвыр*, *глев*, *гмы́ря*, *гого́са* среди имен существительных, глаголы *лека́ться*, *вазго́лить*, *валту́зить*, *варла́нить*, *во́рснуть*, *гамзи́ть*, *обазу́литься*, имена прилагательные *бара́жный*, *буча́йный*, *гле́йный*, *гло́нчатый* и многие другие.

При этом диалектизмы, содержащие общерусские корни, далеко не всегда прозрачны по семантике. Так, например, понятно, что именем существительным *говóрка* (ПОС 7: 36) может быть названо многое, связанное с процессом говорения. Однако конкретная лексическая семантика становится понятна лишь при знакомстве с текстом. В псковских говорах данное существительное зафиксировано в пяти значениях: 1) ‘особенности в произношении звуков, употреблении слов’ (то есть синонимично литературному слову *говор*: *Деревéньская гавóрка у мене́*. Нев.), 2 ‘беседа, разговор’ (*Зачéм пусты́м гавóркам забивáть гóлаву?* Нев.), 3) ‘что рассказано, рассказ’ (*Ви́диш, скóлька дéвачка написáла маи́х гавóрак*. Нев.), 4) ‘выговор, порицание’ (*Жóнки гавóрку дéлал*. Пореч.), 5) ‘подзывные слова’ (*Кáждая звярю́шка сваю́ гавóрку панимáить*. Нев.)

Вместе с тем локальные особенности достаточно часто встречаются в говорах и у общерусских слов. Так, словарная статья на слово *молокó* (ПОС 18: 332–333) отражает бытование в псковских говорах не только общерусских значений этого слова (*материнское молоко, коровье молоко*), но и таких значений, которые в литературном языке выражаются лексемой *молочко*: ‘белый едкий сок одуванчика, молочая, гриба’ и ‘беловатая жидкость в зернах невызревших хлебных злаков’. Кроме того, в пределах общерусских значений в ПОС выделяются диалектные фразеологизмы *вы́йти из молокá* ‘перестать питаться одним молоком’, *си́нее (бри́тое) молокó* ‘обезжиренное молоко’, *редкóе молокó* ‘нежирное молоко’, *с прямы́м молокóм* ‘с молоком, которое активно вырабатывается и легко доится’, *густóе молокó* ‘кушанье из молока и творога’, *гуся́чье молокó* (шутливое) ‘вода’, *ки́слое молокó* ‘простокваша’, *крошёное молокó* ‘кушанье из хлеба’, *свéжее молокó* ‘простокваша’ и др.

Иногда оказывается, что в псковских говорах общерусские лексемы не обладают основным общерусским значением (поскольку оно неактуально), зато развивают целый ряд собственно диалектных, производных смыслов. Так, имя существительное *горá* обозначает в псковских говорах: 1) высокий холм (и это значение бытует в разных районах

области), а также: 2) вершину любой возвышенности (метонимический перенос), 3) высокий крутой берег, обрыв (метафорический перенос), 4) бугор, кочку (снова метафора), 5) кучу, груду (а это общерусская метафора), 6) чердак (и вновь – собственно диалектный метафорический перенос), 7) большое количество чего-либо (снова – общерусская метафора).

Сочетание диалектного и общерусского в ПОС проявляется и непосредственно в семантике слова. Например, имя существительное *пого́да* в псковских говорах бытует не только в общерусском значении ‘состояние атмосферы (облачность, осадки, температура воздуха, влажность) в данном месте и в данное время’: *Што бу́дит за́фтра за паго́да, каку́ю адёжу пригата́вливать?* Локн. *Тут дет у нас есть, уга́дник: паго́ду узнаё. Ево́ дом как итти́ па пра́вай руки́*. Кр. Синонимы лексемы с данной семантикой – *пого́д*, *пого́дина*; *пого́дка*, *пого́душка*. Внутри значения выделяется диалектное употребление слова во множественном числе: — мн. *Фся́кийи паго́ды бы́ли: и до́брыйи, и плахи́йи*. Сер. *Ра́зныйи пого́ды бы́ли на моём веку́*. Пл. *Как с Ильи́ – паго́ды другии*. Печ. (И к этому употреблению приводятся синонимичные *пого́дка*, *пого́дье*.)

Далее в этом общерусском значении приводятся диалектные устойчивые сочетания > *На пого́ду* ‘на перемену состояния в атмосфере (обычно к плохой погоде)’: *Спина́ бали́т на паго́ду*. Кр. > *По пого́де* (по пого́дам) ‘судя по погодным признакам’: *Про́шлый гот фсё и жа́рка бы́ла, ны́нчи вот о́синь и о́синь, па паго́ды о́синь. И зыто́ и не растёт нишо́*. Гд. Δ *Пого́да помира́ет* ‘об очень сухой, жаркой погоде без дождей’: *Паго́да-та памира́я – да нет дажжа́*. Гд. Δ *Пого́да мо́чится* ‘о сырой, дождливой погоде’: *Пого́да мо́чится – дождь идёт*. Кар. Δ *Дурна́я пого́да* у кого ‘плохое настроение’: *Харо́шая жэ́ншына, найдёш таки́х тяпе́рь: у ёй дурно́й паго́ды не быва́е, хуть и го́ре у ёй – фсё анно́ рассмяшы́ть*. Остр.

Есть здесь и профессиональные сочетания: > *пого́да ры́бная* ‘погода, благоприятствующая лову рыбы’ (Кузнецов), > *пого́да холоста́я* ‘погода, когда, несмотря на благоприятный ветер, рыба не ловится’ (Кузнецов). И далее внутри общерусского значения отмечаются диалектные семантические

сдвиги: мн. ‘Приметы в окружающей действительности для определения состояния атмосферы на будущее’ (*Ра́ньшэ бы́ли стари́кі – не на́да Брю́сова календаря́. Знаш, кагда́ быва́л Брюс, ра́зная там ерунда́, ра́зные там паго́ды: ве́тры, нена́стья*. Гд.), затем ‘Многолетний режим состояния атмосферы в какой-н. местности как одна из характерных ее черт; климат’ (*Кака́я паɣо́да харо́шая здесь – и умира́ть ня на́да*. Нев.), а также ‘Температура воздуха и влажность (в каком-н. закрытом помещении)’ (*Пого́да кака́я ф тепли́чьке у меня́*. Пл.).

А далее следуют уже собственно диалектные значения. 2. ‘Хорошее (без чрезмерного количества осадков) состояние атмосферы’: *Паго́дливый гот – дак фся трава́ и растёт, лю́бит ана́, штоп паго́да была́*. Н-Рж. *Паго́да бу́дя – се́на растряхнём*. Порх. (Синонимы *пого́дье*, *пого́дка*, *пого́душка*.) Зафиксирован в псковских говорах фразеологизм, соотносимый с этим значением: Δ *Урва́ть пого́ду* ‘успеть сделать что-н. во время хорошей, благоприятной погоды’: *Ну, шшас хто паго́ду урвё – так се́на а́жна чя́йим па́хне*. Дед.

Третье, также диалектное значение – ‘ненастье, непогода (дождь, снег, сильный ветер)’: *Ра́дуга фсягда́ к паго́ди. Паго́да – э́та дошшь идёт день, друго́й, няде́лю. Вот гаваря́т «паго́да распаго́дилась»: фсё дошшь и дошшь*. Остр. Представлены здесь и фразеологизмы: > *По пого́де* ‘во время непогоды’: *Па паго́ды ни пайдём пяшо́м – фсё на афто́буси*. Гд. > *Попа́сть под пого́ду* ‘попасть под дождь; вымокнуть’: *Ишшо́ ни хвата́ла папа́сть пат паго́ду*. Стр. *Се́на пат паго́ду папа́ла*. Н-Рж.

В этом значении выделяется целый ряд употреблений и метонимических сдвигов: — мн. *В гувни́ сьте́ны, ат паго́т зёрна закрыва́ють*. Печ. *Ны́ни паго́ды-та бы́ли, так фсё зали́ла*. Остр. З-*за паго́т не начина́ют каси́ть*. Печ. — в сравн. *Сле́тье плахо́е но́нче, хало́ннае, как паго́да*. Н-Сок. *Он* [о каком-то человеке] *су́шы так ни байцца, как паго́ды*. Беж. / метон. ‘Атмосферные осадки в виде водяных струй; дождь’: *Ф паго́ду вада́ в о́зере тёплая*. Палк. *Иди́те пакры́йти рош, штоп паго́дай ни замачи́ла*. Оп. *Паго́да пирипры́сня – и мо́кня се́на*. Остр. — мн. *Ничаво́ взять* [мёду] *ни пришло́сь: фсё паго́ды, паго́ды, дажжы́, дажжы́*. Печ. *Как паго́ды бы́ли – ва́ды мно́га*. Остр. /

метон. ‘Атмосферные осадки в виде пушинок, хлопьев, представляющих кристаллики льда; снег’: *Пато́м пауо́да вы́пала*. Себ. Диалектные синонимы слова в данном значении – *пого́дица, пого́дища*, *пого́дье*; *пого́дка*, *пого́душка*.

В конце словарной статьи сообщается, что данное слово функционирует в псковских говорах и в виде микротопонима: ~ *Пого́ды*. ‘Название пожни недалеко от деревни Камено на месте бывшей деревни, давно сгоревшей’: *У нас зьдесь ф старину́ мно́га деряве́нь бы́ла, да пагаре́ли фсе, там тяпе́рь у нас по́жни, вот недалёка Я́стребава, Мага́льница, Плю́шнява, Паго́ды*. Оп.

Таким образом, мы видим, что даже общерусская лексика может употребляться в псковских говорах намного шире, чем в системе литературного языка. У слов появляются новые значения, новые грамматические возможности (как отмеченное у слова *погода* употребление во множественном числе – *погоды*), лексемы за пределами литературного языка становятся компонентами устойчивых сочетаний и функционируют в качестве топонимов. Все это вместе подтверждает справедливость и высочайшую научную ценность революционного в середине XX века решения Б.А. Ларина включать в диалектный словарь всю лексику, бытующую в говорах.

Сокращения

Кузнецов – Кузнецов И.Д. Рыбопромышленный словарь. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 гг. Пг., 1915.

УДК 811.161.1

Н.С. Ганцовская
(Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru)

«Псковский областной словарь с историческими данными» как национальное достояние: 23 выпуск (псковские и костромские говоры)

Сравнение лексики в псковском и костромском областных словарях обнаруживает значительную ее сходность, что исторически обусловлено непрерывностью старой славянской колонизации территорий псковских и костромских земель. В то же время на этом общем фоне при учете всей сложности и неоднозначности результатов последующих миграционных процессов, субстратных воздействий и иноземных влияний выявляется и ряд ее различий в составе, структурно-семантических качествах, особенностях функционирования и ареальных связях.

Ключевые слова: костромские и псковские говоры, Псковский областной словарь, междуречье Костромы и Унжи, Словарь говоров Костромского Заволжья.

N.S. Gantsovskaya

"Pskov Regional Dictionary with Historical Data" as National Property: the 23rd Edition (Pskov and Kostroma Dialects)

The comparison of vocabulary in Pskov and Kostroma regional dictionaries reveals its significant similarity, which is historically stipulated by continuity of the old Slavonic colonization of Pskov and Kostroma territories. At the same time against this common background, taking into account all the difficulty and ambiguity of the results of the following migration processes, substrate effects and foreign influences, a number of its differences in composition, structural and semantic qualities, peculiarities in functioning and areal bonds can be found.

Key words: Kostroma and Pskov dialects, the Pskov Regional dictionary, the Kostroma and the Unzha interfluve area, Dialect Dictionary of Kostroma Trans-Volga region.

Несмотря на определенные расхождения в отношении просодии, фонетики и грамматики, псковские и костромские говоры обнаруживают значительную однородность со стороны

лексики. Исторически это единство обусловлено непрерывностью старой славянской колонизации этих ареалов при учете всей сложности и неоднозначности результатов последующих миграционных процессов, субстратных воздействий и иноземных влияний. Подобная континуальность говоров выявляется при сравнении лексики в псковском и костромском областных словарях. Для сопоставительного анализа мы использовали Словарь говоров Костромского Заволжья (СГКЗ) Н.С. Ганцовской на отрезке сс. 249–262 (СГКЗ) и, из личных соображений, 23 выпуск (*ограбал – отвечивать*) Псковского областного словаря с историческими данными (ПОС 23). Я участвовала в обсуждении словарных статей этого выпуска и являюсь его рецензентом (десять составителей словаря оставили автографы на этом томе с трогательной надписью «Дорогой Нине Семёновне с благодарностью за поддержку нашей работы»). Как кажется, можно пренебречь некоторой некорректностью сравнения лексики избранных единиц в виде неравной протяженности рассматриваемых ареалов и неравного объема сравниваемого материала, к тому же отобранного на не совсем одинаковых принципах (ПОС – словарь полного типа, а СГКЗ – дифференциального, хотя и понимаего широко). Оказалось, что такое сравнение имеет объяснительную силу как по количеству, так и по качеству (свойствам) анализируемых ареальных фактов, которые могут помочь уточнить типологию сравниваемых ареалов. Сравнение проводится по 131 позиции (слову или словосочетанию единицы тождества говоров), которые определяются по словарному составу СГКЗ как источнику меньшего объема, чем ПОС 23. В ПОС одному слову исходной позиции в СГКЗ может соответствовать группа слов (словообразовательное гнездо, полисемант и т.д.). Как и в VIII разделе Программы Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) «Семантика и ареалы», мы придерживались того же принципа отбора материала из ПОС, противопоставляемого словам из СГКЗ, при котором «форма слова (его фонетический вариант, морфологический, словообразовательный) может в говоре не совпадать с той, в

которой оно приведено в списке» (Программа: 325). Примерно теми же целями, что в Программе ЛАРНГ, мы руководствовались, работая с отобранной лексикой: изучение лексики, пограничной с другими славянскими языками, изучение распространения лексики по регионам: северному, западному, южному, восточному, центральному, изучение семантики многозначных слов, приставочного словообразования, изучение сохранения в современном народном языке древней лексики. Последнее задание соответствует направлению, заданному программой Общеславянского лингвистического атласа. Говоря в общем, мы стремились раскрыть всю возможную гамму семасиологических, системно-структурных, дервационных и ареально-типологических признаков, заложенных в лексике сравниваемых ареалов, соотношение лексики нарицательной и проприальной, наличие устойчивых оборотов и др. Отметим два момента такого сравнения.

1. Полное сходство семантики, структуры в сравниваемых позициях (в скобках номер позиции): *огре'х* (2), *огружа'ть* (3), *огру'знуть* (4), *огры'за* (5), *огуве'нник* (6), *огу'льная* (7), *огуре'чник* (8), *одво'рица* (9), *одво'рки* / *одво'рка* (10), *одева'ние* (11), *одели'ть* (12), *оделя'ть* (13), *одея'лочко* (14), *одина'кий* (15), *одинёшенький* (16), *оди'нова* (17), *оди'ножды* (18), *однова'* (19), *одного'дник* (20), *одного'дка* (21), *однокоры'тник* (22), *одноко'ска* (23), *одноле'ток* / *одноле'тка* (24), *одува'н* (25), *ожерёлок* (26), *оже'чь* (27), *озерко'* (28), *ози'мина* (29), *озимо'вый* (30), *озноби'ть* (31), *ока'рмливать* (32), *о'кать* (33), *окова'лок* (34), *окола'чивать* (35), *околева'ть* (36), *око'ленки* / *околе'нок* ?(37), *околе'ть* (38), *около'ток* (39), *окомёлок* (40), *окорёнок* (41), *окочу'риться* (42), *око'шко* (43)?, *окрести'ть* (44), *окромя'* (45), *окру'г* (46), *окру'чивать* (47), *окупать* (48), *окуси'ть* / *окуса'ть* (кусок) (49)?, *оку'тка* (50), *оку'тываться* (51), *оку'чник* (52), *ольши'на* ((54), *оме'жек* / *оме'жечек* (55), *омёт* (56), *омша'ник* (57), *омя'лье* (58), *он* (59), *она'гдысь* / *она'дысь* (60), *ону'ча* (61), *опа'ра* (62), *опа'рник* (63), *опа'рница* (64), *опа'рыш* (65), *опа'хивать* (67), *опахну'ть* (68), *опе'киш* (69), *опе'ть* (71), *опе'чек* (72), *опи'тки* (73), *оплета'ть*

(74), *опо'ек* (75), *опо'ка* (76), *опо'рки* (77), *опосля'* (78), *опоя'ска* (81), *опоя'сник* (82), *опоя'сываться* (83), *опра'вить* (84), *опри'чь* (85), *опрово'рить* (86), *опроста'ть* (87), *опроста'ться* (88), *опух* (89), *опуш* (*опушечек*) (90), *опу'шка* (91), *опы'ток* (92), *ора'ло* (93), *ора'ть* (94), *оре'шье* (95), *оря'сина* (97), *освеча'ть* (98), *оскли'знуть* (100), *осла'бнуть* (101), *осно'ва* (107), *особли'во* (109), *оста'нный* (110), *остаре'ть* (111), *оста'тний* (*оста'тный*) (112), *осташи'* (113), *о'стов* (114), *осто'жье* (115), *островьё* (116), *остря'к* (118), *осьмна'дцать* (119), *ота'ва* (121), *отавушка* (122), *отбо'й* (125), *отва'дить* (126), *отва'ливать* (127), *отва'льная* (128), *отвару'шка* (129), *отверзе'ть* (130), *отвёртка* (131).

2. Неполное сходство семантики, структуры в сравниваемых позициях, различие в количестве вариантов, особенностях словообразования, наличии полисемантов, оттенков значения и особенностей употребления. Здесь ограничимся некоторыми примерами. В двух рядах слов из СГКЗ и ПОС выделено общее для них слово, максимально совпадающее по семантике и структуре, которое можно считать ключевым (номер позиции впереди сравниваемых рядов).

(1) СГКЗ. *Огреба'лка*, ***огреба'ть***. Слова в прямом значении, общеупотребительная лексика, последнее слово есть в литературном языке.

ПОС. *Ограба'л, ограба'т*, *ограба'тый*, *ограба'ть* и *ограбя'ть*, *ограби'ловка*, *ограби'тель*, *ограби'телька*, *ограби'ть* (сено), *огра'бка*, *ограбле'ние*, *огра'бливать*, *ограбля'ть*, *огра'быш*, *ограбя'ть* (см. *ограба'ть*); ***огреба'ть*** и *огреба'ти* (7 значений), *огреба'ться*, *огре'блины*, вар. *огре'блины*, *огрёбок*, *огрёбыш*, *огрести'* (5 значений), *огрёстье*. Слова в прямом и чаще переносном значении разных функционально-стилистических характеристик, по-разному ареально маркированные, с чередованием гласных в корне, особенностями употребления.

(14) СГКЗ. *Одева'нье*; *оде'вши, оде'мши* и *оде'мшись*; ◊ *пло'хо оде'вши*; ***одея'лочка*** (*адеялачка заиндевела)*, *одёва, одёвка*, *одёжа*, ◊ *одёжа на выход*; *одёжина*, *одёжка*.

ПОС. *Оде'ть* и *одеять* (12 значений), *оде'ться* и *одёться* (3 значения), *одея'л, одея'ла, одея'лина, одея'лице* (см. *одея'льце*), *одея'лишко, одея'лка, одея'ло,* вар. *вудея'ло, дея'ло* (истор. свед. из документа 1726 г.), ***одея'лочко***, *одея'льник, одея'льное, одея'льце, одея'ние* (истор. свед. из памятников 1480, 1582 гг.), *одея'нки, одея'нцы, одея'ньице*.

(21) СГКЗ. ***Одного'дник***, *однокоры'тник, однокупе'льник, одноле'тки*.

ПОС. *Одного'день, одного'дик, одного'дка,* ***одного'дник***.

(28) СГКЗ. *Озери'нка*, ***озерко'***.

ПОС. *Озера'ва, озери'ще, озёрка,* ***озерко'*** (5 значений), *Озерки'* – ‘название части деревни’ (+ истор. свед. 1585–1587 гг. по 2 значению I части), даны синонимы в 5 значении ‘небольшой залив на озере, заводь’: «*Ср. втяжина, заводь, залив, лука*». Указано слово в составе топонима и приведено обширное словообразовательное гнездо: *Романихино Озёрко*; *озёрник, озернина, озерница, озёрный* и *озёрны'й, озеро'*, вар. *возеро, зеро*; *озёрок* и *озерок* (3 знач.), *озерочек* и *озёрочек, озёрочко, озёрочный, озерской* (~ *Озерское*. Название поля), *озёрушко, озерцо* и *озёрцо* (истор. свед. XV в.), *Озерчи'ны*. (Название сенокосного угодья), *озёрье, озеря'вка, Озеря'вка* (название сенокосного угодья).

(49) СГКЗ. ***Окуси'ть.***

ПОС. ***Окуса'ть***, *окуси'на, окусо'к, окусо'чек, оку'сыш*.

(53) СГКЗ. ◊ *Оле'ний день*. ◊ ***Оле'нь*** *рога обмочил*.

ПОС. *Оле'нин, олени'на,* ***оле'нь*** (3 значение – ‘лось’, вар. *лень*. *Лось* / *оле'нь*. + Разговорник Т.Ф. 1607 г.), *оле'ньский*.

(101) СГКЗ. ◊ ***Осла'бнуть*** *животом*. ◊ *Осла'бшие люди*.

ПОС. *Осла'ба* (+ документ XVI в.), *ослабе'нить, ослабе'ниться, ослабе'ть, осла'бить*, (+ Разговорник Т.Ф. 1607 г.), *осла'биться, ослаблённый, ослабленье,* ***осла'бнуть*** (5 значений + синонимы), *ослабный* (+ документ XVI в.) и т.д.

Как видно, подавляющая часть лексики, сходной по семантике и структуре в обоих словарях, представляют собой глагольную лексику или образования от нее с приставкой *о*-, количественно более многочисленные в ПОС, чем в СГКЗ. Как кажется, это объясняется не только большим объемом

материала на протяженных псковских ареалах, представленного, как правило, в виде развернутых словарных гнезд и многозначной, многовариантной лексики, чем на относительно небольшой территории говоров междуречья Костромы и Унжи. Это зависит, главным образом, от относительной однородности исследуемых костромских говоров, в основном центрального типа, многие черты лексики которых легли в основу литературного языка, что и объясняет относительную скудность словарного инвентаря говоров Костромского Заволжья на фоне исключительного словарного богатства разнородных и удаленных от говоров центра псковских диалектов, соседящих с говорами других зон, диалектных объединений и даже языков. Приставочные образования в сравниваемых говорах более продуктивны и своеобразны, чем в литературном языке, многие сохранились с древнерусской поры. Таковы в нашем материале глаголы *окуси'ть* (СГКЗ) и *окуса'ть* (ПОС). Первый со значением ‘укусить, т.е. нарушить целостность чего-либо’, характерный для говоров Вологодско-Вятской группы, с древней поры сохраняет преф. *о*- (**ob*-) в отличие от литературного *укуси'ть* с преф. *у*-, второй со значением ‘искусать’ имеет ту же структуру и отмечен, по данным СлРЯ XI–XVII в., в документах XVII в. (ЭССЯ 27: 162). В литературном языке ему соответствует глагол *обкусать*.

ПОС представляет собой особый тип универсального лексикографического произведения, объединяющий в себе принципы энциклопедического и толкового словаря. Так, И.С. Лутовинова, посвящая свою статью признакам энциклопедизма в ПОС, напоминала, что Б.А. Ларин еще в 1936 г. в своем «Проекте древнерусского словаря» ставил задачу совместить «узкофилологическую обработку материала» с «экскурсами реально-энциклопедического характера» (Лутовинова 2016: 146). Действительно, примеров этому даже на нашем небольшом отрезке 23 выпуска словаря много. Так, в 1 позиции в ПОС (см. выше) слова с корнем *граб*- представлены пятью глаголами с разными суффиксами, придающими разные семантические оттенки действию, и девятью девербативами-существительными, из которых одно – ***ограбле'ние*** – совпадает

со словом литературного языка, и одно является деадъективом – ***ограба'тый*** (*пусть тебя' аграба'тава камары' везу'т*), предположительно восходящим к причастию. Мотивировка субстантивов ***ограба'л*** ‘вор, грабитель’ (*Мо'жэ, аграба'л ён, придё и агра'бя тябя'*. Остр. *ср.* ***ограба'т*** (ПОС 23: 5) и *ограба'т* (1. Человек, берущий чужое, вор, грабитель. *Партиза'ны не'ътарыйи бы'ли, а не'къктарыйи бы'ли аграба'ты*. Себ. *Цыга'ни аграба'тъми аказа'лись*. Палк. *А и но'нча жыв буди'ла, като'рый да вайны' был кулак, а в вайну' стал аграбат'*. Локн. ср. *ограба'л*, *ограби'тель* (ПОС 23: 5) в том же значении (при сравнении с равнозначным ***огреба'льщик***), возможно, та же. Эти уникальные образования, в прошлом краткие страдательные причастия, кажется, являются принадлежностью только псковских говоров, во всяком случае, их нет в говорах северо-восточной диалектной зоны (например, костромских, ивановских, ярославских), и они не отмечены в СРНГ. В ПОС продуктивны и слова с корнем *греб*-, в СГКЗ есть только слова с этим корнем и не обнаружены слова с корнем *граб*-, последних нет и в литературном языке**.** Глагол *огреба'ть* является общим для псковских и костромских говоров и имеет два значения в костромских говорах и шесть в псковских с оттенками и отмеченными особым знаком особенностями употребления. Так, длинное тире, знак употребления, имеется во всех значениях слова, кроме третьего. Напомним, что в своей статье «О знаке употребления в псковском областном словаре с историческими данными» О.В. Васильева обрисовала общую картину использования знака употребления в Псковском областном словаре и все малейшие семантические и грамматические нюансы, которые даются за знаком употребления в 25-м выпуске этого словаря (Васильева 2016). Несомненно, как и пишет об этом И.С. Лутовинова, этот знак также свидетельствует об энциклопедизме ПОС.

Приведем пример комитативного использования лексических, семантических, грамматических и стилистических средств в 1 значении словарной статьи ПОС ***огреба'ть***[1] и ***огреба'ти***, -а'ет, -а'е, несов. I 1. *что*. Граблями собирать в валы, кучи, или ворошить (сено). *Се'нъ агряба'е грабе'льшъца*. Сл.

Пришли' в лес сяво'ньня, ста'ли се'на агряба'ть, сабра'ли ку'чна: он уш вы'сахшы. Пуст. *За'фтра хазя'ин прие'дить, пайдём се'на агриба'ть*. Холм. *На'дъ ужэ' угряба'ть итти'*. Гд. — *чем. Пато'м агряба'ти грабля'м*. Сл. *ср.* ***аграба'ть*** *// чем.* Собирать сено с помощью сельскохозяйственной техники. *Се'на в вал бальшо'й агряба'ют граби'лкай*. Остр. (ПОС 23: 10). Сама форма ***огреба'ти*** в ПОС стилистически и географически значима: слово принадлежит к архаическому слою языка и неупотребимо в говорах центрального типа.

Слово ***оле'нь*** в псковских говорах с давних времен (отражено и в Разговорнике Т.Ф.) может обозначать лося, чем оно отличается от костромских говоров и что является этнографической особенностью края; слово в равной степени популярно в сравниваемых говорах в хронометрическом обозначении Ильина дня и зафиксировано в СГКЗ в составе устойчивых оборотов.

Если продолжить разговор об этнографических особенностях обсуждаемой общей лексики в СГКЗ и ПОС, что можно считать также признаком энциклопедизма и в СГКЗ, то надо отметить своеобразное значение деадъективной отпричастной формы ***осла'бший***, характерной именно для речи родины отходников-питерщиков междуречья Костромы и Унжи Костромского Заволжья: *осла'бшие люди*. Этот эвфемизм скрывает резко отрицательное отношение односельчан к неэтичному поведению семейных кормильцев, как бы против своей воли не устоявших перед городскими соблазнами и провинившихся перед своими семьями и сельской общиной. За это их по этапу в кандалах (*липовой машине*) принудительно возвращают домой. Вот словарная статья на эту тему из СГКЗ: «◊ ***Осла'бшие лю'ди***. Отходники-питерщики из чухломских и солигаличских деревень, не посылающие домой денег ввиду пьянства и безделья. *Ничего не заработавшие питерщики, возвращающиеся этапом, «пешком», – по липовой машине – любящие погулять, выпить, по местному выражению, ослабшие люди*. Солиг. (Корцово) (СГКЗ: 260).

Таким образом, сопоставительное изучение лексики на материале лексикографических произведений, казалось бы,

значительно удаленных друг от друга северо-западных и северо-восточных русских говоров, позволяет установить их значительное сходство по многим параметрам. Тем самым подтверждается их общий глоттогенез и уточняется их типология как единиц диалектного членения русского языка. В то же время на этом фоне выявляется и ряд различий в составе, структурно-семантических качествах и особенностях функционирования лексики, которая с течением длительного времени пребывания на Псковщине и в междуречье Костромы и Унжи обрела новые черты. Анализ псковской лексики по материалам Псковского областного словаря в полной мере, со многими тонкими нюансами, показал богатство русских диалектов и роскошь их умелого, детального описания, доставил огромное эстетическое удовольствие. И это достигнуто благодаря прекрасному замыслу его создателей, в первую очередь Б.А. Ларина, кропотливой, многотрудной работе полевиков-собирателей, составителей картотеки ПОС и уникальной методике работы над созданием композиции и словарных статей ПОС, что сделало ПОС наравне с Толковым словарем живого великорусского языка В. Даля национальным достоянием и сокровищницей русского языка.

Сокращения

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI. 512 с.

Литература и источники

1. Васильева О.В. О знаке употребления в Псковском областном словаре с историческими данными // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 91–100.
2. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI, 512 с.
3. Лутовинова И.С. Энциклопедизм «Псковского областного словаря с историческими данными» // Славянская

диалектная лексикография 2: Материалы конференции / Отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, И.В. Бакланова. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 146–156.
4. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: научно-метод. пособие. СПб.: Наука, 1994. 336 с.

УДК 811.161.1

Ю.Ф.Денисенко
(Санкт-Петербург, Россия, denis-ju@mail.ru)

Картографирование в «Псковском областном словаре с историческими данными»

«Псковский областной словарь с историческими данными» – лексикографический труд с компонентами «малого» (регионального) атласа. В вышедших 26 выпусках представлены 11 лексических карт основных типов: семантические, синонимические, лексико-словообразовательные. Они отражают локальное распределение номинативно-семантических, синонимических, словообразовательных данных, которые в своей совокупности представляют картину ареального членения псковских говоров.

Ключевые слова: ареалы и изоглоссы в областном словаре, лингвистические карты, лингвогеография, членение псковских говоров.

Ju.F. Denisenko

Mapping in the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”

“Pskov Regional Dictionary with Historical Data” is a lexicographic work with the components of the *small* (regional) atlas. In 26 editions published there are 11 lexical maps of the main types: semantic, synonymous, lexical-wordbuilding. They reflect the local distribution of nominative-semantic, synonymous and word-formation data, which represent the areal division of the Pskov dialects.

Key words: areals and isoglosses in the regional dictionary, linguistic maps, linguogeography, division of the Pskov dialects.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00150а «Русское диалектное слово в синхронии и диахронии: проблемы лексикографического описания».

В период сбора материалов для «Псковского областного словаря» (ПОС) в отзыве о кандидатской диссертации Я.Д. Нагина «Говірки Каховського та сусідніх районів Херсоньскої області» (1955) Б.А. Ларин отмечал: «Каждый “ландшафт”, каждая область страны – уже в силу своеобразия своей истории, характера заселения, занятий и нравов населения – представляет собой неповторимый объект исследования, каждая группа говоров требует особых приемов, особого плана исследования» (Ларин 2003: 271). А в более ранней статье «О принципах составления атласа славянских языков» (1949) есть его высказывание о «малых атласах»: «…самое начало работы над общим атласом славянских языков <…> заставит выдвинуть даже малые атласы в разряд первоочередных работ, может оказать им прямое содействие <…>. Параллельно с подготовкой общего и частных атласов славянских языков следовало бы осуществить сплошное обследование небольших районов, где имели место особенно сложные узловые скрещения языков, как, например, некоторые районы Македонщины, Баната, Виленщины, Гомельщины, Закарпатья или Псковской области» (Ларин 2003: 241, 251). Идеи о своеобразии небольшой группы говоров одного из славянских языков, о необходимости регионального атласа подобной группы говоров нашли отражение в проекте будущего «Псковского областного словаря».

Последний из названных районов «узлового скрещения языков» и их говоров – Псковская область – «в силу своеобразия… территории, характера заселения, занятий и нравов населения» становится объектом пристального изучения лингвистов Ленинградского университета и Псковского пединститута с первых послевоенных лет. На основании собранных материалов приступили к составлению ПОС. В 1961 г. опубликована «Инструкция Псковского областного словаря» Б.А. Ларина, в одном из параграфов которой

говорится: «В виде приложения к ПОС будет добавлен комплект карт географического распространения <…> слов, которые <…> имеют своеобразные изоглоссы на Псковской карте. По большей части это слова, какие собраны нашими экспедициями по специальным словарным программам, т.е. карты слов, границы распространения которых в Псковской области зафиксированы проверенными данными <…> Кроме лексикальных карт будут даны исторические карты границ: 1) Псковского княжества (XIV–XV вв.); 2) Псковского воеводства (XVI–XVII вв.) и 3) Псковской губернии (XVIII–XIX вв.)» (Ларин 2003: 674) – таким образом в рамках областного словаря реализовывается идея создания «малого» (в пределах одной области) лексического атласа. Сам термин «областной словарь-атлас» представлен у Б.А. Ларина в названии рецензии («Опыт областного словаря-атласа…») о книге Я. Сятковского (J. Siatkowski. Słownictwo Warmii i Masur. Budownictwo i obrobka drewna. Wrocław, 1958, str. 140 + 64 mapy) и в ее тексте: «Надо приветствовать эту работу как наиболее выдержанный образец областного словаря-атласа, каких хотелось бы видеть побольше <…> Следовало бы и нашим диалектологам испробовать свои силы в этом новом жанре, т.к. и для исторической лексикологии, и для исторической диалектологии такие атласы-словари могут быть сокровищницей надежных и важных исходных данных» (Ларин 1962: 136). Идея совмещения областного словаря и областного лексического атласа была незадолго до этой рецензии представлена в «Инструкции» ПОС.

Материалом для создания лексических карт ПОС служит богатейшая (собираемая с 1945 г. по настоящее время) картотека с охватом всех районов Псковской области и ряда тяготеющих к псковским говорам смежных территорий областей Ленинградской (Сланцевского р-на), Калининской/Тверской (Торопецкого р-на), Новгородской (Холмского р-на) и приграничных деревень Латвии, Эстонии – картотека двух университетов Санкт-Петербурга и Пскова с давними и прочными традициями изучения псковских говоров; она насчитывает свыше двух миллионов карточек (Ивашко,

Поцепня, Лутовинова, Тарасова, Трофимкина, Еськова, Кукушкина 2016: 241).

В «Списке названий населенных пунктов по районам» (ПОС 1: 27–41) при названии даны год/годы записи материалов в этом пункте и его номер на карте (карта-основа со всеми номерами районов римскими и пунктов арабскими цифрами прилагается как вкладка к 1-му выпуску ПОС); номеров не имеют пункты, отсутствующие на географической карте области; под одним номером даны пункты, расположенные поблизости, в 3–4 км от номерного пункта. Список населенных пунктов все время пополняется, но сетка номерных пунктов остается пока в прежнем виде. Все карты поэтому абсолютно сопоставимы друг с другом.

При наличии карты-основы с полным набором номерных деревень (до № 766 на юге Невельского р-на) и возможности поставить номера при населенных пунктах к интересующему слову и составитель словаря, и его пользователь могли создать достаточно точную «картинку» распространения слова, его значения и т.п. Лингвистические карты предполагалось подавать на страницах словаря или в виде приложения к нему, также и читатель словаря по карте-основе имел возможность составить карту для своих целей. Но с 5-го выпуска ПОС (1983) такая возможность осталась только у составителей словаря на этапе его создания, поскольку «ареальная характеристика слов и их значений обеспечивается указанием на районы» (ПОС 5: 3) (заметим: без деревень!); географическая характеристика материала в словаре укрупнилась и потеряла при этом свою точность. (Существенная, обидная, хотя и вынужденная потеря – для сокращения объема словаря.) С 27-го выпуска в ПОС вернулись к географической документации с указанием района и населенного пункта, но также и года записи; в этом выпуске будет повторена карта-основа. В период работы над 22-м выпуском ПОС (2011) карта-основа переведена в электронную форму (с прежней номерной сеткой деревень и районов), и карта № 11 этого выпуска создана по электронной технологии.

Если лингвистический (в том числе и лексический) атлас создается по своей программе – с перечнем обязательных

вопросов (для каждого из которых должен быть получен положительный или отрицательный ответ) и набором/сеткой картографируемых пунктов, то лексические карты ПОС составляются по материалам словарной картотеки – без дообследования неохваченных населенных пунктов: сколько материала накоплено в картотеке, столько и отражено на карте – со всеми мельчайшими особенностями: единичными лексемами, незначительными семантическими особенностями и т.п. (которые в атласах отсекаются).

Исходными для картографирования в ПОС можно считать такие карты (которые были известны Б.А. Ларину): 1) исторические с охватом псковских земель в разные временные периоды, как, например, в «Очерках истории СССР» (вып. I–IV. М., 1953–1957); на основе «Очерков» О.С. Мжельской составлена «Историческая карта-схема Псковщины» (ПОС 1: 7); 2) лингвистическая С.М. Глускиной в статье «Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах (Глускина 1962: 57). На карте-схеме представлены реальные исторические границы, многовековое «прирастание» псковских земель феодальной и послефеодальной поры вплоть до современности: 1–2) западные границы Новгородской земли XII в., XIII в.; 3) границы Псковской земли до 1510 г.; 4–5) граница Великого княжества Литовского и Русского государства в начале 1490-х гг., в 1551 г.; 6) граница Речи Посполитой и Русского государства в конце XVI – начале XVII в.; 7–8) границы Псковской провинции во второй четверти XVIII в., Псковского наместничества в конце XVIII в.; 9) границы Псковской области в 1965 г. На карте С.М. Глускиной отражены древнейшие особенности псковских говоров – «неразличение свистящих и шипящих (*мяхо* ‘мясо’, *хвет* ‘свет’) и вытекающие из этого явления» – факты употребления глаголов на *-хать, -хывать, -хнуть* (в которых звук [х] соответствует общерусским [*с*] и [*ш*]: ср. *мехать – мешать, месиво, опояхывать – опоясывать, плехнуть – плеснуть*); последние особенности очерчивают на карте территорию древнепсковских говоров дофеодального периода (Глускина 1962: 28–57); фрагменты карты С.М. Глускиной с

глагольными фактами воспроизведены (с использованием номерной сетки псковской карты-основы) в нашей работе (Денисенко 2013: 168–169).

В 26-ти выпусках ПОС представлено 11 лексических карт: №№ 1–3 в ПОС 1 (1967), №№ 4–5 в ПОС 2 (1973), № 6 в ПОС 3 (1976), №№ 7–8 в ПОС 10 (1994), № 9 в ПОС 12 (1996), № 10 – карта-вклейка в ПОС 14 (2004), № 11 (ошибочно дана повторно под № 10) в ПОС 22 (2011). В рукописи ПОС 27 представлена карта № 12. Карты №№ 1, 3, 4, 5 составил А.И. Корнев, № 2 – Н.И. Яковлева, №№ 6 и 11 – Ю.Ф. Денисенко, № 7 – А.М. Кравчук и В.С. Рыжова, № 8 – О.В. Епейкина, №№ 9 и 10 – Ю.О. Гурулева.

Лексические карты ПОС таких видов: 1) семантические, с представлением значений какой-либо лексемы (№ 1 – слова *бабýрка*, № 2 – *баркáн*, № 5 – *бор*, № 8 – *жмыль*, №10 – *кокóра* (первый омоним); 2) синонимические, с презентацией различных наименований одного явления/понятия (№ 3 – названий Ledum palustre, багульника; № 4 – названий Erigeron acer, мелколепестника острого; № 9 – названий затененного места); 3) отражающие наименования частей некоего обобщенного целого и их синонимов (№ 6 – названий фаз лунного диска – локальных обозначений молодой, полной, старой луны; № 7 – названий фракций яйца – белка и желтка); 4) лексико-словообразовательные (№ 11 – наречия времени от корня/основы *най-/ней-/нёнь-/нинь-/ной-/ноне-/нонь-/ны-/ный-/ныль-/нын-/ныне-/нынь-/нэй-* + суффикс *-ма/-мо/-ме/-мя(сь)/-мы/-ми*); словообразовательные особенности представлены и на некоторых картах предшествующих типов.

Ареалы всех лексических карт (за исключением одной – № 7) прослежены и описаны нами в цикле статей о лингвистическом картографировании в ПОС (Денисенко 2013, 2014, 2015, 2016; статья о карте № 7 в печати). В «Лингвистическом атласе района озера Селигер» (Филин, Мальцев 1949), например, 47 карт (не все они лексические); в упоминаемом в рецензии Б.А Ларина словаре-атласе Я. Сятковского 64 карты; в ПОС 11 карт (12-я в 27 вып. – в печати). Это пока немного, но нет и двух карт, совпадающих по

ареалам. Выделяются такие частные ареалы: гдовская группа; северные районы; западная половина центральных районов; восточная половина центральных районов; запад области и часть центра; часть центра и восток; полоса центральных районов; массив районов ниже линии по центру региона Остров – Холм до южных границ области; самый юг региона; по левобережью Великой; по восточной дуге от северных до южных районов (см. подробнее: Денисенко 2014 а: 116–117; 2015: 212–213; 2016: 175–180). В таком обобщенном виде это трудно воспринимается, отметим, что попунктно описанные нами ареалы в большинстве случаев совпадают или значительно приближаются по конфигурации к ареалам на карте Псковской области в «Лексическом атласе Верхней Руси» А.С. Герда (Герд 1996: 4; карта повторена в нашей работе: Денисенко 2016: 178–179); частных ареалов на картах ПОС больше, чем на карте в «Атласе» А.С. Герда.

На Псковской карте «Атласа» А.С. Герда нет ареала центральных районов. Нет на ней и ареала, совпадающего с «диалектной зоной псковского ядра» (Герд 2001: 10) на «Исторической карте-схеме» О.С. Мжельской (заштрихованная ее часть) и на лингвистической карте С.М. Глускиной (глагольная часть), на карте № 11 ПОС (наречий *нойма, ноньма* и других с суффисом *-ма, -мо* и т.п.; см. Денисенко 2013). В пределах древнего ареала отмечаются некоторые материалы карт 10, 2, 8. Карты «псковского ядра» – ценнейший материал для обоснования древности псковских говоров, их обособленного состояния, не знавшего пока новгородского влияния – в пределах субстратной балто-финской зоны.

Псковские лексические карты – ценнейший материал для интерпретации ареалов и изоглосс прежде всего на восточнославянском фоне (сложнейший состав псковских говоров показан нами в указанных работах 2013–2016 гг.), а также для интерпретации их в пределах славянского мира (что предстоит еще сделать).

Литература и источники

1. Герд А.С. Лингвистический атлас Верхней Руси // С.-Петербургский гос. ун-т. Научные доклады. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 8 с.
2. Герд А.С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси: История ландшафта // С.-Петербургский гос. ун-т. Научные доклады. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 21 с.
3. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры 1: Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 г. Псков, 1962. С. 28–57, с лингвистической картой.
4. Денисенко Ю.Ф. Об одном древнепсковском ареале // Лингвистический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2013 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 154–178, с лингвистическими картами.
5. Денисенко Ю.Ф. Лингвистическое картографирование в «Псковском областном словаре»: Общие положения. Семантические карты // Лексикология. Лексикография: Русско-славянский цикл / Отв. ред. Т.С. Садова; Русская диалектология / Отв. ред. О.В. Васильева; История русского языка / Отв. ред. Е.И. Зиновьева, О.В. Васильева. Материалы секций XLIII Междунар. филолог. конференции 11–16 марта 2014 г., Санкт-Петербург. СПб., 2014. С. 110–118.
6. Денисенко Ю.Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре: Семантические карты в «Псковском областном словаре» // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2014 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 238–267, с лингвистическими картами.
7. Денисенко Ю.Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре: Синонимические карты в «Псковском областном словаре» // Лексический атлас русских народных говорах: Материалы и исследования 2015 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 184–215, с лингвистическими картами.
8. Денисенко Ю.Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре: Карты наименований частей некоего обобщенного целого (и их синонимов) в «Псковском областном словаре»: Карта № 6. Локальные обозначения фаз луны // Лексический атлас русских народных говоров:

Материалы и исследования 2016 / Отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 173–188, с лингвистическими картами.
9. Ивашко Л.А., Поцепня Д.М., Лутовинова И.С., Тарасова М.А., Трофимкина О.И., Еськова А.Д., Кукушкина И.С. Осенне-зимний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России // Севернорусские говоры. Вып. 15 / Отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 240–314.
10. Ларин Б.А. Опыт областного словаря-атласа: О книге: J. Siatkowski. Słownictwo Warmii i Masur. Budownictwo i obrobka drewna. Wrocław, 1958, str.140 + 64 mapy // Слово в народных говорах русского Севера / Отв. ред. Б.А. Ларин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 129–136.
11. Ларин Б.А. Филологическое наследие. Сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 952 с.
12. Филин Ф.П., Мальцев М.Д. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.; Л., 1949. 30 с., 47 карт.

УДК 811.161.1

В.Г. Дидковская
(Великий Новгород, Россия, pobeda.49@yandex.ru)

Фонетические славянизмы в диалектном словаре (на материале Псковского и Новгородского областных словарей)

Статья посвящена анализу диалектных слов с неполногласием в Псковском областном словаре. Автор сопоставляет материалы нескольких разнотипных словарей и приходит к выводу о существовании разных генетических групп неполногласных диалектизмов. В зависимости от источников появления они подразделяются на собственно диалектизмы, книжные и разговорные диалектизмы.

Ключевые слова: диалект, диалектный словарь, литературный язык, церковнославянизмы, семантика, неполногласие, полногласие, исторические изменения

V.G. Didkovskaya

Phonetic Slavisms in the Dialectal Dictionary (Based on the Pskov and Novgorod Regional Dictionaries)

The article is devoted to the analysis of dialectal words with the lack of full vocalism in the Pskov Regional dictionary. The author compares the materials of several different types of dictionaries and comes to the conclusion about the existence of various genetic groups of dialectisms with the lack of full vocaliam. According to the sources of their emergence, these dialectisms are subdivided into dialectisms proper, bookish and colloquial dialectisms.

Key words: dialect, literary language, Church Slavicisms, semantics, lack of full vocalism, full vocalism, historical changes

Церковнославянизмы – одна из самых значительных по объему и сложных по историческому пути групп лексики. Вопрос о составе и объеме этого класса слов, его роли в истории русского языка, устного и письменного, интересовал уже книжников Московской Руси и продолжает обсуждаться современными лингвистами. Однако изучение церковнославянской лексики «в себе и для себя» без выхода в живую народную речь обедняет представление не только о сложных исторических процессах в ней самой, но и о литературном языке в целом. «Без историко-диалектологических изысканий нельзя вполне выяснить ни вопроса о народных основах русского литературного языка <…>, ни многочисленных и разнообразных частных проблем исторической фонетики, исторической грамматики и исторической лексикологии русского литературного языка», – отмечает В.В. Виноградов, подчеркивая, что союз истории русского литературного языка с исторической диалектологией не менее плодотворен для самой диалектологии (Виноградов 1978: 210). Плодотворность этого подхода заключается в том, что исследователи получают возможность не только выявлять и описывать диалектизмы, вошедшие в состав литературного языка в разное историческое время, но и изучать обратные процессы в истории русских говоров – включение единиц письменной книжной речи в их лексическую систему.

Одним из первых указал на важность изучения взаимодействия между литературным языком и народными говорами во всей полноте и многообразии их связей А.А. Шахматов. Как известно, А.А. Шахматов считал, что церковнославянское влияние на образование и развитие русского литературного языка было всеобъемлющим. Он писал, что в древности славянизмы проникали под влиянием книжного языка сначала в речь образованных людей, затем в речь городского населения Древней Руси, и, не позднее XII–XIII вв., в живые народные говоры и местные диалекты. В числе славянизмов, в древности проникших в народную речь, А.А. Шахматов приводит слова с неполногласием *время*, *вред*, *средство*, *срам*, *нрав*, *благой* и др. (Шахматов 1941: 236–237).

Изучение взаимодействия литературного языка и диалектов в лексической сфере имеет особенно важное значение, поскольку «нет никакого сомнения в том, что основа диалектов русская <...>, здесь легче определить пути усвоения церковнославянизмов, так как диалекты – область русской речи, наиболее далеко отстоящая от церковнославянского языка. На фоне системы мало нормированной формы языка со специфически русскими приметами достаточно отчетливо выявляются количество и конкретные черты использования церковнославянских элементов в русском языке» (Порохова 1988: 5).

В исследованиях по истории русского языка и диалектологии рассматриваются главным образом церковнославянизмы с неполногласием, что вполне объяснимо, поскольку соотношение «неполногласие – полногласие» является очевидным и общепризнанным различием славянизмов и русизмов. «Церковнославянское влияние на разговорный язык отразилось, по-видимому, в русских говорах, где широко представлены неполногласные формы» (Успенский 1994: 39). О.Г. Порохова насчитала по данным картотеки Словаря русских народных говоров и некоторым другим источникам в русской диалектной речи около 1200 слов с неполногласием (Порохова 1988).

Однако количественные данные при всей их важности не дают ответа на вопросы об особенностях бытования такого рода слов в диалектной лексической среде. Как полагают историки языка, славянизмы с неполногласием, генетически связанные с церковной книжностью, с литературным языком, вначале проникали в живую народную речь, ассимилировались в ней, а затем усваивались диалектной речью. При этом они претерпевали в диалектах серьезные преобразования: «…неполногласие, проникнув в общенародную русскую основу и в русские говоры, получило в них свою особую судьбу (новообразования, переосмысление и пр.)» (Филин 1981: 32–33).

В связи с этим, на наш взгляд, правомерным является вопрос об использовании термина «церковнославянизм» по отношению к неполногласным словам в диалектах и о содержании этого термина. Нельзя не согласиться с В.В. Виноградовым, предлагавшим называть церковнославянизмами только слова, «бытовавшие и создававшиеся в русской церковной речи, пока она была живой, органически развивавшейся разновидностью литературного языка» (Виноградов 1977: 26). Включение в этот разряд диалектных лексем с неполногласием требует дифференцированного подхода, направленного в первую очередь на выявление их отношений с фонетическими церковнославянизмами в других сферах русского языка.

Для изучения исторического пути диалектизмов с неполногласными корнями большое значение имеют диалектные словари полного типа, отражающие лексику определенного говора (говоров) в полном объеме и во всем многообразии ее системных связей. В этом отношении выделяется ПОС, который не только позволяет получить представление об активном словарном составе псковских говоров, но и включает большой исторический материал, извлеченный из разножанровых письменных памятников Псковской земли. Совмещение в одном лексикографическом издании лексики современных псковских говоров и лексики исторических источников XIV–XVIII вв. делает ПОС незаменимым источником материала для сопоставительного

изучения диалектной лексики в исторической перспективе. На это значение ПОС указывал Б.А. Ларин, писавший: «Региональный словарь на широком историческом фоне – принципиально новое дело в мировом языкознании. Он явится источником разнообразных исследований исторического, сравнительного и теоретического характера <…>» (ПОС 1: 3).

Обратимся к той группе лексики псковских говоров, которая образуется словами с неполногласным корнем ***благ-*** / ***блаж-***. Для расширения круга лексикографических источников, обеспечивающих объективность и полноту лексико-семантических сопоставлений, представляется необходимым использование материалов Словаря Даля (Даль) и СДРЯ. Обращение к первому из них обусловливается тем, что его материалы последовательно используются составителями ПОС для расширения представлений об особенностях бытования местной лексики через соотнесение со словами, употребительными в разных сферах языка XIX века (Костючук 2001: 177–178). СДРЯ охватывает лексику письменных памятников древнерусского языка XI–XIV вв., что позволяет приблизить хронологические рамки анализируемого лексического материала к началу его письменной фиксации. Тем самым привлечение дополнительных лексикографических данных поможет проследить семантическую историю диалектных слов с неполногласием и более верно судить об их генетических корнях.

В СДРЯ представлено около 500 слов с корнем ***благ-*** / ***блаж-***, часть из которых сохранилась в современном русском языке с теми же значениями, например: **Благо –** 1. Благо, добро // Счастье, благополучие. 2. Чаще мн. Проявление блага, добра. Вечная блага, небесная блага. 3. Только мн. То, что служит удовлетворению материальных потребностей; богатство, изобилие. (СДРЯ I: 166–167); **Благодать** – 1. Добро, благодеяние. 2. Благодать, дар, милость (божья) 3. Благодарность, благодарение, т.е. слава, хвала (по отношению к богу) (СДРЯ I: 179). Другие же, главным образом сложные слова, полностью утратились: *благобоязнивый*, *благовазьнство*,

благовеселие, *благовещие*, *благовольный*, *благовестьникъ*, *благодатель*, *благодействие*, *благоискусити*, *благоязычник* и др.

В Словарь Даля включено более 200 сложных слов с корнем ***благ-***: *благоверство, благовещать*, *благодуроватый*, *благодеять*, *благозрачный*, *благоревностный*, *благосоюзие*, *благоязычие* и др. (Даль I: 91–95). Интересно толкуется слово *благодать*: его значения располагаются по степени убывания «книжности» – *црк*. дары Духа Святаго;‖наитие свыше;‖помощь, ниспосланная свыше, к исполнению воли Божьей;‖любовь, милость; благодеяние, благотворение ‖*Сиб.* Пища, съестное, харч, особенно хлеб (Даль I: 92).

Сопоставление словников трех названных словарей позволяет предложить следующую типологию лексем с корнем ***благ-*** / ***блаж-***, представленных в псковских говорах.

Во-первых, выделяется группа слов, неполногласная огласовка которых не является показателем их церковнославянского происхождения; они не отмечены в СДРЯ и Словаре Даля, а в ПОС не сопровождаются историческим комментарием. Такие единицы образованы в псковских говорах и могут быть названы собственно диалектизмами. Таковы слова *благоданный* ‘данный кстати, в нужде’, *благодарствоваться* ‘петь благодарственную песню на свадьбе’, *благодельный* ‘склонный оказывать благодеяния, добрый’, *благодельня* ‘дом престарелых и инвалидов’, *благостить* ‘просить, вымаливть’, *благосуженый (ая)* ‘жених, невеста ‖муж’, *благоча́стиво* ‘удачно, успешно’, *благочастливо* ‘то же что *благоча́стиво*’, *блажливый* ‘отбивающийся от стада, ходящий, где попало (о скоте)’, *бла́жма* ‘мышца под плечевым суставом, мышка’, а также *благенький*, *благунный*, *блажать*, *блажно*. Некоторые из этих слов отмечены и в НОС: *блажливый* ‘скандалный; глупый’, *блажни́к* ‘человек с причудами, глупый’, *блажни́ца* ‘крикунья; кто упрямится’ (НОС 1: 58).

Во вторую группу объединяются слова с корнем ***благ-*** / ***блаж-***, отмеченные не только в ПОС, где они сопровождаются историческим комментарием, но и в СДРЯ и Словаре Даля, причем во всех словарях они зафиксированы как равнозначные единицы: *благо*2 ‘добро, счастье’, *благодаренье, благодетель,*

благоразумный, благородный, благословленье, благотворить, благочестивый и др. Присутствие их в письменных памятниках, не только псковских, но и общерусских, можно рассматривать как указание на книжный источник происхождения. Так, глагол *благодарить* в ПОС приведен со значением ‘выражать (выразить) благодарность’, которое отражено и в памятниках письменности (ПОС 2: 25). То же значение отмечает СДРЯ (благодарити …2. Выражать благодарность) и Словарь Даля: ***благодарить*** *кого, на чем или за что,* дарить словом или делом, или желать кому благ, добра; изъявлять благодарность, признательность… спасибить кому, говорить спасибо (Даль I: 92); ср.: ***благоразумный*** ‘в полном разуме, рассудке’ (ПОС), ‘рассудительный, предусмотрительный’ (СДРЯ I: 196-197), ‘одаренный благоразумием’ (Даль I: 93). Подобные слова можно отнести к книжным диалектизмам.

Третью группу составляют слова, также присутствующие в трех названных словарях, такие, как *благовестить*, *благородие*, *благородный*, *благодать*, *блаженный* и др. Однако сопоставление толкований их значений сразу же выявляет семантическую специфику неполногласных диалектизмов на фоне их книжного употребления. По мнению Б.А. Успенского, расхождение между семантикой церковнославянизмов в литературном языке и диалектах может указывать не столько на церковный, сколько на русский источник. В качестве иллюстрации этого положения Б.А. Успенский приводит «расхождение между церковнославянским *благий* и русским *благой* (в русском языке слово приобретает отрицательное значение) <…>» (Успенский 1994: 39–40; см. об этом Даль I: 90–91).

Семантическое обособление такого рода наблюдается и для слова *блаженный*: в псковских говорах все его значения имеют отрицательную коннотацию – 1. Крикливый, неспокойный … 2. Дурного нрава, буйный … 5. Глупый, бестолковый ║Чудаковатый. В исторической же части словарной статьи приведены значения с «противоположным знаком» – 1. В высшей степени счастливый, благополучный. 2. Угодивший богу безгрешной жизнью; святой ║Угодный богу

(ПОС 2: 33). В ДСРЯ его связь с церковной сферой еще более отчетлива: 1. Счастливый, блаженный ║достойный прославления, почитания. 2. Святой ║блаженный (чаще о святых) (ДСРЯ I: 223).

Однако семантические отношения между диалектными словами с корнем ***благ-*** и однокоренными словами в литературном языке (в письменных памятниках) могут иметь и другие формы: например, диалектной единице свойственно более конкретное значение, чем ее аналогу в письменном и разговорном употреблении, причем смысловая связь между ними сохраняется: так, сема ‘довольство’ соотносит значение слова ***благодать*** ‘хорошая жизнь, довольство’ в псковских говорах с одним из его употреблений в псковских памятниках письменности и других исторических источниках: ‘полнота благ, исходящая от бога’(ПОС 2: 26) и ‘полнота благ, довольство, блаженство’ (СДРЯ I: 179–181).

Семантическая трансформация неполногласных слов, результат которой отражен в современных псковских говорах, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что они уже не могут рассматриваться как церковнославянизмы, так как сформировались как отдельные лексико-семантические единицы в иной функциональной сфере, не церковно-книжной, а разговорно-бытовой.

Таким образом, материалы ПОС, особенно их историческая составляющая, содержат интереснейшие сведения для нового и более полного и глубокого описания истории церковнославянизмов в русском языке во всей полноте его существования, наблюдения же, представленные в нашей статье, носят предварительный характер и касаются только одного аспекта этой проблемы.

Сокращения

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1 / Под ред. В.П. Строговой. Новгород, Изд-во Новгородского государственного пединститута, 1992.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (X–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т русского языка / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988.

Литература и источники

1. Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 12–34.
2. Виноградов В.В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 206–215.
3. Костючук Л.Я. Словарь В.И. Даля в помощь современным региональным словарям (на материале Псковского областного словаря) // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура. Ч. 1. Иваново: Иван.гос. ун-т, 2001. С. 172–179.
4. Порохова О.Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л.: Наука, 1988.
5. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994.
6. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.
7. Шахматов А.А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. С. 223–244.

УДК 800.87

И.С. Лутовинова
(Санкт-Петербург, Россия, lutovinova.39@mail.ru)

Расширение функциональных помет в «Псковском областном словаре с историческими данными»

Статья посвящена введению новых помет в Инструкцию Псковского областного словаря с историческими данными в раздел «функционально-стилистических помет».

Ключевые слова: инструкция, менталитет псковского крестьянина, Псковский областной словарь с историческими данными, расширение помет, тематико-функциональные пометы, языковая картина мира псковского крестьянина.

I.S. Lutovinova

The Extension of Functional Labels in the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”

The article focuses on the introduction of new labels in the Instruction of the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”, the section of "functional-stylistic labels".

Key words: instruction, linguistic world image of the Pskov peasant, the Pskov regional dictionary with historical data, the mentality of the Pskov peasant, the extension of labels, thematic and functional labels.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00213 «Псковский областной словарь с историческими данными».

Коллектив авторов и редакторов Псковского областного словаря принял решение вновь обратиться к Инструкции Словаря.

Инструкция в очередной (третий) раз была уточнена, дополнена, расширена, частично изменена. Третья редакция Инструкции будет опубликована в 27-ом выпуске «Псковского областного словаря с историческими данными». Выпуск находится в Издательстве Санкт-Петербургского государственного университета.

Третья редакция Инструкции обсуждалась на семинарах в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина в Санкт-Петербурге, была отправлена в Псковский государственный университет. Каждый член коллектива Словаря (в Санкт-Петербурге и Пскове) имел возможность ознакомиться с Инструкцией и высказать свои предложения по ее тексту.

В петербургском коллективе возникли некоторые разногласия, в основном, по двум разделам Инструкции: «семантическая характеристика слова» и «функционально-стилистическая характеристика слов и оборотов»

Я хочу остановиться на разделе Инструкции «функционально-стилистическая характеристика слов и оборотов». Автором этой части инструкции является

проф. Д.М. Поцепня. Она же была автором второй редакции этого раздела Инструкции, он назывался «стилистическая характеристика» (ПОС 15: 43–49) Этот раздел учитывает первую Инструкцию Словаря, автором которой был проф. Б.А. Ларин (Ларин 1961). В этой Инструкции Б.А. Ларин предлагает систему помет профессиональной терминологии промыслов, ремесел. Этот раздел учитывает и вторую Инструкцию, составленную коллективом словаря в 1967 году (ПОС 1: 6–16). Коллектив авторов Словаря продолжал совершенствование этой редакции Инструкции и в 2004 году опубликовал ее в 15-ом выпуске Словаря. К тому же перечень функционально-стилистических помет был представлен в Приложении № 1 «условные сокращения» (ПОС 15: 43–49, 52–53) Обсуждаемый раздел третьей редакции Инструкции назван проф. Д.М. Поцепней «функционально-стилистическая характеристика слов и оборотов». Функциональные пометы указывают на сферу функционирования слова. В этот же разряд помет входят и терминология промыслов, ремесел. «Терминологию слова в говоре, – пишет Т.С. Коготкова, – будучи фактом обиходно-разговорной речи, можно квалифицировать как лексику всеобщего употребления» (Коготкова 1979: 68)

Следует признать, что авторы и редакторы Словаря двадцати шести выпусков Псковского областного словаря недостаточно внимательно относились к материалу Словаря: функциональные пометы, которые предложены в Инструкции и в Приложении № 1, использованы не были.

В последующих выпусках (начиная с 27-го) этот пробел будет ликвидирован.

Богатство иллюстративного материала в Псковском областном словаре, разнообразие тем, на которые ведутся беседы с псковскими крестьянами, позволяет маркировать этот материал, а следовательно, возможно расширение функциональных помет. «Стилистическая дифференциация отражает функционально-тематическую принадлежность слова», – писала в своей монографии Т.С. Коготкова (Коготкова 1979: 67–68)

Записи живой речи позволяют выделить большое количество новых тематико-функциональных помет, которые Д.М. Поцепня ввела в третьей редакции Инструкции (см. ПОС 27). Список остается открытым.

Приведу примеры на несколько новых функциональных помет. Например, *медицин. / нар. медицин.* Обычно эта помета ставится у слов в беседах о строении человеческого тела, болезнях человека, лечении человека. ***Перевалка,*** *медицин.* 'Простудное заболевание, грипп' *Перевалка – хоть сичас, балесть, хряпота, сопли.* Остр. Жавры, 1961. *Перевалкъ такая хадила.* Кр. Татариново, 1973 (ПОС 25). ***Переворот*** > *медицин.* ***Переворот кишок.*** 'Острая непроходимость кишечника, вызванная загибом кишки'. *У мужа пириварот кишок получился, тинул семь лет и умир.* Пуст. Лосно, 1962. *Килик паел – и пириворот кишок.* Кун. Козинцево, 1961.

Помета *церк.* указывает на использование слова или оборота при описании православного богослужения, церковного убранства, обряда. ***Перекличка***, *церк.* 'Объявление в церкви кого-н. женихом и невестой'. *Пандравилась парню, перяквличку дают в цэркафь. Священник после службы абйасьняйит.* Или ***побудье***, *церк.*: > *На побудье звонить* 'Колокольным звоном будить прихожан, созывая на ночную службу'. *Страсть читали у ночи, пока на побудье звонили, потом ходять кругом цэркви.* Нев. Прудище, 1963 (ПОС 27).

Помета *кулинар.* ставится у слов, содержащих сведения живой разговорной речи крестьянок, обладающих искусством приготовления пищи. ***Перекладка***, *кулинар.* 'Кушанье, приготовленное в русской печи: рыба, картошка, лук, уложенные поочередно пластами' *Переклатку делали, рят картошки, рят рыпки с луком у вольнай печки.* Нев. Поздняково, 1952.

Постановка тематико-функциональной (тематической) пометы желательно, несмотря на достаточно развернутую семантическую характеристику слова

Псковский областной словарь еще составляется, и расширение функциональных помет за счет тематических помет только обогатит его.

Благодаря тематико-функциональным пометам можно представить тематическую классификацию большого количества текстов живой речи на территории Псковщины. Это поможет многим исследователям-филологам, этнографам, культурологам, а также представителям некоторых профессиональных и ремесленных групп в поисках необходимой информации. Тематическая классификация позволяет четко представлять языковую картину мира псковского крестьянина.

Псковский областной словарь, словарь народной речи – это не только хранитель лексики русского языка, но и в целом хранитель менталитета русского народа, его материальной и духовной культуры.

Литература и источники

1. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.
2. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными. Л.: ЛГУ,1961.

УДК 811.161.1

Е.Г. Мельникова
(Псков, Россия, gavrichenkovapskov@rambler.ru)

«Псковский областной словарь» как источник изучения картины мира псковичей

Статья посвящена роли «Псковского областного словаря с историческими данными» при изучении жизни псковских крестьян. Огромный иллюстративный материал, отраженный в словарных статьях, воссоздает жизнь, быт, культуру жителей псковской деревни.

Ключевые слова: словари, картина мира, псковский крестьянин, лексика.

E.G. Melnikova

“The Pskov Regional Dictionary” as the Source of Study of the Pskovites' Linguistic World Image

The article studies the role that the Pskov Regional Dictionary with Histotical Data plays in the research of Pskov peasants' life. The vast variety of the material, which is presented in the dictionary entries, vividly represents the Pskov villagers’ traditions and way of life.

Key words: dictionaries, world image, Pskov peasants, vocabulary.

Трудно переоценить работу по сбору материала для создания лексикографических источников, в том числе и диалектных. Такая работа имеет огромное значение для человеческой культуры. Словарь, по образному выражению В. Порудоминского, − это «волшебный сундук», в который можно уложить сокровище и, бессчетно умножив с помощью печатных станков, отдать людям. Каждый может стать владельцем «золотой горы», перекованной в книгу. (Порудоминский 1981: 36). По праву «волшебным сундуком» можно назвать и «Псковский областной словарь с историческими данными». Этот словарь, задуманный профессором Б.А. Лариным как первый славянский областной словарь полного типа, отражает не только диалектную, но и общерусскую лексику и фразеологию, причем в диахроническом аспекте.

Уникальность Псковского областного словаря включает множество составляющих – это: 1) словарь полного типа, отображающий весь активный словарный запас коренного населения Псковщины; 2) словарь, в справочном материале которого приводятся извлечения из псковских средневековых памятников письменности и документов XIV–XVIII вв.; фольклора и т.д.; 3) словарь с обширным исслюстративным материалом, содержащим сведения о жизни, быте, культуре псковских жителей. В.М. Мокиенко назвал Псковский областной словарь в числе других диалектных словарей «монументальным сводом русской народной лексики» (Мокиенко 1997: 187).

Работа над составлением уникального словаря полного типа, воплотившего лексикографические идеи профессора Б.А. Ларина, начатая в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете (совместно с Псковским университетом), продолжается и по настоящее время. Издано 26 выпусков словаря. Описано более 63 тысяч слов. Продолжается работа над созданием следующих выпусков. Ведется активная работа по созданию следующих выпусков.

В материалах словарных статей Псковского областного словаря отражены «тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также с белорусами» (ПОС 1: 3).

В результате контактов латышей и русских на территории Латгалии появляются фольклорные тексты, описывающие нравы, быт, характерные черты народа. В фонде устойчивых сочетаний сохранились записи латгальцев о внешнем виде русского человека, его темпераменте, особенностях веры: *борода как у русского* (типичная примета русских); *красная как русская* (наряженная в яркую одежду); *крепкий как русский табак* (очень крепкий); *божится как русский* (об упоминании Бога часто и не к месту). Однако существуют предположения, что русские, живущие в Латгалии с давних времен, не воспринимаются как чужие. Например, латыши и русские охотно вступали в брак и начинали совместно проживать на соответствующих территориях: *Мая дочка – латышка, а вышла замуш за русскава*. Печ. В Псковском областном словаре имеются сведения о праздничных обрядах псковичей, пришедших от латышей: *У нас на Иван балонья жгут, моду взяли с латышэй*. Пыт.

Огромный иллюстративный материал словаря предоставляет также возможность рассмотреть и описать диалектный материал как целостный коммуникативный континуум (дискурс), как совокупность культурных текстов, репрезентированных в местной речи. Под дискурсом мы понимаем корпус диалектных текстов, связанных одной темой,

например, – рыбалка, кулинария, строительство, погода и т.д. Следует отметить, что такой дискурс представляет собой речевую реализацию определенного фрагмента действительности, т.е. содержит некий взгляд на мир, оценку мира, событий, фактов, явлений, а также сведения об особенностях традиционной культуры, т.е. включает в себя и лексические единицы, и фразеологию говора, именующую, «ословливающую» конкретный фрагмент действительности (Бисималиева 1999: 78).

Работа по сбору диалектного материала для Псковского областного словаря способствует созданию научных работ, в которых представлена интерпретация различных участков действительности псковичей: рыболовный промысел, свадебные обряды, кулинария, строительство, флора и др. (см. диссертации: В.П. Храмцова «Лексика псковских рыбаков» (1969 г.); В.К. Андреев «Названия построек и их частей в псковских говорах (номинативный аспект)» (1993 г.); Н.И. Налетова «Названия растений в псковских говорах» (2001 г.); Е.Б. Кузьмина «Названия грибов в структуре словообразовательных гнезд (на материале псковских говоров)» (2002 г.) и др.). Коллективом Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований Псковского университета создан уникальный этнолингвистический словарь «Традиционный быт псковских крестьян» (2012 г.).

В данных работах отражена картина мира псковичей, их мировосприятие, то есть «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» (Яковлева 1996: 47).

Как известно, ценностный аспект картины мира деревенского и городского жителя при восприятии участков действительности может существенно отличаться. Фрагменты, выделенные в речевой культуре крестьянского мира, могут не находить аблютных аналогов в картине мира носителя городской культуры.

Так, представление о понятии «Картошка» у городского жителя и псковского крестьянина содержит различную ценностную маркированность.

В результате опроса носителей городской культуры (около 80 человек) обозначились следующие реакции на слово-стимул «*картошка*». Первоначальная ассоциация носит гастрономический характер. Внимание обращено на блюда из картофеля (*жареная*, *вареная картошка*, *пюре*, *фри*, *суп*, *в мундире*, *пирожки*, *с маслом*) и атрибуты приготовления (*сковорода*, *кастрюля*, *нож*). Далее картофель соотносят с местом произрастания (*огород*, *поле*, *деревня*, *дача*, *земля*). Следующие ассоциации отражают действия с этим объектом (*копать*, *тяпка*, *садить*, *ведро*, *мешок*, *колорадский жук*) и описание его как растения (*клубень*, *куст*, *глазки*, *кожура*). В остальных реакциях описываются впечатления от собственного опыта сельскохозяйственных работ, зачастую негативные.

Представление о картошке в псковской деревне выявляет высокую коммуникативную выделенность объекта. Об этом свидетельствуют материалы Псковского областного словаря (выпуски 14, 22).

По данным «Историко-этнографических очерков Псковского края», «картофель давно уже вошел в рацион питания русских людей, а в настоящее время наряду с хлебом и молоком занимает одно из ведущих мест в питании псковских крестьян» (1998: 209).

Общерусское слово *картофель* в значении ʽогородное растение семейства пасленовых' в псковских говорах имеет вариант *картохель*: *Картофели большэ сажаю, рош сею*. Гд. *Картофель праежжать*. Стр. *Картохель яшо не пахаем*. Вл.

Однако для псковского крестьянина в большей степени характерно употребление в речи слова *картошка* и его синонимов. Об этом свидетельствует большой синонимический ряд, называющий это растение: *бульба*, *картовочка*, *картосина*, *картофка*, *картоф*, *картоха*, *картоша*, *картошелка*, *картошечка*, *картошина*, *картошица*; *картофелинка*, *картофочка*, *картошинка*. Многие слова отмечены в высказываниях: *Жара такая стаит, што картошница фся*

свяла ф картошки. Кр. *Гарох запаханый весь зарос сурепицэй, и картошка зарасла.* Вл. *Ета как ишшо пашшасливила разйехать картошку, и льёт, пирястану нет*. Беж. *Мокрицъ фсю картошку зъплодила*. Стр. *Я картошку разйехала, лошадью окучила.* Дед.

В качестве пищи псковские крестьяне употреблют клубни растения, которые называют: *булёбка*, *булка*, *бульба*, *картовина*, *картос*, *картофель*, *картофий*, *картофина*, *картофка*, *картофля*, *картофь*, *картофьё*, *картофья*, *картох*, *картоха*, *картош*, *картошика*, *картошина*; *бульбочка*, *картовинка*, *картовочка*, *картофелька*, *картофинка*, *картофочка*, *картошенька*, *картошечка*, *картошинка*: *Теперь картошка, а раньше бульба была*. Себ.

Так как картофель был одним из основных продуктов питания в деревне, то для псковского местного жителя важен был хороший урожай картофеля: *Ф прошлам гаду была картошка харошая: каждая картофина с калику.* Н-Рж. *Другой гот умалотный картофиль, а другой – анна, две картошынки, ниумалотный*. Печ.

Отмечено обращение к Богу с просьбой о хорошем урожае картофеля: *У наз гаварят: «Ради Бох картох, бяс картошки ня пражыть*». Оп.

От хорошего урожая зависела дальнейшая жизнь крестьянина в течение года. Картофель является не только главным продуктом человека, но и кормом домашних животных. Часть урожая продавали, чтобы купить что-либо, необходимое в хозяйстве: *Синца прадала да картофинки, с таво и жыву*. Порх. *Картофка была сваренъ, бес картовъчьки-тъ никуда*. Стр. Картофель оставался основным продуктом в неурожайные или голодные годы: [В голодные годы зимой] *картошки па нивам сабирали*. Остр.

Во время роста картофеля крестьяне наблюдали за состоянием растения, так как это влияло на будущий урожай: *Картошына расты пускает, такая прараслина, ну ана идёт ф картошку.* Н-Сок. На гибель урожая влияли разные причины: *Вымокла картовочка у многих, мало будет.* Дн. *Лета*

нехарошэйе: картошки и те прападают. Палк. *Кабаны ходют по картошкам*. Пл.

Одним из признаков хорошего урожая картофеля является состояние ботвы. Ботва для псковского крестьянина – это надземная часть растения: *Што пад зимлёй – картошка, а над зимлёй – картошник.* Вл. *Батва картошная, картошник называецца.* Локн. Поэтому важно было наблюдать за надземной частью растения и отмечать, как цветет растение, какие у него стебли: *Картошник ужэ бальшой, скора цвясти будя*. Беж. *Вадильё ф картохе плахое, а картох аммалотна. Картох добра*. Пушк.

Состояние ботвы зависело от многих факторов: насекомых, различных болезней, состояния погоды. Эти факторы могли стать причиной гибели как ботвы, так и клубней картофеля: *Кружэвник весь засох ныне, а картофельник весь свял, гибнет картошка*. Вл. *Выгарила летась картофка, хоть пять картофин прадай*. Остр. *А у нас не былъ дажжэй, да яшшё каларацкий жук, так ни анной картофины на агароди ни будит, фся прапанить*. Н-Сок. *А как картошынъ зацвятёт, так забираюцъ и жрут ети жуки*. Остр.

Для называния стеблей и ботвы картофеля в речи крестьян отмечено большое количество синонимичных единиц, что подтверждает интерес к данной части растения: *ботва*, *ботьва*, *бульбешник*, *бульбишник*, *бульбовник*, *бульбойник*, *былина*, *быльник*, *веделейце*, *веделенье*, *ведельё*, *ветина*, *веть*, *картовница*, *картовочник*, *картовочница*, *картофельник*, *картофельница*, *картофляник*, *картофлянище*, *картофник*, *картофница*, *картошечник*, *картошница*, *метина*, *тина*; *картошинка*.

Обычно ботва картофеля используется в качестве корма для домашних животных: *Картошняк, али быльник. Как хош назави. Ён на хряпу идёть*. Пуст. *Зяльйё картошынная на силас режут, видиш*. Оп.

Кроме ботвы, в качестве корма для домашних животных используется кожура, очистки от картофеля и мелкий картофель: *Каровъ, зъхвараль што-тъ, дажэ картошэльные ашмётки исти ни стала*. Печ. *Картовъшницу каровы любят*

есть, мы яну косим, када справицца. Стр. *Ачысками картошными кормим карову*. Слан. *Каличьнай, картошнай шалупы свариш и скатине*. Пушк. *Запишыти пърасичью картошку. Мелкая, каторая толька пырасятам гадицца*. Остр.

Для псковского крестьянина важно место, где посажен и растет картофель. Для этого понятия в речи крестьян используются слова: *картофище*, *картофляник*, *картошник*, *картошница*. Это отмечено в высказываниях: *Картофишшэ у нас гаварят – ну где картофель сажают, эта поле картофельное*. Дн. *Картофишшя – канца краю ни видать*. Сер.

Крестьяне фиксирует место, откуда убран картофель. Такое поле псковские крестьяне называют: *картовище*, *бульбишник*, *бульбище*, *картовочник*, *картофелище*, *картофельник*, *картофляник*, *картофник*, *картофница*, *картофнище*, *картоха*, *картоховище*, *картошище*, *картошник*, *картошница*, *картошнище*: *Выбран картошка – картошник називаецца*. Кр. *Где картошка расла – картошник*. Пуст., Пыт.

На поле, освобожденном от одной сельскохозяйственной культуры, сажают другую: *Калхознае картовишше перепахали. Будут боп сажать*. Пск. *Пшаница там на картовишшэ: была картошка, картошку сняли, вот по картовишшу пшаницу и посеяли*. Пл. *Ну вот, лён сеяли ф парах, большэ по картофелишшу, харoший он рождался*. Гд. Обычно убранное поле удобряют: *На картофнишшэ золу высыплю*. Палк.

Особое значение для псковских крестьян имеет участок земли, по оплошности не засеянный (не засаженный) чем-либо, в том числе и картофелем. Такой участок поля называют: *обсад*, *обсевок*, *обсевыш*, *обсев*, *огрех*, *плешина*, *просев*, *обсевины*: *А если картошка недасажэна, эта апсат*. Гд. *Картошку сеиш, баръздину не засеиш – «апсадак» гаваря*. Остр.

С незасеянным, пропущенным участком земли, связана примета, бытующая в псковских деревнях: *А то ишшё апсадак бывает: эта как картошку сажаеш и прапусьтиш, не пасадиш грятку. Вот и будя апсадак. Гаваря, апсадак – к пакойнику*. Остр. *А если картошка недасажэна. Апсеф – ня то, што клин, а посрядине. От прасеяли – пакойник буде: прасев аставили*. Пуст.

Крестьяне обращали внимание на участок земли, на котором постоянно сажали картофель: *Тын весь цэл, тока на картофельник нады сделать дверину*. Дн.

Список предикатов, отражающий действия или состояния, производимые с картофелем, разноплановый – *садить*, *полоть*, *окучить*, *копать*, *выкопать*, *набирать*, *нагребать*, *перебирать* и т.д.: *Женькъ паехал к тёшше абйяжжать картошъчку*. Гд. *Бъриса-тъ взяли ф картовишну копку. Картофку капали*. Гд. *Как рас картофишна копкъ былъ*. Гд. *Картофель проежжать*. Стр. *Картохель яшо ня пахаем*. Вл. *Я пamаленьку работаю, прутки рублю, палола картофачку*. Слан. *Картовъчкъ ф порятке, два разъ проехалъ*. Стр. *Картошка-тъ взашла, растёт, и три цвятут вядилины*. Печ. *Да мы тут часть сеим картошэлку*. Пск. *Пакоплиш зимельки, а там картошынъ полнъ лижыт*. Кр.

Следует отметить, что последовательность действий с «объектом» выстраивает распорядок жизни сельского жителя, так как картошка выступает своего рода маркером временных циклов крестьянского бытия: *Сено кое-как убрали, картошки копать надо*. Пск. *А картох нацынают капать г гаспошке*. Пушк.

Первоначально хранение картофеля было в специальных ямах: *Картошку раньша в ямы, сайцас фсё в буртых, где коплют, на картошшыны пряма насыпают, сначала саломай накрывают*. Кр., Остр. *Картовашная яма гарас глыбкая, можно фтануть*. Стр. Позже картофель хранили в специальных помещениях обычно с другими овощами: *Тутъ картовъшный погреб был*. Сер. *Картофку сыплють в засек в ысьтёпку аль ф патполье*. Пск. *В доме была зделана истёпка, где хранили картохель*. Пушк. *Зафтра перва-напяръва пад мост палезу: картофель нада пирябрать*. Н-Рж., Остр. *Потпол, картофка в ей, картофя, овошшы всякие*. Гд.

В крестьянском хозяйстве существовали специальные предметы, предназначенные для картофеля. Это корзина (*картошница* или *картошная корзина*) для переноса картофеля: *Кагда картошку капаим. Эта картошная карзина, а пабольше – так эта коньская карзина*. Пушк. *Малиньки карзинки, капать*

картофиль кармавый и картовъчный. Кач.; вилы и мешки: *А картошныйи вилы дваянкай называли, в них два сука*. Остр. *Мешок картовашный, зашыть, десятка* [нитки № 10] *вдвоёк*. Пл.

В псковских деревнях повседневной пищей был сваренный, неочищенный картофель, который называли: *картошка в мундире* (*мундирах*), *с мундиром*, *в шинелях*, *в пиджачках*; *картошка в шелушках*. Для псковского крестьянина такое приготовление блюда было обыденным, повседневным. Картошку в кожуре часто варили утром, когда топили плиту или русскую печку: *В нас пякуд бабашки, картошку ф шынилях*. Порх. В речи крестьян отмечен обычай подавать на стол отваренную картошку, выкладывая ее на кусок ткани, холста: *Картошки в мундире нъ салфетку, миску на стол. Так и ели, семья-тъ большая, где кажныму чашэчку*. Стр.

Отварной картофель часто брали на сенокос или пастбище в качестве основной еды: *Картошки с мундиром свариш, вот была и кушанье*. Остр.

Из картошки в очищенном виде псковские крестьяне готовили разнообразные блюда. Прежде всего это вареная, жареная или толченая картошка. Вареную картошку едят сразу в горячем виде с зеленым луком, с укропом, с растительным маслом, иногда могут поджарить оставшийся картофель, добавив лук, кусочки покупной колбасы, но чаще на свином жире домашнего приготовления. В грибной сезон картошку жарят с грибами. Используется картошка и как приправа в супы, щи, борщи.

В псковских говорах имеется много слов и словосочетаний для называния блюда из толченой, размятой картошки с добавлением молока, которое в литературном языке известно как *пюре*. В современных псковских говорах также функционирует данное слово, но оно представлено в фонетических вариантах: *пюра*, *пире*, *пере*, *пюрё*. Для блюда из толченого картофеля в говорах существуют и другие наименования: *картошница*, *рага*: *Растолочь, малака туда, вот и картошница, а па-благароднаму – пюре*. Беж. *Картошница – картошку разатрут и малака вальют, а с яйцом – так ф печку*.

Вл. *Картошница – эта у нас если картошку паталочь с яйцом*. Пск. *Ета расталкёш картошычку и тушанки туды – рага ета*. Пск.

В некоторых псковских деревнях кушанье из сваренного, а затем размятого картофеля называли *кашей*: *Картошку мелка рубленую талчёную кашэй называли*. Палк. *Баба-та ни знает, как па-саврименнаму, фсё каша, говорит, каша, а я знаю, што пюре эта*. Пуст.

Употребляются и составные наименования для названия такого блюда: *картофельная* (*картовичная*, *картовочная*, *картофляная*, *картофная*, *картошная*) *каша*: *Картофляную кашу завуть пере или талчёнка. Каша картовишна, а у вас пюре*. Остр.

Из крупы и картофеля в деревнях готовили жидкое кушанье, похлебку, которое называли *супом* или *кашицей*: *У меня нынечь суп фкусный, картофный и с смятанъй*. Палк. *Типерь-тъ суп, а раньша кашыцъ, фсякъй суп, фсё кашыцъ, ис капусты, с картошки*. Палк. Жидкое кушанье типа супа-пюре из картофеля, иногда с добавлением сыра, крупы и творога, называли *картошечницей*: *А ис картошки анной, воду не отливают, патом яё рассукают – ета картошечница называецца; кагда едят*. Беж.

В псковских деревнях готовили и различные запеканки из толченого картофеля с добавлением молока, масла и яиц. Такую запеканку называли *картошница*: *Картошница – картошку растолкут, масла туда, малака и жарют, када в той жа пасуди, када на скаваротки*. Н-Сок.

Из картошки в толченом виде готовили лепешки, которые называли *картошники*: *Прожарить нада картошники на сале*. Кр. Из сырой тертой на терке картошки с добавлением яиц и муки или без яиц готовили *картошники*, *драники*, *суруканцы*, *теруны*, *деребанихи*, *тертушки*, *теркуши*: *Ляпёшка с сырой картошки, назывались картошники или драники*. Себ. *Тертушы или драники – ета картошыны натрёш на тёрке и спечош*. Пушк. *Драники с сырой картошки делали*. Порх.

В некоторых деревнях делали картофельные котлеты, которые назывались *коклеты*. От оладий они отличаются тем,

что в них добавляется лук и делаются они из отварного картофеля, свареного в кожуре, затем очищенного и размятого, соединенного с луком. Им придается форма котлет, которые затем обжариваются в масле: *Есьть картофные каклеты, на тёрку сатрёш, туда лук, фсё, што требуецца, а хто аладьям упякают*. Остр.

Картофель также используется для начинки пирогов и пирожков (*шанег*, *шанежек*, *картошников*, *лепешек*). Так, в деревнях готовили лепешки с начинкой из картошки, не покрытые сверху тестом, наподобие ватрушек: *Картошник расклеплиш тонка-тонка. Картошки накладёш. Цорная теста, краи заваротиш и спряцыш. Картошны ляпёшки, картошники*. Н-Рж.

Пироги с начинкой из картофеля называли *картошник*, *картошница*, *картофленик*, *картофник*: *Пекли пирок – картошник*. Пл. *Картошница – раньша пираги с крупой пякли, с картошкъй – картошницый назывались*. Пск. *Пираги пякли с картошкой, с маркофкай*. Пск.

В Плюсском районе из картошки пекли хлеб: *Мы хлеп пекли с картошыной*. Пл., а в Холмском районе – *курники*: *Пикли курники картофные, кисель картофный*. Холм.

В псковской деревне *картошницей* также называли яичницу, а другие блюда – *картофельником*: *У нас яишница делатца с адних яиц, а в Миколшшине яишница – картошница*. Вл. *Свекольник – эта лисьтья у свёклы, картофельник – у картошки, а то ешшо у нас кушанья делают, тожэ такие жэ названья имеют – картофельник, свекольник*. Вл.

Из картофеля крестьяне также готовили праздничную и обрядовую пищу. На Пасху крестьяне пекли *кокорышки* с картофельной начинкой: *На Паску пякли какорышки, хто с творагам, хто с картофелью*. Порх.

Псковские крестьяне соблюдали посты, когда можно было есть только постную пищу: хлеб, картофель, огурцы, капусту, грибы. Это отмечено и в высказываниях жителей деревни: *Ф посту ела только картофку*. Порх.

Из картофеля в псковских деревнях готовили другие продукты, например, крахмал, который называли *картошная*

(*картовочная, картофельная, картофная*) *мука*: *Из картошки мы муку делаим, у вас крахмал называицца*. Пушк. *Клёцки делают с крахмалу, картофеля наструкаем*. Печ. *Натрёцца картошка, делаем клей с картофельнай муки*. Кр.

Из картофельного крахмала варили кисели: *Картошная мука с картошки, картошку патрём, нъ ришато цэдим, сушым и ф кисель хърашо яну, мы варим кисель картофный*. Палк. *У нас как журавины паспеют, и мы делаим картошную муку и кясель*. Кр. *Кисель бывае с жыравин делают, а белый – с картофельнай муке*. Оп.

Утилитарным назначением обусловлена и детализация «объекта», которая выражается в наличии списка сортов картошки, различающихся по вкусовым качествам, стойкости при хранении и т.п.: *Бярите, дацуски, у мяня картоха ох рассыпчяста*. Печ. *Чорная, белая, скараспелка, бярлинка, такие красные картофелины*. Себ. *Малиньки карзинки. Капать картофиль кармавый и картовачьный*. Кач. Как отмечали псковские крестьяне, в домашнем хозяйстве больше использовался белый картофель: *Ф калхозе картовины фсякие, в нашэм большэ белая*. Гд.

Часто в высказываниях отмечается широкий спектр модальностей: включаются положительные и отрицательные оценочные квалификации ситуации, выражающие одобрение/неодобрение, сожаление, досаду и т.д.: *Картофка-тъ у нас ни вадяная, рассыпчистая, добрая картофка*. Гд. *А они прям рассыпчаты каки-то были, хороши-то!* Пск. *Теперь нет таких картошек, невкусны*. Остр.

Собственно оценочный план «объекта» проявляется прежде всего на словообразовательном уровне в использовании моделей субъективной оценки: *картовочка*, *картошенька*, *картошечка*, *картовчонка* и др.: *Дюжэ цвет интересный, на картошачку похожа*. Печ.

Псковские крестьяне обращали внимание на людей, которые любят есть как сам картофель, так и блюда из картофеля. Их называли *картофниками*: *Картошникъф мнок былъ*. Локн. Если любитель картофеля был толстым, то его тоже наделяли прозвищем: *Картофельное брюхо, пузо, брюшина*.

Человека с приплюснутым носом или с утолщением на носу также сравнивали с картофелем: *У миня был муш – картошынка*. Локн. *Картофельный нос*. Доп.

Существует шутливое выражение: *дать* (*одеть*) *картофельную* (*картофную*) *медаль*. Это означает – «наградить» того, кто в чем-либо отличился, хотя и незначительном: *За фуфайку мядаль картофную адедь бы им*. Печ. *Ну маладец, тибе картофельную мидаль нада дать: фсё бильё выгладила*. Порх.

Таким образом, в псковских говорах «картошка» является важным «объектом», на который обращено внимание жителей деревни. «Картошка» заполняет многие участки действительности сельского жителя, отражает его картину жизни.

Литература

1. Бисималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» // Филологические науки. 1999. № 2. С. 78–85.
2. Историко-этнографические очерки Псковского края: / Под. ред. А.В. Гадло. Псков, ПОИПКРО, 1998. 315 с.
3. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997. 237 с.
4. Порудоминский В.И. Повесть о толковом словаре. М.: Книга, 1981. 128 с.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты руской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1996. 344 с.

УДК 811.161.1

З.В. Митченко
(Псков, Россия, pzina79@mail.ru)

«Псковский областной словарь» как источник лексико-грамматической информации о глагольном слове

Статья посвящена изучению лексико-синтаксической категории переходности, функционирующей в диалектной речи. «Псковский областной словарь с историческими данными», как основной источник материала для изучения лексико-грамматической информации о диалектном слове, предоставляет широкий спектр

возможностей для отражения транзитивности глагольной лексемы. Эти возможности описываются в материалах статьи.
Ключевые слова: глагол, лексикографическая интерпретация, переходность, псковские говоры, транзитивность

Z.V. Mitchenko

“Pskov Regional Dictionary” as a Source of Lexical and Grammatical Information about a Word of Verbal Nature

The article is devoted to the study of lexical and syntactic category of transition that functions in the dialect. “The Pskov Regional Dictionary with Historical Data” as the main source for the research of lexico-grammatical information about a dialectal word and provides a wide range of possibilities to express transitivity of the verbal lexeme. These opportunities are described in the article.
Keywords: the verb, lexicographic interpretation, transitivity, Pskov dialects, transitivity.

Изучению разных аспектов глагольного слова в псковской народно-разговорной речевой стихии посвящены многочисленные исследования. По данным библиографического указателя «Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии», глагол в диалектной речи исследовался в деривационном аспекте (А.И. Корнев, О.Д. Кузнецова), в связи с функционированием глагольной лексемы в устойчивых сочетаниях и в свободных синтаксических конструкциях (Л.Я. Костючук); в диахронном аспекте (З.М. Петрова, А.И. Корнев, Т.С. Кузькина, Е.И. Зиновьева), с позиций грамматической семантики в аспекте морфологических категорий (В.И. Трубинский, Н.В. Большакова, Н.А. Бойко), в лексико-семантическом аспекте (Н.Г. Арзуманова, С.Н. Варина, В.К. Андреев, Н.В. Большакова, С.В. Дмитриева, Л.М. Попкова, Е.Г. Мельникова, Н.А. Симонова), с учетом этимологии (Е.В. Пурицкая) (Указатель: 48, 51, 52, 58, 76, 61, 64, 100, 101, 108; 122, 126, 127, 128, 129, 136; 158, 173, 201, 216, 249, 263, 264, 267, 273, 274).

Одной из мало разработанных проблем в области глагольного слова, функционирующего в диалектной речи, являются транзитивные свойства глагола.

Вопрос лексикографической разработки категории переходности в «Псковском областном словаре с историческими данными» последовательно решается таким образом, что после указания вида у переходных глаголов отмечается управление (*кого, что*). Если управление распространяется на все значения многозначного глагола, то указание на него дается перед первым значением, после видовой пометы (Инструкция: 25). Например, ПАКОВА́ТЬ, ку́ю, ку́ет, ку́е, *несов., что*. 1. Укладывать и связывать в пакет, тюк. ***Пакава́ли*** *фсе ве́шши в узлы́ и атправля́ли*. Локн. *Вот я* ***пако́ванные*** *пе́рсики бра́ла, ани́ напако́ваны*. Пушк. *Шшаги́льники таки́ бы́ли, таки́ пуки́* ***пукава́ли*** *и пъ деревня́м пръдава́ли*. Печ. ‖ Укладывать определенным образом. *Каря́нки пляту́т в други́х мяста́х, каря́нка как зы́пка, лук в них* ***паку́е***. Пск. 2. Завязывать, увязывать чем-н. *С рагазы́ маца́лки де́лають. Дяру́ть лы́ки, де́лають рагазу́, мяшки́ и паку́ють е́тай рагазо́й*. Пушк. (ПОС 25: 27–28).

Если отдельные значения или оттенки многозначного переходного глагола употребляются без дополнения, то при этих значениях или оттенках значения ставится помета *без доп*. (Инструкция: 25). Например, ОБЛАПО́ШИТЬ, шу, ит, *сов., кого*. 1. Срезать шерсть с животного. — *без доп*. (ПОС 22: 183).

В тех случаях, когда у разных значений глагола разное управление, то оно указывается при каждом номере: ОТМЕСТИ́, ту́, тёт, *сов*. 1. *что*. Метя, отделить от чего-н. другого. *Тагда как атметуть ета зёрна − тагда́ ф ку́цу апа́шуть галицко́м*. Печ. 2. *кого*. *экспр*. Прогнать прочь, выгнать. *Бы́стра их атмяли́*. Вл. (ПОС 24: 137).

Если глагол или значение употребляется как с дополнением, так и без него, то ставится комплексная помета. При единичных примерах с дополнением или, наоборот, без дополнения используется знак употребления (—) с соответствующей пометой. (Инструкция: 25).

Наряду с использованием разработанной системы грамматических помет лексико-синтаксический характер категории переходности обнаруживает и свои специфические возможности лексикографического отражения. Известно, что семантическая недостаточность глагола восполняется в синтаксической конструкции – за счет обязательной сочетаемости глагола с именем в форме винительного падежа без предлога.

Так, структура сочетаемости с переходным глаголом предполагает: $Verbum_{tranz}$ + $Nomen_4$. Считается, что эта синтаксическая конструкция носит стандартный характер и имеет «параметр синтаксической предсказуемости» (Летучий 2011: 123).

Как отмечает В.С. Храковский, в лингвистике действует принцип композиционности, который понимается как «установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, линейно-акцентной структуры и других значимых единиц языка в составе конструкции, являющейся коммуникативной единицей. В таких случаях интерпретация конструкции осуществляется с опорой на акциональные характеристики шаблона, которые ситуация приобретает в конструкции, адаптируясь к этому семантическому шаблону. В рамках такого подхода вершинный глагол не сам по себе порождает конструкцию, а, если угодно, задается семантическим шаблоном конструкции, который, таким образом, является ее первоэлементом» (Храковский 2012: 296‒297).

Цитатный материал, представленный в ПОС, становится тем необходимым и достаточным контекстом, в котором глагольное слово реализует свой транзитивный потенциал. Конструкция с переходным глаголом содержит либо три компонента (Agens – $Verbum_{tranz}$ – Patiens), либо два ($Verbum_{tranz}$ – Patiens). Двукомпонентная конструкция распространена в разговорной речи, поскольку сам глагол, его семантические свойства достаточны для понимания субъекта действия, и развертывания шаблона в трехкомпонентную структуру не требуется. Приведем примеры конструкции Agens – $Verbum_{tranz}$ –

Patiens: *Зямля́ мо́жэт быть уража́йная, когда́* ***мы яё ко́рмим***. Гд. (ПОС 15: 252); ***Я ни́тки*** *разнацве́тныи в бячо́фку* ***ввил****, краси́ва*. Дн. (ПОС 3: 46); *Ну сяво́ння* ***мяня́ хто́-та кле́плет****, аль вспомина́ет, аль проклина́ет хто. Е́четца цэ́лый день*. Палк. (ПОС 14: 191); ***Йа тибя́*** *ба́ньникам* ***напа́рю***. Пск. (ПОС 20: 118); ***Муш*** *ра́ньшэ* ***жэну́*** *так* ***атстяба́ет****, што стать не мо́жэт*. Гд. (ПОС 24: 254) и др.

Двукомпонентная конструкция (Verbum$_{tranz}$ – Patiens) представлена в таких примерах, как *Ф Троицу* ***жа́лтят*** *бирёзъм* [берёзовыми листьями] ***яи́чки***. Гд. (ПОС 10: 187); *Вон* ***се́но карпя́т***. Вл. (ПОС 15: 284); *Прие́хал бригади́р,* ***не́телей перевеха́ть***. Гд. (ПОС 25: 271); *Цэ́фка ф челнаке́, на ней ни́тачки, зеф ме́жду ни́тками, вот челначёк и фка́ешь туда́*. Холм. (ПОС 4: 37); ***Ры́бу*** *на́до* ***кастрить****, а то спо́ртитца, а сича́с гаваря́т маро́жыная*. Беж. (ПОС 15: 336).

В поле зрения попадают также глаголы, которые не сопровождаются в словаре специальными пометами, но сама дефиниция строится по принципу развертывания транзитивного потенциала глагола. Например, ЖЕ́РДНИЧАТЬ 1. **Проталкивать жердь** подо льдом во время лова рыбы. (ПОС 10: 202); ВПРА́ШИВАТЬ Спрашивать, **задавать вопрос**. (ПОС 5: 26); ЖИ́ЛИТЬ 1**. Проявлять скупость**. 2. **Присваивать чужое**. (ПОС 10: 238); АВАНСИ́РОВАТЬ **Выдать (выдавать) аванс**. (ПОС 1: 48); КОМЕ́ДИТЬ 1. **Разыгрывать комедию**, представлять смешные сценки (ПОС 15: 130); КО́РИ́ТЬ[1] **Снимать кору** с деревьев. (ПОС 15: 242); АДРЕСОВА́ТЬ **Сообщать** свой **адрес**, **фамилию**. (ПОС 1: 52); НАКЕ́ПАТЬ **Поколотить, побить кого-н.** (ПОС 20: 5); БЛЕВА́ТЬ 1. **Извергать рвоту**. (ПОС 2: 36); ВРЁКОВАТЬ и ВРЕ́КОВАТЬ **Причинять болезнь** взглядом. (ПОС 5: 41); БОСЕ́ТЬ **Изнашивать обувь**. (ПОС 2: 130); [ВЕРЕ́ТЬ] **Плести (обувь).** (ПОС 3: 90); ВЁТОШИТЬ **Чинить** старое **платье**. (ПОС 3: 124); ВЗЛУПИ́ТЬ Сильно **побить кого-н.** (ПОС 3: 161).

В отдельных случаях развертывание транзитивного потенциала глагола строится на основе прояснения внутренней формы глагола. При этом пропозиционная структура конструкции с транзитивным глаголом разворачивается либо в

дефиниции, либо в иллюстративном материале. Например, КАСТРОВА́ТЬ Складывать (дрова) в поленницу (**костер**). *Цэ́лый день кострова́ли дрова́*. Себ. (ПОС 15: 336); ВРУЧИ́ТЬ Отдать **в руки**. *А пато́м паве́ску иму́ вручи́ли*. Локн. (ПОС 5: 50); ЗАМИ́НИВАТЬ и ЗААМИ́НОВАТЬ В суеверном представлении: избегать неприятностей, уничтожать заболевание, заговаривая, произнося **«аминь»** (ПОС 10: 291); БЕЛИ́ТЬ 2. Производить **побелку**. (ПОС 1: 161); ЖЕРЕБЛЯ́ТЬ Рожать **жеребенка**. *Кагда́ кабы́ла и двух жарябя́т жэрибля́ит*. Слан. (ПОС 10: 209); ЖВА́КАТЬ и ЖВЯ́КАТЬ[1] 1. Жевать. *Каровы ляжат, **жванаку жвакают***. Порх. *Каро́ва **жва́чку жвя́къит***. Остр. (ПОС 10: 172); КИПЯТИ́ТЬ 1. Нагревая, доводить до кипения (жидкость). *Так, **кипято́к кипяти́м***. Порх. (ПОС 14: 130); БА́БИТЬ 2. *эвфем*. О половых сношениях. *Ты то́льки **бы ба́бил баб***. Себ. (ПОС 1: 82).

Как представляется, морфемная структура глагольного слова также является источником сведений о его транзитивных свойствах. В псковских говорах встречаются разные случаи проявления этого аспекта. Во-первых, сложные слова типа КОНЕВО́ДИТЬ 1. Красть лошадей (ПОС 15: 150), ДУШЕГУ́БИТЬ Убивать, мучить. (ПОС 10: 72), морфемная структура которых включает два корня, один из которых является глагольным: *вод'*- ‘водить’, *губ'*- ‘губить’, причем эти глаголы в системе языка являются переходными. А второй корень *кон'*-, *душ*- символизирует имя, выполняющее роль объекта действия. Так, на морфемном уровне отражается межкорневое взаимодействие, построенное на принципе транзитивности.

Во-вторых, явление, близкое к рассмотренному, наблюдается в сложном глаголе ДРУЖЕЛЮ́БИТЬ. По данным ПОС, ДРУЖЕЛЮБИТЬ – Относиться дружелюбно к кому-н. *Евре́и друг дру́га дружалю́били, а наш наро́т не тако́й*. Н-Рж. (ПОС 10: 15). Межкорневое взаимодействие построено по принципу смысловой редупликации, а транзитивные свойства глагола реализуются в контексте за счет сочетаемости с взаимно-возвратным местоимением *друг друга*.

Отдельную группу составляют глаголы, образованные от звукоподражательных слов. Например, ДЮ́КАТЬ[2] 1. Травить волка (зайца, лису), крича **дюк-дюк**. (ПОС 10: 98); КИКИВА́ТЬ Издавать крик **«ку-ку»**, куковать (о кукушке). (ПОС 14: 113); БА́ЙКАТЬ Убаюкивать ребенка. (ПОС 1: 94); БАШИ́КАТЬ Звать овцу. (ПОС 1: 136).

Таким образом, лексико-синтаксический характер категории переходности, функционирующей в сфере диалектной речи, определяет и уровни ее изучения. «Псковский областной словарь с историческими данными» дает широкие возможности изучения грамматической семантики конструкций с транзитивными глаголами, а также позволяет выявить сами лексико-семантические группы переходных глаголов в псковских говорах. При этом выборка диалектного материала на основе ПОС осуществляется с учетом комплекса собственно языковых параметров (строение конструкции, лексико-семантическая характеристика глагольного слова, внутренняя форма и морфемная структура лексемы). Вместе с тем последовательно применяемая система разработки диалектного глагола в ПОС позволяет также использовать лексикографическую «технологию» в качестве эмпирического материала, причем это не только тщательно разработанная система грамматических помет, но и особенности словарных дефиниций. Все это позволяет расширить исследовательское поле и ввести в материал глаголы непереходные, которые в диалектной речи демонстрируют транзитивные свойства. Например, БРЕ́ДИТЬСЯ Сниться. **Бре́дился сон** ему́. Пск. (ПОС 2: 163); БЕЗОБРА́ЗИТЬ Обижать? *Ра́ньшы* ***сусе́т суседа не безобра́зил***. Пл. (ПОС 1: 156); КИВА́ТЬ 1. Делать лёгкие наклонные движения головой ‖ *кого.* Движением головы подзывать. *Он* ***меня́*** *и* ***кива́я****: иди́ сюда́ к нам, ну иди́ вы́пей*. Аш. (ПОС 14: 104).

В данной статье мы остановились на характеристике Псковского областного словаря как полноценной источниковой базы исследования. Другие аспекты темы рассмотрены в ряде статей автора: см. Митченко (Побидько) 2010, 2012.

Сокращения

Указатель – Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель / Редактор-составитель Н.В. Большакова; составители: Л.Б. Воробьева, З.В. Митченко. Псков: ЛОГОС Плюс, 2013. 328 с.

Литература и источники

1. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция). С. 5–51. // URL: http://msk.phil.spbu.ru/nauchnye-temy/instrukciya_2-ya-redakciya.
2. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря // Ларин Б.А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 660–674.
3. Летучий А.Б. Параметр синтаксической предсказуемости и производные конструкции // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. 200 с. С. 117–125.
4. Митченко (Побидько) З.В. К вопросу о проявлении транзитивных свойств глаголов разных лексико-семантических групп (по данным «Псковского областного словаря») // Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы: материалы I междунар. науч. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С. 104–107.
5. Митченко (Побидько) З.В. Наименование пациенса в системе переходности глагола // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Отв. ред. В.И. Трубинский: Материалы секций XXXIX Международной филологической конференции, 15–20 марта 2010, Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 119–122.
6. Митченко (Побидько) З.В. Проявление транзитивных свойств глагола в диалектной речи // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве. Материалы Международной научной конференции (26–28 апреля 2012 г., Псков): в 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н.В. Большакова. Ред. коллегия: В.К. Андреев, Н.Л. Вершинина, Л.Я. Костючук, И.В. Мотеюнайте, Т.Г. Никитина, Н.И. Яковлева. Псков: ПсковГУ, 2012. С. 128–133.
7. Храковский В.С. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций. С. 288–300. // URL: http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Khrakovsky.pdf.

УДК 811.161.1

Л.П. Михайлова
(Петрозаводск, Россия, posnm87@bk.ru)

Псковская лексика сквозь призму этнических контактов

В статье использована лексика Псковского областного словаря, свидетельствующая о тесных контактах жителей Псковской земли с иноязычными соседями. Псковская народная речь усвоила лексические единицы из литовского и латышского языков (*ашакú*, *бурбулúть*, *освéр* и др.). Многие русские слова подверглись преобразованию под влиянием прибалтийско-финской языковой системы (*агрáбли*, *колáзник*, *корóль* и др.).

Ключевые слова: варианты, диалектная лексика, заимствования, фонетические процессы, языковые контакты.

L.P. Mikhaylova

The Pskov Region Vocabulary in the Light of Ethnic Contacts

The article touches upon the peculiarities of the Pskov Regional Dictionary, manifesting close contacts between residents of the Pskov land with neighbours speaking other languages. Pskov folk vocabulary has borrowed lexical units from the Lithuanian and Latvian languages (*ашакú*, *бурбýлить*, *освéр*, etc.). Many Russian words have undergone transformations under the influence of Baltic-Finnish language system (*агрáбли*, *колáзник*, *корóль* etc.).

Key words: variants, dialect vocabulary, borrowings, phonetic processes, language contacts.

Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

Создание Псковского областного словаря с историческими данными – результат подвижнической деятельности огромного коллектива диалектологов Ленинграда / С.-Петербурга и Пскова, остающихся верными научным идеям Б.А. Ларина, несмотря на меняющийся с течением времени состав. Этот лексикографический труд оценивается как

«уникальная энциклопедия по истории и географии Псковской земли, отраженной в ее языке» (Герд 2013: 110). Исключительное значение народной речи псковичей для исторической и лингвистической науки, по мнению Б.А. Ларина, обусловлено тем, что «она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также с белорусами» (Ларин 1967: 3). Исторические исследования это подтверждают: «До появления славян с конца II тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э. по Псковскому региону проходил стык прибалтийско-финского и восточно-балтского этнокультурных массивов» (Плоткин 2003: 67).

Проблеме этноязыковых контактов, которой уделяли внимание основатели ПОС Б.А. Ларин, С.М. Глускина и др., посвящены работы многих ученых, включая и современных составителей ПОС (Большакова 2016, Костючук 2016, Никитина 1991, Пурицкая 2015). Чаще описываются заимствования из соседних языков, как славянских, так и неславянских. Некоторые архаические явления могут быть возведены «к языку единого субстрата, языку племенных диалектов Прибалтики и северо-восточной Европы. С этими племенами смешались, продвигаясь в места теперешнего расселения, и финские племена, и первые волны балтийских переселенцев с юго-востока и, наконец, авангард славян, продвигавшихся с юга» (Ларин 2003: 155).

Используя материалы ПОС и Словаря балтизмов (СБ) Ю.А. Лаучюте, сделаем попытку представить псковскую лексику, связанную с балтийскими языками, а также выделить в ее составе группы вариантов исконно русских слов, испытавших прибалтийско-финское воздействие.

I. Исторически обусловленная связь псковской лексики с балтийскими языками выражается в наличии в ее составе большого количества балтизмов, отмеченных в исследованиях многих ученых и представленных в специальных словарях (СБ и ОпСБ).

Представим список балтизмов в ПОС 1–26: *агрéст (áгрест, агрэ́ст), андарáк, анчу́та, ариба, асвéр, асвéра, ашакú, ашакóла, бабу́тка, балáнда, балды́. бря́згать, бурбулúть, бутрúмить, буч, вáйнуть, валáндаться, вáндаться, варгáнить, вя́ркать, вя́тер, вя́терь (вя́тель), галвы́зина, гилúть, гирсá, гóлвы, грунду́ль, гультáй, гультя́й, дунду́к, ды́лда, éвня, ёвня, жéмочь, жудá, зы́рда, кáлива, кáлика, кáрзить, кáуля, кéльма, кúбка, клу́ня, ковш, крóмсáть, крумéль, крупéня, крупéйня, кры́кать, кукшúн, куль, курмéль, курпáк, ку́рпы, курпéш, курпáник, кяту́рка, лазбéнь, лáйба, лáйва, лáта, лататá, лох, лунь, лупáтый, мáчка, мелéн (мелё́н, мéлень), митусúть, мудúть, му́рза, мурúть, обжергну́ть, ориба, óсвéр (освúр), освéрить (освúрить), отлúга, отóр, оторáть, отóс, пáкля́, парсю́к, парсу́к, пéкáль, пéкéль, пикáль, пúкель*.

Алфавитный список продолжается по данным СРНГ 1–49: *припу́нек, припу́нник, пу́нька, пу́ня, пу́ра, пурá, пу́треник, путрó, рей, рéя, ру́пить, свúрна, свист, сды́рдить, селáва, сикля́ха, скáнец, скóлба, сочúть, стикля́ха, талы́згать, талы́зина, твань, толóка, тю́ря, у́гола, удрá*.

Некоторые псковские слова приведены Ю.А. Лаучюте со ссылкой на картотеку ПОС, но отсутствуют в СРНГ, а именно: *ракáля, рóзвины, рункáль, ру́нкиль, ру́нкуль, рявгéнья, склют, стрюк, стрю́цкий, сыропы́ня, сыропы́ха, тюрé, утряптáть*.

Завершаем примерами балтизмов (после слов *пнуть* в ПОС и *харя́тый* в СРНГ), представленными в словаре Ю.А. Лаучюте: *шакалá, шакóл, шаколá, шакóлина, шакóлы, (ашакóла), шекалá, шарить, шашóк, шúкалка, шúкать, шишóк, шмуль, шмуля́стый, шпы́ря, шу́лá, шулы, шурпáтый, янтáрь*.

Дополнительные сведения о псковских балтизмах находим в ОпСБ: *олёс, áнки (анкú), баркáн, бу́кста, бу́кша*, ст.-пск. feter (1607 г.), *гиндовá, дáса, ды́рда, жергáть, жуберá, жу́гари, кáраж, кáру́ш, кару́ша, карзина, керыв, клу́мба, клюмбакú, косá, ку́ка, ку́льшá, кусь-кусь, лáпить, латы́ш, ля́па, молунóк, му́рник*,

Надо иметь в виду, что не все слова, представленные Ю.А. Лаучюте, имеют достаточные основания считаться балтизмами. В «Опыте словаря лексических балтизмов»

А.Е. Аникина содержатся также псковские слова, достоверность принадлежности которых к балтизмам разная. Например, слова *гульта́й*, *гультя́й* ‘лентяй, бездельник’ и образования от них *гульта́йка*, *гультя́йка*, *гульта́йничать*, *гульта́йство* возводятся Ю.А. Лаучюте к реконструированному лит. **gultojas* < *gulti* ‘ложиться’ (СБ: 105), что обоснованно опровергается исследователями (ОпСБ: 130). Допустима интерпретация этимологии слова *ведельё́* то в пользу балтийского (Мызников 2004: 327), то русского языка (ОпСБ: 111).

Слово *андара́к* ‘юбка из домотканого холста’ связывают с лит. *andarokas* ‘полосатая шерстяная юбка’ (СРНГ 1: 258; СБ: 137). Однако следует учитывать наличие лексемы *андара́к* в украинском и белорусском, причем в последнем бытуют варианты и производные: *ондорак*, *андрак*, *андэрак*, *андзiрак*, *андорак*, *андърак*, *андарак*, *андарачак*, *андарачны*, ст.-бел. *индерак*, *индерочек*, в польском с XVI в. *inderak* (ЭСБМ 1: 113). По мнению А.Е. Аникина, восточнославянские факты восходят к польск. диал. *andarak*, *anderak*, уст. *inderak* ‘юбка’ < нем. *Unterrock* ‘нижняя юбка’, в литовский язык слово заимствовано из славянского (ОпСБ: 87).

В СБ и ОпСБ представлены, естественно, не все слова балтийского происхождения. В частности, А.В. Синица, анализируя лексику одного из старожильческих говоров Латвии, приводит слово *ка́птур* ‘верхняя часть печи’, которое имеет родственные образования в белорусском, польском и литовском языках, из них наиболее близко литов. *kaktúras* ‘часть печи’ (Синица 1962: 228). Данное слово, известное также смоленским говорам, русским говорам Литвы (СРНГ), обнаружено и в псковских говорах: *капту́р* ‘верхняя часть русской печи, где находится дымоход’ (ПОС).

К исключительно псковским (великолукским) относится лексема *кром* ‘кровные родственники, образующие семью’: *Во́сем чялове́к палажы́ла на вайну́, уся́ кром адвали́лася. Лу́чче п ани́ жы́ли, а я паүи́бла* (ПОС). В семантическом плане наблюдается сходство со словом *куст* ‘группа людей, связанных родственными, экономическими и т.п. отношениями’, которое было известно в начале XX в. говорам Псковской и Рязанской

областей (СРНГ). Семантическое взаимодействие слов *кром* и *куст*, функционирующих на близкой территории, может быть объяснено балтийским влиянием, ср. литовское слово *krū̃mas* ‘куст’ (ЛРС: 296).

II. Влияние прибалтийско-финских языков более всего проявилось в изменении внешнего облика русских слов. Модификации русского слова в псковских говорах продиктована несогласованностью системных признаков русского и прибалтийско-финских языков, выражающейся, в частности, в характере начального слога в слове, в составе гласных и согласных звуков, в строении словоформы и т.п.

1. В области гласных изменение [о] в [а́], широко известное на Севере и Северо-Западе, в псковских говорах представлено, например, такими соотносительными парами, в которых первый элемент является вариантом ко второму – исходному слову и отражает переход ударения (1) на первый слог: ***ка́былка*** < *кобы́лка*. ***кла́хтать*** < *клохта́ть*, ***ка́лкуха*** < *колку́ха*, ***ка́лтки*** < *колтки́*, ***кра́коль*** < *крока́ль*, ***ла́сица*** < *лоси́ца*, ***ма́ркотно*** < *морко́тно*, (2) на предшествующий слог: ***гора́жник*** < *горожни́к*, ***зала́мать*** < *залома́ть*, ***захва́растить*** < *захворости́ть*, ***кола́бушка*** < *колобу́шка*, ***кора́мный*** < *коромно́й*, ***кола́зник*** < *колосни́к*.

Данное явление отмечается в разных псковских говорах, но чаще других – в гдовских.

Возможно, переход [а́] < [о] связан с влиянием акцентологической системы прибалтийско-финских языков, с которыми контактируют русские говоры: при заимствовании из русского языка гласный [о] первого слога, становясь ударным, удлинялся и переходил в [а], ср. ранние заимствования: лив. *vabad* < *свобо́да*, фин., карел. *tappara*, водск. *tappora*, эст. *taper* < русск. *топо́р*. Время контактов славян и прибалтийских финнов относят к VIII веку н.э., «непосредственно после распада общеславянского единства в связи с продвижением северо-восточной части славянства на территории, занятые финно-уграми» (Востриков 1990: 27).

2. В области согласных мена звонких согласных на глухие и наоборот является яркой особенностью псковских

говоров, что подтверждается огромным материалом типа ***ба́дара*** < *па́дара*, ***коро́х*** < *горо́х*, ***ры́згать*** < *ры́скать*, ***зало́пок*** < *зало́бок* (Глускина 1973: 35–45). Б.А. Ларин считал, что причины этого явления «надо искать в их субстрате, так как языки угро-финской группы имеют и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные – глухие слабые – звонкие), а в некоторых диалектах – утрату звонких, в других – озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение ***k – t – p*** в сильной позиции)» (Ларин 1959: 47). С.М. Глускина обращает внимание на то, что «в окружении гласных и сонорных звуков случаев "озвончения" значительно больше, чем "оглушения" (36 и 14, 19 и 3, т.е. 55 и 17). Такое распределение напоминает отношения между глухими и звонкими аллофонами смычных шумных согласных, предполагаемые в западнофинском праязыке» (Глускина 1973: 49).

3. Изменение анлаута. Структура начала слова в соседних финно-угорских языках характеризуется отсутствием сочетаний согласных и некоторых одиночных согласных звуков в анлауте (Лыткин 1974: 119). В агглютинативных языках нет предкорневых аффиксов, структура же корневых морфем позволяет «достаточно четко устанавливать границы между корнями. Первейшим требованием при этом является отсутствие стечения согласных в начале морфемы, так как иначе на стыках морфем установление правильной границы на слух очень сильно затруднилось бы» (Мельников 2003: 346). В материалах ПОС отражены разные явления в анлауте слова.

3.1 Упрощение сочетания согласных: ***ле́скать*** < *кле́скть*, ***лещо́тка*** < *клещётка*, ***короспе́л***, ***короспе́шка*** < *скороспе́л*, *скороспе́шка*, ***верстли́вый*** < *гверстли́вый* и др.

3.2. Эпентеза: ***коро́ль*** < *кроль*, ***короли́ться*** < *кроли́ться*, ***колубни́ка*** < *клубни́ка*, ***заголуми́ться*** < *заглуми́ться*, ***говерста́***, ***гу́верста*** < *гверста́*, ***бузде́ть*** < *бздеть* и др.

3.3. Протеза Появление гласного перед сочетанием согласных: ***агра́бли*** < *гра́бли*, ***аблыка́ть, -ся*** < *блыка́ть, -ся*. Другие примеры: ***авла́с***, ***адво́р***, ***акрё́мный***, ***акро́м***, ***апрутье***, ***ахлебины***. Протетический гласный перед одиночным

согласным: 1 перед плавным согласным и [j]: ***ала́ндыш*** < *ла́ндыш,* ***арели*** < *ре́ли,* ***аягуст*** – *август,* 2. перед звонким взрывны согласным: ***абаде́йка*** < *баде́йка,* ***аби́ч*** < *би́ч,* ***абахва́л*** < *бахва́л*. 3. перед другими одиночными согласными: ***азаро́д*** < *заро́д*, ***оконе́ль*** < *коме́ль*, ***акули́ца*** < *кули́ца*, ***апо́сле*** < *по́сле* и др.

3.4. Слова с преобразованием *об*- > ***б***-: ***бло́пать, брази́на, бро́жье, брота́ть, бруб, бруч***; *обо*- > ***бо***-, ***бу***-: ***бодво́р-, бодни́ца, будве́рок, буе́здок***. В литературном русском языке и в большинстве говоров слова с исходной праславянской приставкой **ob*- перед **v*- обычно утрачивают **v*-, например, в псковских говорах *оболочи́на* 'облако'. Ср. также проведенный Л.Я. Костючук тонкий анализ таких псковских слов, как *оба́лка, оба́лок*, имеющих исходную структуру*****ob-val*- (Костючук 2012: 89). В ПОС зафиксирован и другой процесс – утрата не только согласного [в], но и начального гласного в сочетании *обв*- (> ***б***-), отмечаются варианты при слове ***облачи́на***: ***блати́на, болоти́на, болочи́на***. В статье *оболочинка** ПОС фиксирует вариант *ба́лотинка* 'облако', в котором отражается незакономерный переход исходного гласного [о] в [á], сопровождающий перенос ударения на первый слог. Сведения, представленные в ПОС, свидетельствуют, с одной стороны, о сохранении древнеславянских процессов в данной группе лексики, с другой – об изменениях строения слова под влиянием иноструктурных языков.

Начальное [о] в составе предкорневого компонента формально совпадает с приставкой *о*- и носителем прибалтийско-финского языка, переходящим / перешедшим на русскую речь, может бессознательно восприниматься как лишнее. Возможно, толчком к его утрате стала такая особенность прибалтийско-финских/финно-угорских языков, как отсутствие префиксов: «В финно-угорском (а также уральском) языке-основе префиксальный и инфиксальный способы словообразования не были представлены» (Майтинская 1974: 330).

В целом материалы ПОС – это своеобразная мозаика, имеющая русскую основу, но включающая элементы многих

языков, которые в разные исторические периоды внесли свой вклад в развитие лексической системы псковских говоров.

Сокращения

ЛРС – Либерис А. Литовско-русский словарь / Под ред. Х. Лемхенаса. Вильнюс, 1962.
ОпСБ – Аникин А.Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск: Наука, 2005.
СБ – Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л.: Наука, 1982.
ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1 / Рэд. В.У. Мартынаў. Мн.: Навука і тэхніка, 1978. 440 с.

Литература и источники

1. Большакова Н.В. Псковско-белорусское языковое пограничье (лексикографическое представление идиома) // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Наваполацк; Полацк. Т. 2. С. 300–305.
2. Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск: УрГУ, 1990. 100 с.
3. Герд А.С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский региоголический журнал (Псков), 2013. № 16. С. 107–116.
4. Глускина С.М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры III, Псков, 1973. С. 35–51.
5. Костючук Л.Я. Очередной выпуск «Псковского областного словаря с историческрми данными» – новые сведения о специфике псковских говоров // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2012. № 1. Псков: ПсковГУ, 2012. С. 86–91.
6. Костючук Л.Я. Псковские говоры в их синхронно-диахронных отношениях с соседними языками (к фиксации и исследованию) // Славяне и балты: взаимодействие языков и культур в прошлом и настоящем: международная научная конференция, посвященная 80-летию проф. Валерия Чекмонаса (1936–2004), 17–18 ноября 2016 г. (доклад).
7. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 424 с.

8. Ларин Б.А. [Предисловие] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 3.
9. Ларин Б.А. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе // Ларин Б.А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 137–155.
10. Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 214–382.
11. Майтинская К.Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.
12. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003. 395 с.
13. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
14. Никитина Т.Г. Балтизмы в лексике и фразеологии псковских говоров // Псковские говоры и их окружение / Ред. коллегия: Л.Я. Костючук (отв. редактор), Н.В. Большакова, А.С. Герд, Т.Г. Никитина, Т.А. Пецкая. Псков: ПГПИ, 1991. С. 94–101.
15. Плоткин К.М. Этническая история Псковского региона // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): Международная научная конференция: в 2 т. Т. 2. М.: МГУП, 2003. С. 66–73.
16. Пурицкая Е.В. Лексика псковских говоров и русских говоров Прибалтики: языковые контакты и проблемы лексикографического описания // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (15). С. 155–162.
17. Синица А.И. Из наблюдений над лексикой говора русского старожильческого населения Прейльского района Латвийской ССР // Псковские говоры I. Псков, 1962. С. 219–237.

УДК 801.56:811.161.1

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru)

Фразеология Т. Фенне в «Псковском областном словаре» (ретроспектива и перспектива)

В статье предлагается анализ фразеологии, отраженной в «Разговорнике» 1607 года, составленного ганзейским купцом Тоннисом Фенне. Большинство таких фразеологизмов включено в «Псковский областной словарь». Автор рассматривает 2 параметра описания такой фразеологии: 1) по активности стержневого компонента, образующего псковские фразеологизмы и 2) по их ареальной масштабности, т.е. известности в псковских и других диалектных зонах русского языкового пространства.

Ключевые слова: диалектная фразеология, псковский народный говор, разговорная речь начала XVI в., фразеологизм, Псковский областной словарь.

V.M. Mokienko

Phraseology of Tonnies Fenne in the “Pskov Regional Dictionary” (Retrospective and Perspective)

The article presents an analysis of phraseology reflected in the “Phrasebook” of 1607 compiled by Hanseatic merchant Tonnies Fenne. Most of these phraseological units are included in the “Pskov Regional Dictionary”. The author considers a two-parameter description of the phraseology: 1) according to the frequency of stem component of Pskovian idioms and 2) according to the popularity in the Pskov land and other dialect areas of the Russian-speaking world.

Key words: phraseology, dialectal phraseology, idioms, Pskov dialect, Pskov Regional Dictionary, spoken language of the beginning of the 16th century.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 – «Полный фразеологический словарь русских народных говоров»), реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Нам, ларинцам, хорошо известна лингвистическая проницательность и дальновидность нашего Учителя, умевшего предугадывать перспективы развития современной ему русистики. Одна из таких перспектив, ставшая, как известно, темой докторской диссертации Б.А. Ларина, – расшифровка и комментирование записей древнерусской разговорной речи, сделанных иностранцами. Объектами его исследований были два словаря-разговорника XVI века – Парижский «Словарь московитов», составленный французскими мореплавателями и отражающий севернорусские говоры, и словарь-дневник англичанина Ричарда Джемса, воспроизведшего диалектную речь Холмогор. Последователи Б.А. Ларина много сделали для дальнейших исследований в этом направлении, обнаруживая все новые и новые записи иностранцев, позволяющие по-иному представить живую русскую речь прошлого, значительно отличающуюся от книжного стандарта того времени.

Один из важнейших источников этого рода – словарь-дневник (русско-нижненемецкий разговорник, составленный в Пскове в 1607 году Тоннисом Фенне (Томасом Фунне: 1582, Любек 1627) – немецким ганзейском купцом (Фенне 1970). Разговорник публиковался в Копенгагене в 1961, 1970, 1985 и 1986 гг. Зафиксированный Т. Фенне псковский говор XVII века – значимая лингвистическая находка для русской диалектологии уже и потому, что в ней еще раз проявилась научная прозорливость Б.А. Ларина, основавшего наш «Псковский областной словарь с историческими данными» полного типа, 27-й выпуск которого уже сдан в печать. Изданный почти полвека назад, Разговорник сразу стал объектом серьезных лингвистических исследований. Выяснилось, например, что любекский купец был скорее лишь заказчиком разговорника и что текст этого дневника не полностью гомогенен, и его составитель пользовался не только записью речи информантов-носителей псковского диалекта, но и аналогичными словарями и разговорниками предшественников (Hendriks, Schaeken 2008; Hendriks 2011; Bolek 1997; Хорошкевич 2000 и др.). Недавно опубликована и

капитальная статья А.С. Касьяна (2012) о фонетической характеристике Разговорника, в которой убедительно доказывается, что большинство форм и фраз, записанных Т. Фенне, явно отражают один диалект, принадлежавший к псковско-новгородской группе.

Составители ПОС не только основательно и системно занимались и занимаются исследованием этого источника, но и постоянно используют его текст при работе над словарем. Под руководством О.С. Мжельской Разговорник был полностью расписан, включен в двухмиллионную картотеку, и его материалы проходят красной нитью через все словарные статьи ПОС после 1970 г., сопрягаясь с современным диалектными записями. Естественно, что составителей нашего словаря интересуют прежде всего лексика и фразеология этого ценного источника. Так, одним из первых исследований была статья О.С. Мжельской о глагольной лексике этого ценного памятника (Мжельская 1975), а новейшим стала статья Е.И. Зиновьевой об этнонимах *русин, русак* и *русский* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв., где анализируются и материалы из Разговорника (Зиновьева 2017).

Давно уже на фразеологию этого ценного источника обратила внимание Л.Я. Костючук. Ею было обнаружено чисто псковское этикетное банное пожелание в Разговорнике Т. Фенне – *Пар-мир!*, перекликающееся с современным русским банным пожеланием *С легким паром!* В псковском выражении слово *пар* определяется через слово *мир* с корнем, этимологически предполагающим идею расположения и актуализируется как характеристика спокойного, не агрессивного отношения к окружающим (Костючук 1997: 106). Анализирует Л.Я. Костючук и такие псковские диалектизмы, зафиксированные Т. Фенне, как *покидати робячьи ступни* ‘вырастать, становиться взрослым’ (Костючук 1997: 107), *выпить литки* ‘об угощении с выпивкой по поводу удачного заключения сделки (прежде всего в связи с куплей-продажей)’ (Костючук 1997: 106–107) и др.

Фразеологизмы, зафиксированные Т. Фенне и включенные в ПОС, практически полностью включены в наш

«Большой словарь русских поговорок» (Мокиенко, Никитина 2013), где они сопрягаются как с материалами ПОС, так и со всем русским диалектным пространством[1]. Эти фразеологизмы могут квалифицироваться по двум основным параметрам: 1) активности стержневого компонента, их образующего, и 2) активности употребления в современном общерусском и диалектном пространстве. Рассмотрим их более детально.

1. По активности стержневого компонента, образующего псковские фразеологизмы начала XVII в., наиболее частотными оказываются обороты со словом *Бог.* Они входят в состав 5 выражений. При этом их ареальная «дальнобойность» (на которую будет обращено специальное внимание ниже) колеблется от общерусской, до чисто псковской:

Бог миловал (милует). *Пск.* (1607), *Разг., Том.* Ничего плохого не случилось, опасность миловала. Фенне, 207; ФСРЯ, 39; ПОС 18, 227; ПСДЯЛ 1, 65. // *Сиб.* Что-л. прошло благополучно. СФС, 26.

Мсти Бог *кому.* (1607). Не могу кого-л. осуждать, пусть Бог это сделает. Фенне, 429. 430; ПОС 19, 33.

Быть перед Богом. *Пск.* (1607). Раскрыть свою истинную природу, обнаружив какие-л. качества. Фенне, 331; ПОС 25, 306.

Перед Богом. *Пск.* (1607). Клятвенное заверение в чем-л. Фенне, 236; ПОС 25, 306.

Судиться перед Богом. *Пск.* (1607). Предстать на высший справедливый суд. Фенне, 235; ПОС 25, 306.

Некоторые из них, видимо, являются хронологически четко привязанными ко времени их фиксации в Разговорнике, но при этом были достаточно употребительны, ибо несколько раз повторены в тексте:

Мсти тебѢ Бог, что ты меня обманил; види Бог и кривду, и правду. Разговорник Т.Ф., 429, 1607 г. Яз тебѢ то на твой (!)

---

[1] В целях экономии места сокращения источников здесь не расшифровываются. Читатель их найдет в нашем словаре: Мокиенко, Никитина 2013.

душу скину; мсти тебѢ Бог, душа твой (!) подоймет. *Там же, 430.*

Второе место по этому классифационному принципу занимают выражения со словом *память,* имеющие 3 фиксации*:*

Держать в памяти *кого, что. Пск.* (1607). Помнить. Фенне, 197; ПОС 9, 44; 25, 76-77, 292.

На [большой (великой, моей)] памяти *чьей.* 1. *Горьк., Кузб., Народн., Пск.* (1607)*, Сиб., Том.* При чьей-л. жизни, в чьей-л. памяти. Фенне, 424; БалСок., 44; ФСС, 131; СКузб., 126–127, 170; ФСРЯ, 309; ПСДЯЛ 3, 10; ПОС 25, 74, 77. 2. *Алт.* Постоянно помнить, использовать что-л. в речи. СРГА 3–2, 12–13.

В память. 1. *кому что. Пск.* (1607)*, Сталингр.* (1940-1953). Что-л. вспоминается, помнится. Фенне, 397, 407; СРНГ 25, 189; ПОС 25, 73. 2. *чью. Кар., Пск.* При чьей-л. сознательной жизни, в чью-л. бытность; в период жизни кого-л., кто сам был свидетелем чего-л. СРГК 4, 388; ПОС 25, 74. 3. *Пск., Том.* Для того, чтоб помнить, не забывать о ком-, чем-л. (дать, подарить, купить, сделать и т.п.). ПСДЯЛ 3, 10; ПОС 25, 75. 4. *кого. Пск.* В честь названного святого, чтобы почитали его. ПОС 25, 76.

Для первого из этих фразеологизмов показателем частотности употребления можно назвать и активность глагола *держать,* который неоднократно фигурирует в Разговорнике в 5 разных значениях, скрупулезно дифференцированных составителями ПОС (ПОС 9, 44; 25, 76–77, 292). Тем самым выражение *держать в памяти,* записанное в Разговорнике, не просто инкрустировано в разветвлённую семантику глагола *держать,* но и органически входит в его общую структуру.

Немало фразеологизмов из Разговорника Т. Фенне, избранных нами и включенных в корпус сводного нашего «Большого словаря русских поговорок», образуют «фразеологические пары» в сочетании с разными компонентами:

В обиду. 1. *Пск.* (1607). Причиняя огорчения. Фенне, 355; ПОС 22, 140. 2. *Кар.* С чувством, печально. СРГК 4, 80.

Не в обиду. *Пск.* (1607). Не причиняя огорчений. Фенне, 355; ПОС 22, 140.

По обычаю. *Пск.* 1. (XVI в.). Так, как принято. ПОС 22, 483. 2. *кому [чьему, какому].* (1510, 1607). В соответствии с принятым образом действий, поведения; привычный для кого-, чего-л. Фенне, 213, 246, 362, 372, 373, 458; ПОС 22, 483.

Не по обычаю. *Пск.* Не такой, каким следует быть. ПОС 22, 482.

Говорить/ сказать во очи *кому что. Пск.* (1697). Высказывать свое мнение о ком-л.в присутствии кого-л. Фенне, 416; ПОС 23, 130.

Перед очима. *Пск.* (1607). На виду у кого-л., так, что можно хорошо рассмотреть, оценить. Фенне, 298; ПОС 25, 305.

Пар – мир! *Пск.* (1607). То же, что **с легким паром!** Фенне, 196; ПОС 18, 242; 25, 101.

Здорово по парѣ, как будешь в соочкѣ! *Пск.* (1607). То же, что **С лёгким паром!** Фенне, 196; ПОС 25, 101.

Без [всех] переводов. *Пск.* (1607). Немедленно, без задержек. Фенне, 228; ПОС 25, 274.

Без переводу. 1. *что. Пск., Сиб.* (1968). Что-л. не переводится, имеется в достаточном количестве, всегда есть в наличии. Фенне, 228; СРНГ 26, 53; ПОС 25, 274. 2. *Народн., Пск.* (1607). То же, что **без [всех] переводов.** СРНГ 26, 53; ПОС 25, 274.

Идти перед судью. *Пск.* (1607). Подавать на кого-л. в суд, решать дело в суде. Фенне, 375, 401, 403; ПОС 25, 307-308.

Подзывать перед судью. *Пск.* (1607). То же, что **идти перед судью.** Фенне, 210; 387; ПОС 25, 307-308.

Товар не перед тобой. *Пск.* (1607). Товар отвечает нужным требованиям, подходит кому-л. Фенне, 356; ПОС 25, 305.

Товар перед *кем. Пск.* (1607). Товара нет при тебе в наличии. Фенне, 356; ПОС 25, 305. Наконец, из общего корпуса фразеологических «феннеизмов» выделяются устойчивые сочетания, образованные от одного компонента:

Переменить дѣлом *кому. Пск.* (1607). Поручить другое дело кому-л. Фенне, 205; ПОС 25, 400.

Друг перед другом. *Пск.* (1607). Один перед другим. Фенне, 218, 406; ПОС 10, 11; 25, 306.

Больше крадёт, как милостыни даёт. *Пск. Неодобр.* (1607). О лицемерном воре, казнокраде. Фенне, 458; ПОС 18, 229.

ОТВѢСТЬЕ * Давать/ дать отвѣстье *кому [на что]. Пск.* (1607). 1. Отвечать на заданный или возможный вопрос, сообщение. 2. Давать отчет о своей деятельности, работе, отчитываться. Фенне, 206, 376, 399; ПОС 23, 527; 25, 397. < **Отвѣстье** – решение, заключение по какому-л. делу, вопросу.
За пазуху. *Пск.* (1607). Между грудью и одеждой. Фенне, 216; ПОС 25, 19, 20.
Пережее сёго. *Пск.* (1607). Раньше, в прежнее время. Фенне, 260, 399, 428, 436; ПОС 25, 339.
От чистого (чиста) сердца. *Разг.* 1. *Пск.* (1372; 1607), *Разг.* То же, что **от всего сердца.** Фенне, 387; ПОС 3, 154; 23, 484. 2. Из самых добрых побуждений. ФСРЯ, 420; ЗС 1996, 290, 511.
Своему слову не осподарь. *Пск.* (1607). О человеке, который не выполняет обещанного, не держит слова. Фенне, 377; ПОС 25, 222.
Делать *что* **передо мной.** *Пск.* (1607). При мне, при моем непосредственном присутствии. Фенне, 200, 287; ПОС 25, 306.
Поветерлив язык *у кого. Пск. Неодобр.* (1607). О человеке, не сдерживающем своих обещаний. Фенне, 406; ПОС 23, 64.

Распределение фразеологии, зафиксированной Т. Фенне, по образующим её стержневым компонентам, позволяет в какой-то степени оценить фразообразовательную активность и избирательность этой важной составляющей лексикона Разговорника. Оно даёт возможность получить и ценную информацию о хронологии бытования разговорной фразеологии, углубляя ее ретроспективу.

2. Квалификация псковских фразеологизмов начала XVII в., записанных Т. Фенне, **по ареальной дистрибуции.** Сопоставление описываемых составителями ПОС фразеологизмов с общим диалектным пространством России в какой-то мере компенсирует отсутствие точной хронологии. Лексикографическую попытку такого рода мы сделали в нашем «Большом словаре русских поговорок», по возможности последовательно и точно накладывая псковские фразеологизмы на общерусскую и дифференциальную лингвогеографическую сетку России. Представим лапидарно результаты такого наложения.

Локально очерченный псковских ареал имеют, как легко увидеть по проводимым отсылкам на источники, большинство названных выше фразеологизмов. Конечно, это не значит, что они не могут употребляться и за пределами этого ареала. Такие словосочетания, как *быть перед Богом, перед Богом, друг перед другом, не в обиду, за пазуху. держать в памяти*, пожалуй, имеют заведомо более широкое распространение, хотя и в точно такой форме не зафиксированы в использованных нами источниках. Тем не менее, они являются своебразной «паспортной» маркировкой Разговорника Тониса Фенне, ибо в их псковской локализации усомниться невозможно.

Общерусский ареал некоторых фразеологизмов ясно вырисовывается при наложении на лингвогеографическую карту. К таким оборотам относятся такие приводимые выше фразеологизмы, как: *Бог миловал (милует)*, известному как современному литературному языку, так и сибирским народным говорам; *на [большой (великой, моей)] памяти,* также известному и литературному языку, и горьковским, кузбасским, томским, алтайским и другим говорам; *в память* и *от чистого сердца* – с общелитературной и диалектной проекцией.

Ареальная «дальнобойность» некоторых фразеологических феннеизмов может быть и значительно расширена. Так, в начале XVI в. в псковских говорах, видимо, еще не произошло вытеснение праславянского слова *око* метафорическим обозначением этого соматизма *глаз* ‘шарик’ в конце XVI–XVII вв. (Фасмер I: 411–412), благодаря чему фразеологизмы, зафиксированные Т. Фенне, сохраняют общеславянскую принадлежность. Так, *говорить / сказать во очи кому что* ‘высказывать свое мнение о ком-л. в присутствии кого-л.’ имеет такие параллели, как бел. *казаць у вочы,* укр. *сказати в очі,* слвцк. *povedať do očí,* чеш. *mluvit do očí;* болг. *казвам в очите;* серб./хорв. *reči u oči* и т.д. Выражение зафиксировано и Вейсмановым «Лексиконом» (1731): «einem ein Ding teutsch sagen, alicui in os verbis apertis, *кому в глаза правду сказати, выговорити*»; «*einem ins Gesicht sagen,* coram & in faciem alicui dicere, *в глаза кому выговорити, сказати*». Употреблялось затем М.В. Ломоносовым (1753), Екатериной

Второй и др. (Otten 2002). Фразеологизм *перед очима* ‘на виду у кого-л., так, что можно хорошо рассмотреть, оценить’ также известен большинству славянских языков: укр. *перед очима,* чеш. *před očima,* серб./хорв. *před očima* и др.

Некоторые фразеологизмы, отраженные Разговорником, являются диалектизмами, проецированными в другие ареалы русского языкового пространства – особенно северно-русские и сибирские:

Без переводу. 1. *что. Пск., Сиб.* (1968). Что-л. не переводится, имеется в достаточном количестве, всегда есть в наличии. Фенне, 228; СРНГ 26, 53; ПОС 25, 274. 2. *Народн., Пск.* (1607). То же, что **без [всех] переводов.** СРНГ 26, 53; ПОС 25, 274.

Таких выражений, собственно говоря, единицы, ибо большинство из них либо имеют собственно псковскую паспортизацию, либо «растворяются» в общерусском ареальном пространстве.

Ценность фразеологических материалов Разговорника заключается и в том, что он отразил часть яркой образной и экспрессивной идиоматики, характерной для разговорной речи начала XVI в., не зафиксированной другими историческими словарями и источниками. Таковы уже упомянутые «банные» пожелания *Пар – мир!* и *Здорово по парѣ, как будешь в соочкѣ!,* эквивалентные современному *С лёгким паром!* или проведенные выше обороты *больше крадёт, как милостыни даёт; давать отвhстье; поветерлив язык.* Их фиксация ценна и сама по себе, и как репрезентация определенных структурно-семантических моделей, по которым до сих пор образуется русская фразеология. Так, *давать отвѣстье кому [на что]* не только имеет перекличку с записанным в Архангельской области фольклорным выражением *держать отвестьице* ‘отвечать кому-л., держать ответ’ (СРНГ 24: 135), но и адекватно современным оборотам, *дать ответ, дать весть* и под. К фразеологизму *поветерлив язык у кого* легко найти целую серию сочетаний с тем же сомотизмом, характеризующих празднословие и ненадежность в исполнении обещанного. Оборот же *своему слову не осподарь* – явный вариант широко употребительного в классической литературе выражения

господин своего слова – ‘верный своему слову; что сказал, сделает’, имевший и лексические варианты типа *своего слова барин* (напр., у Н. Лескова:) или *быть рабом своего слова* ‘считать себя обязанным держать (исполнять) свое слово’ (Михельсон 1903 1: 212; 1905 2: 163). В современной русской речи из этой модели выкристаллизовалось выражение *быть хозяином своему слову, хозяин своего слова.*

Исследование лексики и фразеологии Разговорника Т. Фенне позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира – мира, в котором несколько лет прожил его немецкий автор. И благодаря его записям этот мир оживает в нашем XXI веке – веке телевидения, интернета и перевозбужденных средств массовой информации, не разрушивших пока еще яркое полотно живой псковской речи. И мы, участники конференции, блестяще организованной нашими гостеприимными хозяевами-псковичами, имеем счастливую возможность наслаждаться звуками этой речи. Речи, которую слышал и записывал ровно 410 лет назад двадцатипятилетний ганзейский купец.

Литература и источники

1. Зиновьева Е.И. Этнонимы *русин, русак* и *русский* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Русин. 1017. № 1(47). С. 92–116.
2. Касьян А.С. Отражение праславянской фонемы *ы в старопсковском диалекте разговорника Т. Фенне как архаизм // Вопросы языкознания, № 4. 2012. С. 73–100.
3. Костючук Л.Я. И использованию фольклорных текстов в диалектном словаре (из опыта «Псковского областного словаря с историческими данными») // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки. Языкознание. Вып. 1. Псковский государственный университет, 2015. С. 108–117.
4. Мжельская О.С. Глагольная лексика в «Разговорнике» Тонниса Фенне // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. Октябрь 1975 г. Москва. Вып. 2. Славянская историческая лексикология (семантический анализ древнеславянского

слова). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1975. С. 22–25.
5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. Т. 1, 1903. 779 с. Т. 2, 1905. 580+250 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общей редакцией проф. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 784 с.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26 / Под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2016.
8. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Б.А. Ларина. Перевод с нем. и предисл. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973; 2-е изд. 1986–1987.
10. Хорошкевич А.Л. К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Томаса Шрове и Тенниса Фенне // Slavia orientalis. 2000. V. 49. № 1.
11. Bolek A. Czy Tönnies Fenne zasuguje na miano pionera slawistyki? // A. Bolek et al. (eds.). Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Wiesławowi Witkowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Kraków, 1997.
12. Hendriks P. Innovation in tradition. Tönnies Fonne's Russian-German phrasebook (Pskov, 1607). Doctoral thesis, Leiden university centre for linguistics, 7 September 2011. 52.
13. Hendriks P., Schaeken J. On the composition and language of three early Modern Russian-German phrasebooks // Dutch contributions to the Fourteenth international congress of Slavists, Ohrid: Linguistics. Amsterdam; New York, 2008.
14. Otten Fred. Russische Phraseologie im europäischen Kontext // Zeitschrift für Slawistik. 2002, №3 (47). S. 344–362.
15. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Volume II. Transliteration and Translation. Editors L.L.Hammerich and Roman Jakobson. Copenhagen, 1970.

УДК 811.161.1

Е.В. Пурицкая
(Санкт-Петербург, Россия, purichi@list.ru)

Региональная псковская лексика в памятниках письменности и на широком диалектном фоне

В статье на материале «Псковского областного словаря с историческими данными» рассматриваются диалектные лексемы, зафиксированные в псковских памятниках письменности XIV–XVIII в. (для анализа взяты слова на букву В). Как показывает проведенное сопоставление с данными Словаря русских народных говоров, с лингвогеографической точки зрения эта лексика неоднородна: часть диалектных слов находит соответствие в других русских говорах, часть может быть интерпретирована как псковские.

Ключевые слова: диалектная лексикография, историческая лексикология, псковские говоры, Псковский областной словарь с историческими данными.

E.V. Puritskaya

The Pskov Regional Vocabulary in Manuscripts and in Dialects

Using the material of the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data” the author examines dialectal lexemes, recorded in the Pskov manuscripts of the 14th-18th centuries (the words beginning with the letter “B” are taken for the analysis). Comparative analysis of the data with the Dictionary of Russian Folk Dialects from the linguistic and geographical point of view shows that the vocabulary is heterogeneous: some dialect words have counterparts in other Russian dialects, some can be regarded as typically Pskovian.

Key words: dialect lexicography, historical lexicology, Pskov dialects, Pskov Regional Dictionary with Historical Data.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00213 «Псковский областной словарь с историческими данными».

Псковский областной словарь (ПОС) был задуман Б.А. Лариным как экспериментальный словарь «с историческими данными» (Ларин 2002: 673), однако эти данные

не представляют собой простую справку. Словарная статья в ПОС имеет современную и историческую часть с единой нумерацией, при этом современные и исторические материалы соединяются в словарной статье не механически: лексика из древних памятников полностью описывается в соответствии с принципами ларинской исторической лексикографии – используются все принятые в современной части приемы анализа значений слов и семантических оттенков, толкуется вся лексика, зафиксированная в региональных памятниках письменности XIV–XVIII вв.

Основная цель такого построения диалектного словаря – изучение исторической перспективы регионального слова. «Выявление общерусского и отграничение местного – важнейшая задача исторической лексикологии русского языка XV–XVII вв., от решения которой зависит определение словарного вклада отдельных территорий в сокровищницу общерусского национального языка, воссоздание широкой ретроспективы территориальной дифференциации лексики, изучение соотношения и взаимодействия словаря центра с лексикой областных культурных центров, установление времени формирования отдельных тематических и лексико-семантических групп» (Судаков 2010: 205).

Параллельно с работой над ПОС ведутся исследования того, как функционирует слово в древних письменных памятниках и в современной речи жителей Псковщины – это работы О.С. Мжельской, Л.Я. Костючук, Ю.Ф. Денисенко, Е.В. Пурицкой и др. (см.: Псковские народные говоры… 2013). Сопоставление функционирования слова в современных псковских говорах и средневековых памятниках псковской письменности показало, что связь, преемственность между языком Средневековья и современными говорами существует. Интересные результаты дают наблюдения над региональным словом в современных псковских говорах и псковских памятниках письменности XIV–XVIII в. на широком диалектном фоне. В силу ограниченного объема статьи покажем это на некоторых примерах (для анализа взяты диалектные

слова на букву В, статьи на которые в ПОС имеют две части, современную и историческую).

Сопоставление диалектной лексики, отраженной в исторических памятниках, с данными других русских говоров показало, что с лингвогеографической точки зрения эта лексика неоднородна.

Так, выделяется группа лексем, характеризующаяся, по данным СРНГ, довольно широким, в основном севернорусским ареалом (архангельским, костромским, ярославским, новгородским и др.). В сводном словаре их псковская локализация часто не отмечена (хотя, безусловно, необходимо учитывать неполноту 4 выпуска СРНГ, вышедшего в 1969 г.), а между тем они зафиксированы на территории Псковского княжества уже с XV–XVI вв.:

Современная часть словарной статьи	**Историческая часть словарной статьи**
ва́жня ‘помещение с большими весами’ (ПОС 3: 17–18, СРНГ 4: 16, Твер., Смол. Пск., Новг., Иркут.)	
Ва́жня – е́та вясы́ таки́и бы́ли, сӥэ́здит з драва́м и све́шыют.	*Противъ Таможенные избы надо Рвомъ же важня*. (Кн. писц. I, 13, 1585–1587 гг.) *Приди завтра на важню, там я тебѣ свой товар отвѣшу*. (Разговорник Т.Ф., 301, 1607 г.)
ва́ли́ще и ***ва́лища*** ‘место на лугу, в поле, где валялся домашний скот, звери, лежал человек’ (ПОС 3: 26; СРНГ 4: 27, Калуж.)	
Ло́шъть пъката́ицца и аста́вить памя́тае ме́ста, ва́лишша. *И свинья́ я́му, ва́лишша здé́лаит*.	*Нивнии судовѣ по старинѣ, судити всякаа копнаа, и изгородное прясло и коневаа валища*. (Лет. III, Стр., 1476 г., л. 170 об.)
ввéки ‘всегда, вечно’ (ПОС 3: 42; СРНГ 4: 81, Твер., Волог., Пск.)	
Без иллюстрации	*Бѣси... кричаще и вопиюще бѣжали, глаголюще, яко отселе прогнани быхомъ, иде же надѣяхомся ввѣки царствовати*.

(Лет. I, 1534 г., л. 146–146 об.)

ве́дом ʽизвестие, какие-н. сведения’
(ПОС 3: 60; СРНГ 4: 92, Олон., Прион.)

Ве́дома нет, прие́дит внучо́к или нет.

А тогды на нихъ [на переветчиков] не было вѣдома никако, еще... Псковъ его и рублями жяловалъ, а того не вѣдая. (Лет. III, Стр., 1469 г., л. 123 об.) *Хлѣбные припасы сыплютъ въ Островѣ дворцовые крестьяня, и про тотъ хлѣбъ подлинной вѣдомъ во Псковѣ въ Дворцовомъ приказѣ.* (Кн. писц. II, 466, 1698 г.)

ве́домость ʽсообщение, известие’
(ПОС 3: 60; СРНГ 4: 93, Орл.)

Присла́ла ве́дамъсть чэриз жэ́ншшыну: скажи́ мае́й ба́бушки, пу́сть прихо́дит за чарни́цъй, чарни́цы мно́га.

И вѣдомости имъ изо Гдова за рубежъ и из-ыныхъ мѣстъ о рускихъ войскахъ и о всякихъ поведенияхъ доносятъ. (Кн. писц. II, 365, 1701 г.)

ведря́но ʽясно, солнечно, сухо’
(ПОС 3: 62; СРНГ 4: 94, без указания места)

Где ш видря́на, сонца-та нету

И егда бысть весна, по велице дни съ 3 недели бысть ведряно и солнечно и красно, и по том бысть студено и мокрослот с морозом (Лет. II, 1485 г., л. 222).

вилова́тый ʽразветвленный, с сучками’
(ПОС 4: 16; СРНГ 4: 282, Смол., Ленингр., Вят., Свердл., Перм.)

Па́парть — растёт стибли́на высо́кая, вилава́тыи, разризны́и ли́стья.

Отъ трехъ каменей по дубовой же виловатой столбъ въ уголъ семдесять семъ сажень. (Отвод. Мирож. м., 74, 1662 г.)

вису́чий ʽприспособленный для подвешивания’
(ПОС 4: 27; СРНГ 4: 298, Арх., Новг., Костр., Смол., Ленингр.)

Вису́чая ла́мпа и стая́чая е́сьть. Катёл э́тът вису́чий.

Да сундукъ болшой… а у него 2 замка висучихъ. (Кн. писц. I, 13, 1585 г.)

ви́шень ʽплодовое дерево вишня’
(ПОС 4: 33; СРНГ 4: 310, Яросл., Смол., Самар.)

Расту́т я́блаки, ви́шень. Ра́ньшы так ви́шыню расло́, так расло́!	*Продалъ есми… дворовое мѣсто отца своего… съ яблони и с вишнемъ*. (Кн. Поганкина, 47, 1653 г.)

влада́ть ʽиметь в собственности’

(ПОС 4: 45; СРНГ 4: 315, Перм. Арх., Олон., Вят., Новг. и др.)

Ски́нул шу́бу: на, влада́й, спамина́й миня́! *Чужы́м влада́ют, свъиво́ лю́ди не вида́ют.*	*От начала Руския земля сии град Псковъ ни коимъ же княземъ нѣ владаемъ бе*. (Лет. III, 1510 г., л. 645).

вме́сто ʽвместе’

(ПОС 4: 58; СРНГ 4: 321, Олон, Киров., Арх., Новг., Тобол., Ленингр.)

Фсё в разру́хи до́чки жыву́т, забира́ю фсех вме́сто.	*Веремя розытись. Завтра мы сойдёмси опять вмѣсто*. (Разговорник Т. Ф., 277, 1607 г.)

впу́сте ʽбез использования, в запустении’

(ПОС 5: 30; СРНГ 5: 181, Ленингр.)

У ба́рина мно́го земли́, она́ лежа́ла фпу́сьте, крестья́не бра́ли зе́млю в аре́нду. *Тогда́ фсё поля́ бы́ли, фпу́сте земе́ль не было*.	*Лѣсу пашенного полтретьи десятины, да непашенного 3 десятины помѣщиковы, впустѣ 17 чети пашни*. (Вып. кн. писцовых 2, 283, 1670 г.) *А то-де [Сарпуновское] мельничное мѣсто и съ пашенною землею лежить впустѣ*. (Док. Любят. м., 52, 1681 г.)

выма́ть ʽвынимать, вытаскивать’

(ПОС 6: 13; СРНГ 5: 309, Тамб., Курск., Пенз., Брян., Ворон., Нижегор. и др.)

Пяча́йник – када́ блины́ пиче́м, скаваро́тку выма́им. *Нады́сь мёт с кало́ды выма́ла*.	*Ужё-ль ты твой товар весь <и>з погреба вымал/вынял?* (Разговорник Т. Ф. 421, 1607 г.)

Для следующей группы слов в СРНГ отмечен только псковский ареал (помета Пск.):

вишня́г и ***вишня́к*** ʽзаросли вишни’

(ПОС 4: 34; СРНГ 4: 311)

У ряки́ вишняга́ мно́гъ.	*Продалъ-де… дворовое мѣсто отца его – и съ вишнягом*. (Кн.

Поганкина, 48, 1653 г.)

вки́нуть ʻбросая, поместить где-н.ʼ (ПОС 4: 37). В СРНГ лексема ***вки́нуть*** не отмечена, есть только глагол ***вки́нуться*** с пометой Пск. (СРНГ 4: 312)

Ани́ пръстрялúли мальчи́шку и фки́нули ф падва́л.	*И на палати фкинуты доски*. (Кн. Поганкина, 34, 1664 г.)

владе́льщик ʻкто чем-н. владеетʼ (ПОС 4: 45; СРНГ 4: 316)

Без иллюстрации	*По сказкѣ волостных крестьянъ и владѣльщиковъ, которые тѣми пустошами... владѣютъ*. (Док. Любят. м., 72, 1691 г.) *Завладѣли помѣщики [монастырской пустошью]..., и бить человъ было на тѣхъ владѣльщиковъ некому*. (Док. Любят. м., 64, 1691 г.)

вмета́ть ʻбросив, поместить куда-н.ʼ (ПОС 4: 59; СРНГ 4: 32)

В я́му вмята́л туды́.	*А самых во озеро вметаша 9 мужь*. (Лет. I, 1403 г., л. 35). *Убиша псковскых гонцов... и вметаша в реку розбоиники*. (Лет. II, 1485 г., л. 221 об). *А 10-ти человекомъ головы отсѣкли и в ров вметаша*. (Лет. III, 1609 г., л. 215 об.)

Наконец, в отдельную группу можно отнести лексику, зафиксированную в ПОС, но вообще не отмеченную в СРНГ:

вве́чере́ ʻвечеромʼ (ПОС 3: 45)

Хазя́йка придё ввицаре́, гра́бя са мно́й. *Тапи́ли вве́чере ха́ту.* *Я Тама́ру вдень радúла, а Митьку уве́чери.*	*И приехалъ старецъ Феоктистъ в неделю ввечере*. (Лет. III, Стр., 1560 г., л. 223 об.)

вдво́е ʻв два ряда, в два слояʼ (ПОС 3: 51)

Скём вдво́я шэрсь, чулки́ вяза́ть.	*Да около рву поставлены были рагули еловые суковатые вдвое*.

(Кн. писц. II, 43, 1636 г.)

вдру́г ʽодновременно’

(ПОС 3: 56)

То вдрук прихо́дицца карми́ть [детей], а то и на́разно.
Двух сынаве́й вдрук в салда́ты взя́ли.

А стреляли бы ис тех пушек вдруг по тому шатру. (Рассказ Дорофея, 113, XVI в.)

вложи́ть ʽпоместить, положить во что-н.’

(ПОС 4: 54)

Што пандра́вилась — ф су́мку вло́жат.
Девятна́ццать килагра́м влажы́ла ф каро́пку.
Ф пя́тницу он в гроп вло́жын.

Вложатъ малых детей 7 и 8 во единъ гробъ. (Лет. I, 1341 г., л. 30 об.) *Грамоту новую списали и в ларь вложили*. (Лет. I, 1484 г., л. 645)

вмани́ть ʽ завлечь, заманить, куда-н.’

(ПОС 4: 56)

Каза́ шара́х вон, наси́лу вмани́ла.
Пълави́ну кур закры́л, а фсех-тъ не вмани́ть.

И вманив его к Москве отравою умориша. (Лет. I, 1607 г., л. 758). *И бояре умыслили и вманили лучших [казаков] в Москву*. (Лет. III, 1616 г., л. 224 об.)

вперво́ ʽв первый раз, впервые’

(ПОС 5: 14)

Я ду́маю, тапе́рь вётах, фперво́ вётах, а тады́ стари́к.

Яз тебѣ тово не дам; вперво ты мнѣ от ёво знамя принесешь, ино яз тебѣ то дам. (Разговорник Т. Ф., 332, 1607 г.)

врознь ʽпо отдельности, врозь’

(ПОС 5: 49–49)

Спирва́ записа́лись мы, жы́ли шэсть неде́ль врознь, а пато́м венча́лись ф цэ́ркви.

Иные ихъ многие люди и крестьяня отъ такова розоренья врознь розбрелись. (Кн. писц. II, 97, 1650 г.) *И отъ того, государь, насилства Сумерские волости салдаты, и крестьяне, и бобыли многие бредутъ врознь*. (Кн. писц. II, 337, 1657 г.)

всади́ть ʽподвергнуть тюремному заключению’

(ПОС 5: 52)

Вы мяня́ с рязгаво́рам в астро́к ня

И гостя псковскаго всадиша в

фсóдите? *Во, с éтыва дóма мальцá фсадúли.*	*погреб [в Юрьеве], и послаше [псковичи] посла своего въ Юрьев, а Немец всадиша в погреб в охабни.* (Лет. I, 1479 г., л. 641 об.)

вы́грабить расхитить, разграбить (ПОС 5: 145)

Нас вы́ганют [немцы] ф пасёлак, а придёш – тут фсё вы́граблин. *Фсё чúстъ вы́гръбють с анбáру и дъ свидáнья.*	*И многие, государь, наши домишка до конца розорилъ, и достолные, государь, домишка наши и крестьянские беспрестанно грабятъ: пославъ для каково дѣла по ково, и ево возмутъ, а домъ ево весь выграбятъ.* (Кн. писц. II, 383, 1638 г.)

вымилáть ‘получать в результате помола, молоть’ (ПОС 6: 6)

Мнóгъ вымилáют, хърашó рабóтъит мéльница.	*А вымилаютъ, сказали, на той мелницѣ въ годъ денегъ рубли по 4.* (Кн. писц. I, 9, 1585–1587 гг.)

Итак, примерно половина рассмотренных лексем известна и другим русским говорам, другая половина зафиксирована только на территории распространения псковских говоров. Интересна частеречная характеристика рассмотренных слов: преобладают глаголы и наречия. Кроме того, анализ показал и особую тематическую направленность лексики: очевидно, в памятники попало то, что было наиболее актуально для говорящих тогда и не утрачивает своей важности сегодня. Г.В. Судаков, говоря о методах исторической диалектологии, подчеркивает: «В историко-диалектологических работах… важно обратиться к анализу не устойчиво консервативных систем географической, земледельческой, административной терминологии, а к изучению предметно-бытовой лексики из сфер “одежда”, “утварь”, “пища”, “постройки”, обладающей большей динамикой, чутко реагирующей на изменения “вещного» мира”» (Судаков 2006: 205–206). Действительно, диалектная лексика, зафиксированная в памятниках письменности, относится к бытовой сфере и описывает наиболее актуальные для обиходного языка реалии и

действия: погодные явления, обработку земли, растения, предметы обихода и т.п. Обращает на себя и состав памятников, содержащих диалектизмы: местную лексику в основном отразили Псковские летописи, Писцовые книги, Книга Поганкина, Разговорник Тённиса Фенне.

Сокращения

Вып. кн. писцовых 2 – Выпись со Псковских писцовых книг на вотчину Толвицкого Введенского монастыря // ТПАО. 1911–1912 гг. Вып. VIII. Псков, 1912. С. 280–285. 1624–1670 гг., сп. 1670 г.

Док. Любят. м. – Материалы для истории монастырей и церквей Псковской губернии: Документы Псковского Николаевского Любятова монастыря, обращенного в приходскую церковь села Любятова / К.Г. Евлентьев, изд. Псков, 1871. С. 5–6, 11–27, 33–74. К. XVII в.

Кн. писц. I – Псков и его пригороды: [Подлинная писцовая книга № 335] Кн. I // Сб. Моск. архива Мин-ва юстиции. Т. 5. М., 1913. 502 с. 1585–1587 гг.

Кн. писц. II – Псков и его пригороды: [Дела разрядного приказа, относящиеся к городу Пскову]. Кн. II // Сб. Моск. Архива Мин-ва юстиции. Т. 6. М., 1914.

Кн. Поганкина – Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина / Списал с подлинника К.Г. Евлентьев: Особое приложение к «Археологической записке о роде Поганкиных». Псков, 1870. 51 с. 1644–1678 гг.

Лет. I – Псковская первая летопись // Псковские летописи / Изд. А. Насонов. Вып. I. М.; Л., 1941.

Лет. II – Псковская вторая летопись // Псковские летописи / Изд. А. Насонов. Вып. II. М., 1955.

Лет. III – Псковская третья летопись // Псковские летописи / Изд. А. Насонов. Вып. II. М., 1955. Стр. – Строевский список.

Надп. гробн. Доманта – Надпись на гробнице князя Доманта // История княжества псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. III. Киев, 1831.

Отвод. Мирож. м. – Список с отводной игумену Спасо-Мирожского монастыря Афанасию с братиею на землю // ТПАО. 1910–1911 гг. Вып. VII. Псков, 1911. С. 72–76. 1644 г., сп. 1662 г.

Рассказ Дорофея – Рассказ (видение) псковского пушечного кузнеца Дорофея // Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952. С. 112–113. Сп. XVI в.

Литература

1. Ларин Б.А. Филологическое наследие. СПб.: СПбГУ, 2003.
2. Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель / Редактор-составитель Н.В. Большакова; составители: Л.Б. Воробьева, З.В. Митченко. Псков: ЛОГОС Плюс, 2013. 328 с.
3. Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2010. С. 203–214.

УДК 811.161.1

Д.А. Романов
(Тула, Россия, kafrus@rambler.ru)

Исследовательские принципы «Псковского областного словаря» и практика современной диалектной лексикографии (на материале «Словаря тульских говоров»)

В статье рассматривается практическая эволюция принципов диалектной лексикографии, принятых в «Псковском областном словаре». Предметом анализа становятся следующие принципы ПОС: принцип широкого отбора лексического материала, принцип дифференцированной подачи вариантов, принцип смысловой (а не формально-структурной) подачи омонимов, принцип разнообразия помет эмоциональной экспрессии, классификация специальной терминологии промыслов и ремесел, принцип указания на системные отношения лексических единиц, принцип соотношения истории и современного состояния говора.

Ключевые слова: лексика, семантика, топоним, фразеологизм, вариант, омонимы, этимология, лексикографические пометы.

D.A. Romanov

Research Principles of the “Pskov Regional Dictionary” and Practice of Modern Dialect Lexicography (Based on the “Dictionary of Tula Dialects”)

The article deals with the evolutionary principles of dialect lexicography adopted in the “Pskov Regional Dictionary”. The following PRD principles become the subject of analysis: the principle of a wide selection of lexical material, the principle of differentiated presentation of

variants, the principle of semantic (but not formal-structural) presentation of homonyms, the principle of diversity of the emotional expression label, the classification of special lexis denoting crafts terminology, the principle of indicating systemic relations of lexical units, the principle of correlation between historical development and the current state of dialect.

Key words: vocabulary, semantics, toponym, phraseological unit, variant, homonyms, etymology, lexicographical labels.

Системно выстроенные и глубоко продуманные подходы к составлению «Псковского областного словаря с историческими данными» (далее – ПОС), разработанные под руководством Б.А. Ларина, пятидесятилетняя практика его издания, проходящая при неослабевающем внимании лингвистов-диалектологов всей страны, дают возможность проанализировать влияние исследовательских принципов ПОС на диалектную лексикографию нашей страны. В данной статье мы обратим внимание на то, как опыт ПОС учитывается в работе над словарем тульских говоров (далее – СТГ). Выделим основные принципы лексикографической практики ПОС, которые в неизменном или трансформированном виде перешли в СТГ.

1. Принцип широкого отбора лексического материала. Как известно, ПОС – словарь полного типа с обширной источниковой базой. В него входят данные ежегодных диалектологических экспедиций, извлечения из памятников письменности, из опубликованных материалов по псковскому наречию. Кроме того, ПОС изначально предполагал привлечение топонимического, антропонимического, специального (профессионально-ремесленного) лексического фонда, имеющего отношение к Псковской земле. Исторический материал извлекался из письменных памятников древнепсковской и старопсковской эпох. Эти памятники относились к разным жанрам: торговой, юридической, политической документации, местной литературе (в том числе духовного содержания), летописям и т.д.

В современных условиях этот принцип наводит на идеи привлечения еще более обширных письменных источников – этнографической, художественной, промысловой (ремесленной)

литературы о крае и его жителях. Причем эти пласты текстовой информации могут относиться к разным временным срезам. Например, для тульских говоров это этнографические записки А.Т. Болотова и В.А. Лёвшина XVIII в., произведения Г.И. и Н.В. Успенских XIX в., книги о белевском кружеве и филимоновской игрушке, написанные в XX в. потомственными ремесленниками на основе семейных трудовых традиций и личного опыта. Так принцип привлечения широкого материала (не только собранного в экспедициях, но и выбранного из текстов; не только современного, наблюдаемого, но и исторически существовавшего, а ныне исчезнувшего), провозглашенный создателями ПОС, развивается и обогащается в настоящее время.

Вот несколько статей СТГ, источником которых стал неэкспедиционный материал:

БЕ'ЛЕСТЬ -*и, ж.* Рыба Cuprinus alburnus семейства карповых; уклейка, обыкновенная уклейка. *Белесть ловится в Оке-реке, но здесь икры не мечет и очень редко попадается в рыбачьи сети. Рыба, впрочем, вкусная.* (Лёвшин).

КУБА'РЬ -*я, м*. Плетеная из проволоки верша для ловли птиц или рыбы. Богор. *Лозниковые прутья служат к плетению коробков и лукошец в домашнем употреблении, а также к деланию рыболовных вершей и кубарей.* (Лёвшин).

ШЛЮ'ПИК -*а, м.* 1. Накатанное, растрескавшееся пасхальное яйцо. 2. Крупный старый гриб. Щёк. *Грибов набрали целую корзинку, даже Лили нашла березовый гриб. Прежде бывало так, что мисс Гуль найдет и покажет ей; но теперь она сама нашла большой березовый шлюпик, и был общий восторженный крик: “Лили нашла шлюпик!”* (Толстой, Анна Каренина). 3. Перен. (Метаф.) Ирон. Пожилой человек, старик. Щёк. *Ты вот смотришь на этих старичков, – сказал он [князь], указывая на сгорбленного члена с отвислою губой, который, чуть передвигая ноги в мягких сапогах, прошел им навстречу, – и думаешь, что они так родились шлюпиками. – Как шлюпиками? – Ты вот и не знаешь этого названия... Знаешь яйца катают, так когда много катают, то сделается шлюпик. Так и наш брат: ездишь, ездишь в клуб и сделаешься шлюпиком. Да, вот*

ты смеешься, а наш брат уже смотрит, когда сам в шлюпики попадет. (Толстой, Анна Каренина).

РУНДУ'К -*а, м.* <…> 2. Небольшое помещение без окон при доме или при хозяйственных постройках для хранения продуктов; чулан. Щёк. *Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господские вещи, и Дрон, по желанию княжны Марьи выпущенный из рундука, куда его заперли, стоя на дворе, распоряжался мужиками.* (Толстой, Война и мир).

И'НДО, *част.* Даже. *Веришь ли, индо слеза меня самого прошибла, как стали ее из-за печки-то вытаскивать…* (Г.И. Успенский, Из деревенского дневника).

ЗАСИ'ДКИ *–ø, мн.* Домашние вечерние работы, обычно семейные. Кир. *Уборочная заканчивалась, собирались соседи, родня на засидки: кто вяжет, кто шьёт*. (п. Красный Яр, Кир.). *…С осени до весны – молотьба цепами заскирдованного хлеба, так как молотилок в то время еще не было, а вечером «засидки» с пряденьем, вязаньем, шитьем «до вторых петухов».* (Троицкий).

Отдельно следует сказать о фольклорном материале. Записи XIX и XX вв. содержат интересные данные образного использования лексики, переносных значений слов и т.п. Вот несколько тульских примеров:

ГАДЮ'ЧИНКА -*и, ж.* Фольк. Гадюка; змея. *На долинушке былинушка, под былинкой гадючинка.* (Новикова).

ВОСПРА'ШИВАТЬ, *несов., перех.* Фольк. Спрашивать, обращаться с вопросом. Бел. *За воротами сидели горемычные – не решались ни о чем его вспрашивать.* (Быличка). (д. Дулово, Бел.).

РО'СЫНЬКА -*и, ж.* Фольк. Ласк. Роса. Богор. *Пала росынька на поля. // Спит-поспит молодой казак. // А судьбинушка не смыкает глаз // Ткёт-поткёт полотно узорча'тое.* (с. Иевлево, Богор.).

Нередко фольклорные примеры дают выразительную иллюстрацию к широко распространенным в говоре словам:

БЫ'ЛЬЕ (БЫЛЬЁ) -*я, ср.* Растительность, зелень; трава, стебли травы. *Вот и полем ехать князю, полем – да все былья.* (Киреевский).

ЕНДО́ВКА -*и, ж.* Уменьш. Чаша, посуда округлой формы с носиком. *Не чарочки по столикам гремят, // Не ендовки походя говорят…*(Киреевский).

Профессиональная терминология также «с возможной полнотой включается в словник ПОС» (ПОС 1: 6). Для тульских говоров это особенно важно, поскольку, помимо ремесленной лексики, в говоры, окружающие центр территории, активно входит настоящая промышленная терминология – терминология оружейного производства. Разумеется, ремесленная лексика близка производственно-промышленной, но последняя имеет специфику: она территориально не вариативна, теснее переплетена с городским просторечием и вместе с ним активно внедряется в говоры. Такой лексики становится меньше с удалением от Тулы. Интересным феноменом является образное и эмоциональное переосмысление промышленной терминологии в живой речи (диалектной и просторечной), что также может быть отражено в областном словаре. Например:

КРАНЦЕВА́ТЬ, *несов., перех.* Промысл. 1. Чистить стволы железными щетками или крупным наждаком, наводя так называемую «ржавую», травленую воронь. Тула, Лен., Алекс. *Кранцевать стволы ружейные.* (Даль). *Наждаком кранцованный прибор.* (Щеглова). 2. Перен. (Метаф.). *Ругать, бранить. // Придирчиво, назидательно поучать, воспитывать.* Лен., Ясн., Щёк. *Уж отец меня кранцевал-кранцевал, а я все равно его не послушалася.* (д. Беловы Дворы, Щёк.).

КРИ́ЦА -*ы, ж.* Промысл. 1. Осевшее на дно горна неочищенное от шлаков железо. Тула, Лен., Алекс. *В сырой крице много бывает непотребного соку и скверен.* (Щеглова). 2. Перен. (Метаф.). Что-либо отяжелевшее, осевшее. Лен., Щёк. *(О тесте). Сесть крицей.* (д. Варваровка, Лен.).

КАЗЮ́К^2 -*а, м.* 1. Рабочий Тульского оружейного завода. 2. Житель города Тулы. Лен., Щёк., Вен., Ясн. *Его родители – потомственные казюки, в заводе всю жизнь работали.* (д. Глухие Поляны, Лен.). Ср. **КО́БЕЛ**.

КО́БЕЛ (КОБЁЛ) -*а, м.* 1. Врытый в землю низкий столб, о который оббивают коноплю, лен, чтобы очистить их от земли, пыли и т.д. Дуб. *Побей о кобел.* (д. Селино, Дуб.). 2. Перен.

(Метаф.). Бестолковый, глупый человек. Дуб. *Кобел коблом – не вразумишь.* (д. Селино, Дуб.). 3. Пренебр. Название жителей окрестных Туле деревень в противоположность тулякам. Лен., Щёк., Ясн. *Коблы с казюками всегда не ладили, вечно дрались.* (д. Глухие Поляны, Лен.). Ср. **КАЗЮ′К**^{2}.

Микротопонимы, по замыслу авторов, в ПОС входят как заголовочные элементы (кроме прозрачных названий, образованных от личных христианских имен). Б.А. Ларин утверждал, что подход А.А. Шахматова, большая часть курса исторической диалектологии которого посвящена анализу топонимии Восточной Европы, необходимо использовать и в настоящее время (Ларин 1960: 14). В СТГ микротопонимы используются в иллюстративной части, т.к. в большинстве случаев они омонимичны апеллятивам и семантически производны от последних. Однако эти апеллятивы могут уже не функционировать в живом говоре, о чем в свое время писала А.И. Лебедева: «…В местных названиях на долгое время сохраняются слова, которые уже вышли из употребления в живых говорах, а иногда и не зафиксированы в памятниках письменности» (Лебедева 1960: 163). И следовательно, такой топоним становится единственной иллюстрацией корневой семантики в данном говоре. Вот примеры из тульского материала:

БАРА′К -*а, м.* Овраг, балка. Бел. Топоним *Бараки* (луг). (Барбашов).

БУД -*а, м.* Отвесный берег в приустьевых участках рек. Бел. Топоним *Буд* (участок течения реки Шлеины от деревни Перово до устья).

ГРЫНЬ -*я, м.* Холм, бугор. Бел. Топоним *Грынь Собачья* (правобережная часть деревни Животово). (Барбашов).

В СТГ в большом количестве присутствуют гидронимы, отражающие диалектные корни:

БО′РЗИНКА -*и, ж.* Быстрина в реке, участок стремительного течения. Бел. Гидроним *Борзинка* (река, правый приток реки Средняя Вырка).

БРЫЧ -*а, м.* Уступ на дне реки, небольшой порог. Бел. Топоним *Брыч* (урочище, часть течения ручья Лощенки вместе с поймой). (Барбашов).

Фразеологический материал в ПОС фиксируется, как и в толковых словарях русского литературного языка, в полном объеме. ПОС имеет особые графические обозначения для 1) собственно фразеологизмов, 2) так называемых «метафорических речений» и 3) устойчивых сочетаний с традиционным значением слов-компонентов. Особенно показательно и ценно внимание к устойчивым сочетаниям, где компоненты выступают в обычных значениях. В СТГ их принято называть «составными наименованиями». Подобных сочетаний достаточно много, и они являются важной частью языковой картины говора. Например, в тульских говорах отмечены следующие составные наименования:

ВЫСОЦКОЕ ЯБЛОКО. Крупный сорт яблок. Назван по селу Высоцкое близ Тулы. (Фасмер).

ЗЕМЛЯНОЙ СВЕРЧОК. Насекомое Gryllotalpidae семейства медведок; вредитель сельскохозяйственных растений. *Медведка, или земляной сверчок, в некоторых местах в огородах размножается до того, что производит крайний вред огородным растениям.* (Лёвшин).

МАТЕРИНСКАЯ ТРАВА. Трава Oríganum L. семейства яснотковых; душица. Бел. *Материнской травы завари, может, и поможет.* (г. Белёв, Бел.).

НАРЯЖАТЬ УГОЛ. Обряд. Часть свадебного обряда, в ходе которого родственники невесты приходят в дом жениха украшать комнату, вешать занавески, иконы. Богор. *После выкупа крёстная невесты наряжает угол в доме жениха, а ей другие подсобляют.* (с. Иевлево, Богор.).

ПОС приводит фразеологические единицы в словарных статьях на все слова (кроме служебных), которые входят в состав этого оборота. СТГ отходит от этого принципа и выделяет все устойчивые единицы в отдельную зону. Причем применительно к фразеологизмам оформляется статья, идентичная словарной (с указанием семантики,

территориального распространения и речевой иллюстрации). Например:

В ОДИН МИНТ. Очень быстро, в одно мгновение. Лен. *Сейчас яичницу сделаю: в один минт поспеет.* (д. Глухие Поляны, Лен.).

С СЕРЕДЫ НА ПЯТНИЦУ <ПРЫГАТЬ, СКАКАТЬ>. Делать что-либо непоследовательно, бестолково, хаотично. Новом. *Что скачешь с середы на пятницу? Говори толком!* (п. Клин, Новом.).

СДЕЛАЛ – ДА И К СТО′РОНЕ! Не надо затягивать исполнение дел, решение проблем, претворение в жизнь замыслов. Лен. *Пришел из школы, поел – учи уроки сразу. Сделал – ди и к стороне! Можешь идти гулять.* (д. Варваровка, Лен.).

ЛАДИТЬ ГОРБАТОГО <К СТЕНКЕ>. Энергично и упорно добиваться чего-то неосуществимого; упрямо стремиться к невозможному. Лен. *Денег на дом у тебя все равно не хватит, пусть будет как есть. Чего ладить горбатого к стенке?* (д. Глухие Поляны, Лен.).

МИ′ТЬКА ПРЯЛ. Об исчезнувшей, пропавшей, украденной вещи. // Об исчезнувшем человеке. Лен. *Кошелек на лавку положила, только отвернулась – Митька прял. Где теперь этих ремонтников найдешь, их уж два дня Митька прял, а я отдувайся.* (д. Варваровка, Лен.).

СТОЛ НА БЛЮ′ДЕ. Обильное, сытное угощение; богатый стол. // Праздник с хорошим застольем. Лен., Щёк. *Мы по-простому, скромно жили, питались просто, а у этих всегда стол на блюде: угостить умели и любили.* (д. Беловы дворы, Щёк.).

Составные наименования могут даваться без иллюстраций. В эту зону СТГ входят также паремии и присловия (прибаутки) вместе с опорной лексемой. Последние в тульских говорах составляют весьма значительную группу. Например:

«ЖАРКО!» – ПРИЕДЕТ МАКАРКА НА НОВОЙ ТЕЛЕЖКЕ, НА НОВОЙ КОБЫЛКЕ. Лен.; **«КРАСИВАЯ!» – КАК КОБЫЛА СИВАЯ.** Т-Огар., Лен.; **«МОЛОДЕЦ!» – ПРОТИВ ЯГНЯТ ДА ОВЕЦ, А ПРОТИВ МОЛОДЦА ТЫ И**

САМ ОВЦА. Лен.; **«БЫВАЕТ!» – И У ДЕВИЦЫ МУЖ УМИРАЕТ, А У ВДОВИЦЫ – ЖИВЕТ.** Щёк.; **«КАКАЯ?» – БОЛЬШАЯ И БЕЗГЛАЗАЯ.** Т-Огар., Лен.; **«МАТЬ» – ТРИ ДЕ′НЬГИ ДАТЬ.** Кир.

2. Принцип дифференцированной подачи вариантов. В ПОС различаются фонетические и деривационные варианты слов. Фонетические варианты слова (корня) приводятся под соответствующей пометой и выносятся в заголовок словарной статьи лишь в том случае, если в составе производного слова такой корень встречается лишь в форме фонетического варианта. Деривационные варианты всегда даются как заголовочные слова с отсылочным толкованием. В СТГ, в принципе, заимствуется тот же логичный подход к фиксации вариантов. Словообразовательные варианты подаются абсолютно так же, с таким же отсылочным толкованием. Например:

ДЕРЖА′ЛЕН -*а, м.* Рукоять цепа. Дуб. *К держальню привязывается цепинка, которою ударяют по снопам при молотьбе.* (д. Селино, Дуб.).

ДЕРЖА′ЛКА -*и, ж*. То же, что *держален*. // Рукоять вообще. Щёк. *Брались все эти инструменты за держалку, ее делали из хорошего дерева, чтобы не было сучков и трещин.* (с. Селиваново, Щёк.).

ДЕРЖА′ЛЬНИК -*а, м*. То же, что *держален* и *держалка*. Кур. *Держальник у цепа был крепкий.* (с. Монастырщина, Кур.).

Фонетические варианты в СТГ делятся на варианты с начальным и неначальным варьированием. К начальному варьированию относятся фонетические разновидности корня с меной в абсолютном начале и первом слоге, т.е. те, которые затрудняют поиск корня в словнике, если вариант отличен от форм литературного языка. Такое варьирование подается в разных словарных статьях с отсылочным толкованием к одному из них, как правило, совпадающему с литературной формой. Например:

ГАМАЮ′Н (ГОМАЮ′Н, ГОМОЮ′Н) -*а, м.* 1. Крикун, говорун; бойкий, громкий человек. // Скандалист, буян. Богор. *Помолчи ты, гамаюн такой!* (с. Иевлево, Богор.). 2. Суетливый,

непоседливый человек; хлопотун. Узл., Новом. *Дед, бывалча, мы приедем – хлопочет, курицу зарежет, стол соберет: гамаюн был.* (д. Бруснянка, Узл.).

ГАМАЮ′НИТЬ (ГОМАЮ′НИТЬ, ГОМОЮ′НИТЬ), *несов., неперех.* 1. Громко говорить, кричать. // Браниться, шуметь. Богор. *Нет спокою: гамаюнят под окном весь день – девки и ребята, как языки не поотвалятся?* (с. Иевлево, Богор.). 2. Хохотать. Богор. *Гамаюнят во все зубы, – молодые, весёлые.* (с. Степановка, Богор.). 3. Суетиться, беспокоиться. Узл., Новом. *Плоха я стала, старею, а раньше всё гамаюнила: и дома, и в огороде, и другим помогала.* (д. Задонье, Новом.).

ГОМАЮ′Н (ГОМОЮ′Н) -*а, м.* См. **ГАМАЮ′Н.**

ГОМАЮ′НИТЬ (ГОМОЮ′НИТЬ), *несов., неперех.* См. **ГАМАЮ′НИТЬ.**

При этом все варианты приводятся в круглых скобках при каждом заголовочном слове, даже если толкование отсылочное. Специальной пометы для вариантов СТГ не вводит.

Если фонетическое варьирование относится не к первому слогу, то оно считается неначальным и подается в скобках при основном варианте (в заголовке словарной статьи). Лексемы с неначальным фонетическим варьированием в самостоятельные статьи не отделяется. Например:

ГУТО′РИТЬСЯ (ГУТА′РИТЪСЯ), *несов., неперех.* Беседовать, разговаривать с кем-либо. Одоев. *Матрёш! что же ты с нами не гутарилась?* (п. Одоев, Одоев.).

НАЗА′ВТРИ (НАЗА′ВТРЯ), *нареч.* На следующий день, завтра. Повсеместно. *И вот назавтря пошли они в эту пещеру*... (Сказка). (с. Кузовка, Богор.).

Таким же образом СТГ фиксирует акцентологические варианты:

МЯ′КУШКА (МЯКУ′ШКА) -*и, ж.* Мягкая часть печеного хлеба, мякиш. Лен. *Выкроши себе мякушку и жуй, раз корку не хочешь.* (д. Обидимо, Лен.).

НА′БОЛЬШИЙ (НАБО′ЛЬШИЙ, НАБОЛЬШО′Й) -*ого.* Чрезмерно большой; значительный по размеру или количеству. Дуб., Лен., Щёк., Черн., Сувор., Одоев., Ким. *Васька ейный уж*

набольший, а в школу не отдают: боятся, что учиться не сможет. (п. Новая Черепеть, Сувор.).

3. Принцип смысловой, а не формально-структурной подачи омонимов. Авторы ПОС заимствуют этот принцип из семасиологии и опираются не на этнографический или лингвокультурологический подход, а исключительно на семантику. Даже если какой-то предмет или явление самоценны для этнографии, культурных, религиозных и проч. сторон жизни, но при этом его лексическое обозначение отчетливо семантически производно, то такое слово омонимом не считается и вводится в структуру полисемии. Это относится и к профессиональным (промысловым) лексемам, и к терминам. В СТГ принят такой же подход. Например:

ПРОСИБО'РИТЬ, *сов., перех.* 1. Исхлестать, отстегать кого-либо. Дуб., Лен. *Мать тебя просиборит, – только домой явись.* (с. Рождествено, Дуб.). 2. Пробрать, продуть (о морозе, ветре). *Оденься потеплее, на верху-то может и просиборить.* (Родина). 3. Перен. Метаф. Отругать, раскритиковать. *Председателя нашего на собрании так просиборили – он весь красный был.* (д. Варваровка, Лен.).

ЛИ'ЧИТЬ (ЛИЧИ'ТЬ), *несов, перех.* 1. Считать, пересчитывать кого- или что-либо. Вен., Новом., Узл. *Цыпок личь лучше, чтоб не пропали!* (п. Мордвес, Вен.). 2. Промысл. Шлифовать, полировать изделия. Лен., Щёк. *Гармонные планки личить надо.* (д. Варваровка, Лен.).

Омонимами в СТГ, вслед за ПОС, считаются лексемы 1) имеющие этимологические указания на их разное происхождение и совпавшие в одной звуковой форме, 2) «при отсутствии преемственности и взаимной обусловленности отдельных значений» (ПОС 1: 11). Например:

РАЗВА'ЛИВАТЬ ^{1}, *несов., перех.* Тушить пожар. Богор. *Приехали пожарные и начали разваливать.* (с. Папоротка, Богор.).

РАЗВА'ЛИВАТЬ ^{2}, *несов., перех.* Раскатывать (о тесте). Одоев. *Разваливают тесто; разволют и режут, намного вкуснее, чтобы тесто была твёрдая, так укуснее.* (с. Стояново, Одоев.).

КОЗЁЛ ^{1} *-а, м.* 1. Ряд растений Scorzonera семейства

сложноцветных; скорцонера. Листья имеют горьковатый вкус, в неочищенном виде могут привести к ожогу полости рта. Лен. *Пацанами козёл ели, его очищать надо обязательно, а мы и так ели*. (д. Ливенское, Лен.). 2. Дикие груши и яблоки, имеющие кисловатый вкус. Лен. *В лесу росли дикие горькие груши, козёл называли*. (д. Зайцево, Лен.).

КОЗЁЛ^{2} *-а, м*. Навес для зерна. Дуб. *Сначала ссыпали зерно под козел, потом закладывали в амбар.* (с. Воскресенское, Дуб.).

4. ПОС характерен **принцип разнообразия помет эмоциональной экспрессии**. В различных случаях используются пометы: *бран., неодобр., груб., уничиж., фам., ирон., ласк., эвфем., дет., экспр.* Последняя из названных помет используются в том случае, когда «эмоциональная окраска настолько неопределенна, чтобы можно было воспользоваться одной из приведенных выше помет, но повышенная интонация явно свидетельствует об эмоциональности» (ПОС 1: 14). В СТГ тоже принята достаточно разнообразная система помет эмоциональной экспрессии: *ирон., ласк., негат., неодобр., одобр., оскорб., пренебр.* Каждая из приведенных помет, так же как и в ПОС, направленно характеризует ситуативную экспрессивность, присущую семантике отдельной лексемы и, несмотря на частичное пересечение, во всех отдельных случаях призвана давать максимально точную характеристику по этому, весьма изменчивому и трудно определяемому в деталях признаку. Приведем несколько характерных примеров:

ГА′ЛМАН (ГАЛМА′Н) *-а, м.* Оскорб. 1. Невоспитанный, невежественный человек. // Грубиян, скандалист. Богор. *Дерзкий сын у ней и галман, да со мной – не с матерью: я его враз успокою* (с. Иевлево, Богор.). 2. Глупый человек, дурак. Ким. *Стоит галман галманом и лупит глазами.* (п. Епифань, Ким.). 3. Крикливый, шумливый, болтливый человек. *Наскочили как галманы.* (Родина).

МЯ′СУШКО *-а, ср.* Ласк. Фольк. Мясо. Ясн. *Ешь мясушко да нахваливай, живи с жёнушкой да помалкивай.* (Пословица). (д. Федяшево, Ясн.).

НАГРАБА′СТАТЬСЯ, *сов., перех.* Неодобр. Присвоить или получить что-либо в большом количестве. Лен., Дуб., Щёк.,

Арсен., Кир., Ефрем., Кам. *Эти-то, богатеи новые, все никак не награбастаются.* (д. Гамово, Кир.).

ОБУЗИ'ТЬ, *сов., перех.* Негат. Сделать что-либо чрезмерно коротким; укоротить, обрезать более, чем надо, положено, допустимо и т. д. Лен. *Зачем вы так кусты обузи'ли: теперь вся пыль во двор летит? Ай нельзя было подлиньше оставить?* (д. Глухие Поляны, Лен.).

5. ПОС последовательно и разносторонне **классифицирует специальную терминологию промыслов и ремесел**. В частности, он имеет пометы: рыб, гонч., охот., кузн., *лес., мельн., ткач., плот., шерст., пасеч., жив.* Это обусловлено разнообразием промыслов, представленных на территории псковского говора – это во-первых. Во-вторых, – тем, что деловые документы древнепсковской и старопсковской письменности, составляющие историческую часть ПОС имеют конкретную ремесленную характеристику. Тульским говорам такое разнообразие не характерно, поэтому все слова, относящиеся к сфере промыслов и ремесла, маркируются пометой *промысл.* Например:

МОЛОЧЕ'НИЕ *-я, ср.* Промысл. Один из этапов в процессе изготовления глиняных изделий, в ходе которого их опускают в молоко перед обжигом. Одоев. *После молочения забиваются все поры, ничего потом не проливется.* (п. Одоев, Одоев.).

ПЕРЕВО'ДИНА *-ы, ж.* Промысл. В столярном деле бревно, которое является опорными при строительстве стен дома, укладывается на фундамент. Сувор. *Переводины – это брёвна, которые по уровню уклыдывали на фундамент, а были дома «на стульях».* (п. Новая Черемпеть, Сувор.).

НАВИВА'ТЬ, *несов., перех.* Промысл. Натягивать ряд нитей на основу для подготовки ткацкого стана к работе. Одоев. *Ткать-то я могла, а навивать нет, натягивать основу.* (с. Стояново, Одоев.).

Эта же помета используется для маркировки тульского городского просторечия (терминов или переосмысленных терминов оружейного производства), распространенных в населенных пунктах вокруг областного центра или

встречающихся редкими вкраплениями в отдаленных от центра населенных пунктах.

6. Принцип указания на системные отношения лексических единиц. В ПОС приняты отсылочные указания на синонимические связи лексем: «группа слов, обозначающих одно и то же или близкие понятия, приводится или под наиболее употребительным в псковских говорах членом ряда или под общерусским словом. Остальные члены синонимической серии связываются с этим словом или пометой *ср.* (слово) или формулой *То же, что…* в определении» (ПОС 1: 12). Словарь, конечно, должен учитывать системные связи лексем, однако последовательно и применительно ко всем словам сделать это едва ли возможно. В СТГ решено отказаться от синонимических отсылок. Но имеющаяся лексикографическая практика показывает необходимость маркирования слов, которые в употреблении семантически предполагают наличие друг друга, т.е. находятся в комплементарных, дополняющих (восполняющих) отношениях: вместе составляют некое целое, которое становится очевидным при взаимном указании толкований слов. Например:

ПОЛЫ'Н -*а, м.* Растение Artemisia absinthium L. семейства сложноцветных с листьями и стеблем серебристо-серого цвета; полынь горькая. Лен., Одоев., Вен. *У погряб бывало от мышей полыну…*(Родина). *Веник из полыну нарежу, бывало, и мету – от блох и других насекомых.* (д. Глухие Поляны, Лен.). Ср. **ЧЕРНОБЫ'ЛЬНИК**.

ЧЕРНОБЫ'ЛЬНИК -*а, м.* Растение Artemisia vulgaris L. семейства сложноцветных с темным стеблем и зелеными листьями; полынь обыкновенная. Одоев., Лен., Вен. *Я усягда огурцы штоб хрустели, туда чернобыльнику кладу.* (Родина). *Бросил в чернобыльник, да и забыл.* (д. Варваровка, Лен.). Ср. **ПОЛЫ'Н**.

ЕДА'ЛЬНЫЙ -*ого.* (О сельскохозяйственных культурах). Используемый в пищу (не для посадки). Плав., Лен. *У нас и едальная картошка в этом году чуть не с орех – когда ей рость-то было?* (д. Варваровка, Лен.). Ср. **САДКО'ВЫЙ**.

САДКО'ВЫЙ -*ого.* (О сельскохозяйственных культурах). Предназначенный для посадки, а не для употребления в пищу. Плав., Лен. *Это я садковую картошку вынесла – пусть чуток прорастет.* (с. Бабурино, Плав.). Ср. **ЕДА'ЛЬНЫЙ**.

7. Принцип соотношения истории и современного состояния говора. Б.А. Ларин ставил «в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражениями живой народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи» (Ларин 1967: 3). С другой стороны, он отмечал, что «со времени работ А.А. Шахматова по истории русского языка данные живой народной речи стали выдвигаться как равноправный, а по временам и решающий источник для историко-лингвистических реконструкций» (Ларин 1960: 5). Вместе с тем нужно хорошо понимать, что сближение современного диалектного материала с историческими фактами необходимо осуществлять осторожно и осмотрительно: «состав диалектов современного языка (русского или какого угодно другого), более или менее известного нам на протяжении нескольких столетий, нельзя переносить (вопреки противоречащим этому фактам) в доисторическое (или предысторическое) прошлое» (Ларин 1960: 12).

Ниже даны примеры статей СТГ, в которых соединяются диалектологические, этимологические и исторические данные:

БЕКЕ'ТКА -*и, ж.* Населенный пункт (на возвышении), где был расположен постоянный казачий сторожевой пост. Слово восходит к лексеме *бекет*, которая пришла в средние века, вероятно, из немецкого *Picket* – 'пикет, сторожевой пост'. (Фасмер). Бел. Топоним *Бекетка*.

ГА'ЛИЧ -*а, по форме – притяж. прилаг.* Галочий, населенный галками. Прилагательное от *галица* 'галка' (Фасмер). Бел. Топонимы *Галич луг, Галичи* (урочище, пойма реки Сетухи).

ЖУПА'НЬ -*и, ж.* 1. Округ, волость, владение. Одоев., Сувор. Топоним *Николо-Жупань* (село). (Одоев.). 2. Яма, углубление. // Озеро, пруд. Бел. Гидроним *Жупань* (озеро). Является производным от древнерусского слова *жупа*, исторически имевшего два значения: 'округ' и 'яма, копь' (Фасмер).

В связи с названной линией корректного сближения истории языка и диалектных данных Б.А. Ларин (вслед за А.А. Шахматовым) советовал привлекать к лингвистическим исследованиям данные других социальных наук: истории, этнографии, культурологии, фольклористики и т.д. По его мнению, данные «исследования судеб русского народа» способны прояснить материал, «извлеченный из его диалектов» (Ларин 1960: 15).

Сокращения

СТГ – Романов Д.А., Красовская Н.А. Словарь тульских говоров. Выпуск 1. Тула: ТГПУ, 2015.

Литература и источники

1. Ларин Б.А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Очерки истории языка. Л.: ЛГУ, 1960. С. 3–16.
2. Ларин Б.А. [Предисловие] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. С. 3.
3. Лебедева А.И. Значение топонимики для исторической диалектологии // Очерки истории языка. Л.: ЛГУ, 1960. С. 163 – 184.
4. Романов Д.А., Красовская Н.А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 1–7. Тула: ТГПУ, 2007–2017.

УДК 811.161.1

М.А.Тарасова
(Санкт-Петербург, Россия, mtarasova9@gmail.com)

Картотека синонимов псковских говоров

Предлагаемая статья – попытка дать представление о картотеке синонимов в псковских говорах, которая ведется в МСК с 1967 г. и к настоящему времени насчитывает более 50000 карточек. Показано, какая лексика собирается, как оформляются карточки, как они систематизируются. По завершении этой работы картотека может стать базой для создания аспектных словарей псковских говоров – синонимического, семантического, идеографического.

Ключевые слова: доминанта, идеографический словарь, картотека, семантический словарь, синонимический ряд, синонимический словарь, синонимы.

M.A. Tarasova

The Filing System of the Pskov Dialect Synonyms

The article is an attempt to give an idea about the filing system of the Pskov dialect synonyms. The filing system has been compiled in the MSC since 1967 and now it has more than 50,000 cards. The article shows the process of vocabulary selection, the ways the cards are made and how they are systematized. When the work is completed, the filing system can become a basis for different types of Pskov dialect dictionaries (synonymic, semantic and ideographic).

Key words: card file, ideographic vocabulary, semantic dominant, semantic dictionary, synonymic rows, synonymic dictionary, synonyms.

В Псковском областном словаре (далее ПОС, Словарь) авторы стремятся отразить системные связи слов. Одним из ярких проявлений системности языка, в том числе разговорной речи и диалекта, являются синонимические связи слов. В ПОС за пометой *ср.* (сравни) в конце словарной статьи или при соответствующем значении приводятся синонимы и синонимические соответствия (ПОС 1: 10). Полнота этих синонимических рядов относительна, т.к. Словарь еще не закончен и никто из составителей не является носителем диалекта. Лексикографу приходится ориентироваться только на те данные, которые ему известны в момент составления очередной словарной статьи. Поэтому уже в период выхода в свет первых выпусков Словаря остро встал вопрос о накоплении в том или ином виде сведений о синонимических связях слов.

В это время я работала над диссертацией о диалектной синонимии на материале псковских говоров, и мне было поручено выверять синонимические ряды в каждом выпуске. Для этого необходимо было фиксировать уже отмеченные в ПОС синонимы и хранить их в упорядоченном виде. Так начала создаваться картотека. В процессе работы и состав ее, и вид карточек изменились. В данной статье я попытаюсь дать

представление о современном состоянии картотеки и о том, как она пополняется.

Карточка составляется на каждое значение, каждый оттенок значения (знак //), а иногда и на употребление слова (знак —), если это употребление связано не с грамматикой, а с каким-нибудь нюансом семантики. Например, у слова **Дрын** *‘кол, палка’* отмечено употребление — *О велосипеде*. Е́хала яна́ раз з база́ра на дры́ни. *Вл.* В таком случае заполняются две карточки, т.к. синонимы у каждого из этих слов будут разные. Так, у слова *велосипед* синонимами будут *дрын* и *ля́сик*.

В общем виде карточка выглядит следующим образом.

Договори́ться[1] б/син. Натолкова́ть 3 с кем Обмо́лвиться Д. в 22 вып. Переговори́ть 4 Д. в 25 вып. Переговори́ться Переве́даться // Д. в 25 вып.	Договори́ться о чем-н. путем переговоров

В правом верхнем углу пишется слово или словосочетание, обозначающее понятие, которое будет объединять синонимы, – **заголовок**. Удобней всего было бы, если заголовком служило одно слово, но это не всегда возможно, поэтому приходится изменять дефиницию (см. ниже). В левой части карточки фиксируются слова, выражающие это понятие в псковских говорах.

Слово выписывается на карточку независимо от того, есть ли уже при нем синонимы или нет, т.к. синоним может обнаружиться лишь в следующих выпусках. При этом слове приводятся следующие данные: указание на то, что это один из омонимов, номер значения, указание на оттенок или употребление, пометы, если они есть в Словаре. Если при этом слове есть синонимический ряд, то отмечается, что оно является доминантой ряда в данном выпуске.

Например, заголовок: **Договориться** о чем-н. путем переговоров. Слева в столбик пишутся синонимы: *договори́ться*[1] б/син. (без синонимов); *натолкова́ть* 3 перен. с кем. Д. (то есть доминанта) в 20 вып.; *обмо́лвиться* Д. в 22 вып.; *переговори́ть* 4 Д. в 25 вып.; *переве́даться*//; *переговори́ться*.

От слова-доминанты слева идут стрелки к тем словам, которые приведены при нем как синонимы в данном выпуске. Весь этот синонимический ряд объединен фигурной скобкой слева, а под ним проведена черта. Если в каком-нибудь следующем выпуске встретится новое слово с тем же значением, то уже оно становится доминантой ряда в этом выпуске, а за пометой *ср*. будет приведен не весь предыдущий синонимический ряд, а только его доминанта (о причине этого см. ниже) и новые слова, если они появятся. В данном примере новой доминантой стало слово *переговори́ть* 4, от него слева идут две стрелки: одна указывает на предыдущий ряд, другая – на синонимы, встретившиеся уже в 25 выпуске: *переве́даться* // и *переговори́ться*. Под этим пополнившимся новыми словами рядом подводится черта, свидетельствующая, что других синонимов в этом ряду (пока) нет. На первый взгляд, это кажется слишком сложным и даже лишним, но это не так. Дело в том, что многие синонимические ряды уже сейчас насчитывают более десяти и даже до пятидесяти членов, причем лексемы с этим значением встречаются почти в каждом очередном выпуске. Повторять каждый раз весь синонимический ряд невозможно по техническим причинам. Поэтому принято решение в таких случаях после пометы *ср*. приводить а) доминанты из предыдущих выпусков; б) те слова, которые по каким-нибудь причинам были пропущены; в) новые слова.

Слово, обозначающее понятие и стоящее в правом верхнем углу карточки, – **Договориться**… совпадает с первым синонимом: *договори́ться*[1]. Толкование этого синонима в Словаре выглядело по-другому: ‘*Прийти к соглашению, сговориться’* (ПОС 9:104). Так как картотека создается (пока) как вспомогательное средство, для того, чтобы составитель быстрее и вернее определил, были ли уже в Словаре

зафиксированы слова с тем же значением, которое он только что сформулировал для другого слова, заголовок карточки (= понятие) должен всплыть в его памяти как можно раньше, а карточка с этим заголовком найтись как можно быстрее. Если заголовок карточки будет просто повторять дефиницию и начинаться со слова «прийти», то в картотеке рядом окажется несколько карточек с этим же словом-заголовком: *Прийти* ‘идя, достичь какого-н. места‘, *Прийти на помощь*; *Прийти в ужас*. *Прийти в ярость*; *Прийти* (о письме) и т.д. Составитель вынужден будет терять время, перебирая все эти карточки. Поэтому рациональнее написать в заголовке слово **Договориться**… В самом низу карточки написано: см. также **Сговориться**. Это значит, что в картотеке есть еще одна карточка с этим же синонимическим рядом, но с другим заголовком, потому что слово *сговориться* есть в толковании одного из синонимов ряда, и не исключено, что именно такой заголовок будет искать в картотеке составитель.

Иногда дефиницию приходится преобразовывать более существенно. Чаще всего это бывает инверсия. Например, в Словаре толкование слова **КИСЛЯ́К** выглядит так: ‘*Напитавшийся влагой, раскисший гриб*’. В заголовок выносится слово **Гриб** и добавляется только слово *раскисший*, этого пока для поиска синонимов достаточно. Таким образом, дефиниция одновременно и упрощается.

Легче всего картографировать развернутые дефиниции, которые имеют в качестве уточняющего синонима литературное слово. Тогда это слово становится заголовком карточки. Например: **КАШЛЮ́К**, а, м. *Инфекционная детская болезнь с приступами судорожного кашля; коклюш*. Заголовком карточки будет хорошо всем известное слово **коклюш**, а все остальное определение опускается. Так же обстоит дело с толкованиями диалектных названий растений, животных, некоторых предметов быта, действий и т.д., потому что в конце каждого из этих толкований есть уточняющее литературное слово. Но даже если такого литературного слова нет в дефиниции, приходится выносить его в заголовок карточки, при этом полностью заменяя словарное толкование. Глагол **КЛЕПА́ТЬ** в 13 значении имеет

оттенок: «//*чем. Набивая, заполнять внутренность чего-н.*». Для заголовка карточки достаточно будет слова **Набивать**. Имя прилагательное **КЛЕПОНО́СЫЙ** значит: ‘*С длинным острым носом’*. Лунь, галава́ как у ко́шки, клепано́сый, как у челаве́ка нос‘. *Оп*.». Заголовком карточки можно сделать **Длинноносый** или **Остроносый.**

Довольно часты обратные ситуации, когда короткое, как правило, отсылочное толкование приходится раскрывать, делая его длиннее. Речь идет о толкованиях типа *Прил*. → слово, *Женск*. → слово, *Синг*. → слово, *Собир*.→ слово, *Ласк.* → слово и т.п. Примеры: **Ки́скин**, а, м. *Прил*. → **ки́ска 2** (то есть ‘Кошкин’); **КЛЕНИ́НА**, ы, ж. *Синг*. → **клён 1** (то есть Клён, одно дерево); **КИСУ́ШКА**, и, ж. *Ум*. → **ки́са¹ 1** (то есть Торбочка); **КО́ЗОНЬКА**, и, ж. *Ласк.* → **коза́ 1** (то есть Козочка. ласк.). Указанные в скобках слова становятся заголовками синонимических карточек.

Иногда решить, как «сочинить» простой заголовок, очень трудно. Например, в ПОС есть слово **КЕ́РЕНСКИЙ** как относительное прилагательное: *Вы, ето, никала́ефские, а мы ке́ринские*. Локн. Толкуется оно в Словаре следующим образом: «// *Бывший юным в период Временного правительства*». Заголовок карточки должен быть обозначен как прилагательное. Использовать для этого слово *бывший* нельзя (см. выше пример со словом *прийти*), но указать, что имеется в виду прошлый период, необходимо. Пришлось поступить так: **Юный** (был) в период Временного правительства.

Трудности вызывают толкования значений фразеологических единиц и толкования по формуле «*О том-то…».* Например, фразеологизм **За́ уши не отволо́чь** толкуется в ПОС следующим образом: ‘*О чем-н. очень вкусном’*. Иллюстрации: *Е́сли п но́вай квас, и за́ ушы тибя́ ни атвало́ч бы*. Порх. *Напякё пираго́ф с максо́м, с ри́сай, с я́йцам, за́ ушы ни атвалакёш*. Гд. Мне кажется, что толкование не совсем удачно. Оно предполагает, что речь идет о предмете (о чем.-н.), но смысл, содержание фразеологизма – характеристика этого предмета, для чего в языке существуют имена прилагательные. А сам фразеологизм – глагольный! В синонимической картотеке

он будет занесен на карточку с заголовком **Вкусный** очень, вместе с синонимами вку́сный, вку́сненький и другими, если они есть. Впрочем, и частеречный статус фразеологических единиц, и способы толкования их значений, как и формула «*О том-то»* требуют отдельного рассмотрения.

В рамках настоящей статьи скажу только, что, признавая правильность применения формулы «о том-то» при толковании переносных значений имен существительных в функции сказуемого, безличных глаголов и безлично-предикативных слов, а также глагольно-пропозициональных фразеологизмов без субъекта, я вынуждена отказываться от нее, составляя синонимическую карточку. Так, дефиниция переносного значения слова **змея́** ‘*О злом, коварном, хитром человеке*’ превратится в заголовок: **Человек** злой, коварный, хитрый. С недавнего времени я в таких случаях стала у выписанного на карточку слова с таким толкованием писать предлог *О* и от него вести пунктир к заголовочному слову, чтобы показать, что в Словаре другая формула толкования и что данное значение слова переносное.

Конечно, много таких случаев, когда значительно упростить и сократить словарную дефиницию не удается, и это одна из серьезных трудностей при картографировании. Тогда заголовок занимает половину карточки, а иногда и все ее пространство, а синонимы записываются на следующую карточку, и она скрепляется с заголовочной. Вот, например, толкование одного из значений слова **КИ́ЛКА* 2**: ‘*Конусообразный наконечник шеста, которым пугают рыбу, загоняя ее в сеть*’. Оставить в заголовке только слово *наконечник* или сочетание *наконечник шеста* нельзя, так как все остальное очень важно для определения этого понятия. Поэтому приходится ограничиться только инверсией, сохранив все толкование: ***Наконечник*** *шеста конусообразный*….

Если слово сопровождается в ПОС стилистическими, эмоциональными и другими пометами, надстрочными знаками, то они указываются и на карточке. Например: ***Женщина*** *несимпатичная*: *кля́ча* 3, неодобр. ; ***Женщина*** *неповоротливая ковылю́ха, экспр.;* ***Прелесть, красота*** чего-н.’: *краса́* 1 // *мн.*

флк.; ***Повозка**, богато украшенная для торжественных выездов*: колесни́ца 1, *устар.* и т.д.

К настоящему времени таким способом расписано 15 с половиной выпусков Словаря. Картотека насчитывает около 50000 карточек. Большую часть составляют имена существительные и глаголы.

Общая характеристика картотеки. Строго говоря, это не в буквальном смысле картотека синонимов, а, скорее, картотека понятий или семантическая картотека. Как видно на образце карточки, на ней не отмечаются семантические особенности того или иного слова и, что не менее важно для диалектной речи, – не указаны районы, где слово записано. Поэтому на основании данных на карточке невозможно понять, является ли какое-нибудь из выписанных слов синонимом слова-доминанты или синонимическим соответствием, как называл это Б.А.Ларин, или синонимической (лексической) параллелью по терминологии других авторов. Правда, все это будущий исследователь лексической синонимии в псковских говорах и любой из современных диалектологов может выяснить, обратившись сначала к соответствующему выпуску Словаря, а при необходимости и к многомиллионной его картотеке и даже к архивным материалам, которые хранятся в Словарном кабинете Санкт-Петербургского университета и в лаборатории Псковского университета.

Для картотеки выписываются слова, относящиеся к знаменательным частям речи, и картотека каждой части речи хранится отдельно. В картотеках глаголов, безлично-предикативных слов, наречий карточки расставлены просто в алфавитном порядке, без какой-либо рубрикации. Картотека имен прилагательных разделена на две части: прилагательные, характеризующие человека, и прилагательные, характеризующие «все остальное», не человека. Дальнейшей систематизации все эти картотеки не подвергались. Пока я в какой-то степени структурировала только картотеку имен существительных.

Выделено 34 крупных раздела, многие из них имеют подразделы и более частные группы. Назову лишь самые крупные.

1. Дом, двор, приусадебный участок. Общие названия жилых построек; части жилых построек; интерьер. Двор: Хозяйственные постройки, их части. Усадьба, все, что находится вне дома.
2. Наименования людей: По внешности. По характеру, поступкам. По национальности. По языку, речи. По взаимоотношениям. По семейному положению.
3. Человек: Анатомия (части тела, внутренние органы). Физиология. Болезни и их лечение. Жизнь/смерть.
4. Наименования животных: Домашние животные; Дикие животные.
5. Животное: Анатомия. Физиология. Болезни, их лечение. Жизнь/смерть.
6. Производство: Земледелие. Земля: участки; наделы; пашня; почвы; грунты; сады. Работы, действия (не глаголы). Посевы, посадки; Трава; сено; снопы; укладки; зерно. Орудия, машины, их устройства, их детали. Удобрения, химикаты. Болезни сельскохозяйственных культур. Периоды сельскохозработ. Сельскохозяйственные помещения. Мельница; жернова. Урожай. Хранение урожая; места хранения.
7. Рельеф: Болота, низменные болотистые места. Водоемы, их части; берега, прибрежная полоса. Суша: равнина; возвышенности; низины.
8. Торговля: Места торговли; торг; сделки; покупка; плата; выгода, обман; потери.
9. Транспорт: Автомашины, их части, детали; горючее, смазка; багаж, груз. Гужевой транспорт; упряжь. Железнодорожный транспорт. Городской транспорт.

И так далее. Некоторые подразделы настолько обширны (например, Ткачество, Рыболовство), что для хранения этой части картотеки приходится выделять отдельные коробки.

В заключение скажу, что картотека, когда она будет завершена, станет источником и базой для создания аспектных словарей псковских говоров – синонимического, семантического, идеографического. Конечно, сначала надо закончить сам Словарь. А чтобы создание картотеки не отставало от выхода очередного выпуска, чтобы работа шла быстрее и качественнее, необходима техника (компьютер), нужны новые, молодые квалифицированные лексикографы, у которых ведение картотеки было бы основной обязанностью.

УДК 811.161.1

О.И. Фонякова, В.В. Вересиянова
(Санкт-Петербург, Россия, gregorzabelskiy@yandex.ru)

Суффиксальные модели псковских зоонимов в морфонологическом аспекте

Памяти С.М. Глускиной и А.С. Герда

В данной статье рассматривается ономастический континуум зоонимов Псковской области. Анализируются частотность и системность материала по разным географическим районам и тематическим группам. Словообразовательные модели распределены по степени убывающей продуктивности.
Ключевые слова: зоонимия, морфонология, ономастика, продуктивность, словообразовательная модель, суффиксация, чередования.

O.I. Fonyakova, V.V. Veresiyanova

Suffix Models of Pskov Zoonyms in the Morphonological Aspect

The article considers the onomastic continuum of the Pskov zoonyms. The frequency and the systemic nature of the material are analysed according to different geographical regions and thematic groups. The word-formation models are distributed in accordance with the degree of diminishing productivity.

Key words: zoonymy, morphonology, onomastics, productivity, word-formation model, suffixation, alternations.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00213 «Псковский областной словарь с историческими данными».

«Псковский областной словарь с историческими данными» (далее – ПОС) является уникальным региональным словарем полного типа, в который наряду с именами нарицательными включены и имена собственные, в том числе зоонимы (клички животных).

Проф. Б.А. Ларин полагал, что, изучая лексику диалекта, мы должны фиксировать всю полноту словника и системные связи слов в диалектном лексиконе. Развернутую концепцию ПОС он излагал в своих докладах и в Инструкции для составителей словаря. Все его новаторские идеи получили отражение в предисловии к первому выпуску ПОС, который увидел свет в 1967 г. Предисловие было написано его редакторами – ученицами Б.А. Ларина О.С. Мжельской и А.И. Лебедевой.

Работа над Инструкцией для составителей ПОС, как и работа над самим словарем, продолжается и по сей день, обобщая 50-летний опыт составления. В частности, развивается и расширяется подход к фиксации ономастической лексики: если в 1-м выпуске ономастике посвящен небольшой параграф, то в 15-м выпуске – уже целый раздел (в 27-м – расширенный и дополненный). Зоонимы включаются в ПОС наряду с другими ономастическими категориями (микротопонимы и прозвища людей). Грамматические пометы опускаются, ударение сохраняется только в современном материале. Категория рода у прозвищ и кличек животных передается через форму имени нарицательного в общем заголовке и с помощью определений.

Микротопонимы, антропонимы и зоонимы, не имеющие соответствующего им апеллятива, даются в отдельных словарных статьях. Внутри словарной статьи ономастическая лексика выделяется полужирным шрифтом и соответствующими знаками: топонимика знаком ~ (тильда); прозвища, имена и клички – длинной чертой (—).

Ономастическая лексика приводится либо в конце словарной статьи после фразеологии с новой строки, либо в конце значения (если относится к одному из значений).

Материалом данного исследования послужили клички домашних животных, зафиксированные в период с 1945 по 2016 гг. на территории Псковской области. Всего собрано 3576 фиксаций зоонимической лексики. Большая часть собранного материала территориально относится к центральным районам Псковской области (Красногородский, Новоржевский, Островский, Печорский, Псковский).

Более половины всего собранного материала – клички коров. Именно они характеризуются наибольшим разнообразием как мотивационных признаков, так и деривационных способов, в них особенно колоритно отражено ономастическое творчество человека. Клички других домашних животных представлены менее широко и находятся на периферии зоонимического континуума.

Одной из особенностей зоонимической лексики является ее стремление к звучности. Этим, в частности объясняются большое количество сонорных согласных в фонемном составе зоонимов, усечение основ и слоговая структура. Более 60% кличек состоят из двух слогов, гораздо меньше – из трех. Встречаются зоонимы, состоящие из одного, из четырёх слогов. Наиболее краткие клички характерны для собак, поскольку выполняют прежде всего подзывную функцию. Трех- и четырехсложные зоонимы чаще всего являются кличками коров и несут экспрессивно-эмоциональную окраску с положительными коннотациями. Для них очень важны флексия -*а*, а также типовые словообразовательные суффиксы.

Целью и задачами настоящей статьи является *полное* описание зоонимии псковских говоров, которые ранее системно не изучались. Имеются лишь отдельные публикации.

Далее обратимся к обзору основных трудов по морфемике и словообразованию, на базе которых мы строим свою классификацию.

В известном учебнике для высшей школы Е.А. Земской «Современный русский язык. Словообразование» ключевым

понятием является понятие морфемы – минимальной значимой части слова. Современная наука пришла к выводу, что необходимо различать морфемный и словообразовательный анализ слова. По своей функции морфемы могут быть словообразовательными (деривационными) и словоизменительными. Также Е.А. Земская выделяет понятия производящей и производной основ (членимых и нечленимых).

В «Русской грамматике» появляется новый раздел – «Основные понятия морфемики», авторы – И.С. Улуханов и В.В. Лопатин (Русская грамматика 1980: 123–132). В качестве независимого раздела языкознания морфемика пока еще не выделена – она находится на стыке морфологии и словообразования. В отличие от концепции Е.А. Земской, ключевым понятием является не морфема, а морф. Из морфов состоят все реальные словоформы. Тождественные по значению и близкие по составу фонем морфы объединяются в одну морфему. Позиционно обусловленные варианты морфемы носят название алломорфов.

В «Русской грамматике» отдельный параграф посвящен морфонологии. Морфонологические чередования (альтернации) фонем в алломорфах одной и той же морфемы не обусловлены фонологической позицией последней. Они объясняются историческими процессами, проходившими в языке (например, палатализацией).

Словообразование и морфемика русского и других славянских языков были главным направлением научной работы проф. А.С. Герда в течение всей его жизни. Уже в 1960-е годы исследователь выделяет морфемику как новый раздел языка и словообразования, непосредственно связанный с морфонологией. В морфонологии любой текст анализируется путем сегментации (членения) на морфы. Иными словами, сегментация текста на морфемы есть сегментация *морфонологическая*. А.С. Герд пишет: «Морфонология – тот резервуар, тот фонд, из которого морфемика черпает реестр чередований, соотносимых с той или иной морфемой на морфонологическом уровне» (Герд 2004: 46). Функция

морфонологии в системе языка заключается в том, что она задает реестр чередований.

Диапазон научных интересов А.С. Герда был необычайно широк. Уже в кандидатской диссертации (начало 1960-х годов) сопоставлялись суффиксальные формы в диалектах русского и других славянских языков. В своих работах по морфемике он впервые вводит понятие *детерминатива.* Детерминатив регулярно проявляется в экспонентах суффиксов и восходит к древним диахроническим формам. Так, суффиксы с детерминантами *х, н, ш* имеют общеславянскую основу и повторяются в разных языках.

Говоря о диалектной морфемике, следует также упомянуть монографию Е.Н. Шабровой «Морфемика русских говоров». Ключевым в данном исследовании является понятие частной диалектной системы, имеющей реальное речевое воплощение в коммуникативной деятельности определенного коллектива. Здесь есть ряд особенностей, обусловленных характером функционирования слова в диалектной речи. В первую очередь это локальность распространения слова и локальная ограниченность корней и аффиксов. Во-вторых, это более свободное варьирование морфем в диалектной речи, нежели в литературном языке. В диалектной системе дольше сохраняются исторические связи слов и исторические границы морфем. Монография Е.Н. Шабровой является методическим пособием и наряду с развитием теории диалектной морфемики содержит большое количество практических заданий.

В ходе настоящего исследования были выделены следующие способы образования зоонимов: 1) лексико-семантический (безаффиксный), 2) суффиксальный, 3) сложение, 4) субстантивация, 5) смена категории рода.

Суффиксальный способ образования наиболее продуктивен для зоонимов с первичной мотивацией, т.к. они мотивированы одним из материальных объективных признаков: масть, время рождения, физическая особенность, черта характера, порода, способ приобретения, отношение хозяев, имя/фамилия владельца (Вересиянова 2016).

В пределах данной статьи подробно рассмотрены только два словообразовательных способа из пяти: аффиксальный и сложение.

В нашем материале наблюдаются следующие аспекты его системной организации внутри ономастического континуума. Общее количество рассмотренных зоонимов составило 146 единиц, общее число их фиксаций – 390.

1. **Репертуар морфем**, зафиксированных в составе зоонимов. Это прежде всего суффиксы, которых в материале выявлено 22, а в данной статье рассмотрено 12 наиболее продуктивных. Бóльшая их часть является разговорно-просторечными, но также встречаются и общерусские (*-к, -ик*). При рассмотрении двух последних суффиксов следует обратить внимание на то, что в данную группу наряду с первично мотивированными зоонимами (*Январька, Красивка*) входят и вторично мотивированные (*Вертолётка, Хрусталька*). Последние образованы по той же модели.

2. Тематические группы зоонимов. По денотативному признаку зоонимы распределяются на группы в соответствии с видами именуемых ими домашних животных. Преимущественно это клички коров, но также попадаются клички лошадей, собак, кошек.

3. Частотность и продуктивность. В таблице 1 представлены наиболее часто встречающиеся суффиксы, приведены все образованные с их помощью зоонимы и показана частотность их употребления в порядке убывания. Как видно из данной таблицы, наиболее продуктивными суффиксами являются *-оха/-ёха, -оня/-ёня, -уха/-юха, -к* и *-ик*. Каждый суффиксальный тип имеет от 1 до 3 словообразовательных моделей, в зависимости от частеречной принадлежности производящих основ.

Таблица 1

СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ПСКОВСКИХ ЗООНИМОВ

Аффикс	Словообразовательные модели	Количе-ство фикса-ций	Процент ное соотно-шение
-óха/-ёха	***N + -óха/-ёха:*** *Вишнёха, Денёха, Звездóха, Катёха, Князёха,*	139	38,9%

	Крестёха, Лобо́ха, Манёха, Маслёха, Недёха, Понедёха, Понядо́ха, Субо́ха, Тулёха, Царёха ***A + -о́ха/-ёха:*** *Белёха, Бодрёха, Босо́ха, Быстрёха, Весело́ха, Гнедо́ха, Камло́ха (Комло́ха), Красёха, Краснёха, Красно́ха, Красо́ха, Круглёха, Кудрёха, Курчо́ха, Ленёха, Моднёха, Нежо́ха, Пего́ха, Рыжо́ха, Рябо́ха, Черно́ха* ***V + -о́ха/-ёха:*** *Куплёха, Менёха*		
-о́ня/-ёня	***N + -о́ня/-ёня:*** *Вишо́ня, Воскресёня, Звездёня, Звездо́ня, Зубро́ня, Медо́ня, Пято́ня, Середёня, Суббо́ня, Цветёня, Цвето́ня* ***A + -о́ня/-ёня:*** *Бело́ня* *Быстрёня, Красёня, Красо́ня, Кудрёня, Лысёня, Писо́ня*	42	11,7%
-у́ха/-ю́ха	***N + -у́ха/-ю́ха:*** *Звезду́ха, Мату́ха, Пятнуха* ***A + -у́ха/-ю́ха:*** *Белу́ха, Гнеду́ха, Гнету́ха, Карю́ха, Красну́ха, Красу́ха, Малу́ха, Малю́ха, Милу́ха, Пестру́ха, Пятну́ха, Рябу́ха, Серу́ха, Черну́ха*	39	10,9%
-к	***N+ -ка:*** *Апре́лька, Брасле́тка, Вертолётка, Виногра́дка, Duна́йка, Звёздка, Кашта́нка, Ию́лька, Ию́нька, Хруста́лька, Черносли́вка, Янва́рька*	68	19%
-ик	***N + -ик:*** *Ба́рсик, Бу́тик, Гра́нтик, Да́рик, Дже́рик, Джо́ник, Ку́тик, Ма́рсик, Мо́псик, Му́рик, Му́рзик, Ро́зик (ж), Ту́зик* ***V+ -ик:*** *Ку́пик*	26	7,2%
-у́шка/-юшка	***A + -у́шка/-юшка:*** *Белу́шка, Милу́шка, Пестру́шка, Рябу́шка, Серу́шка, Черну́шка* ***V + -юшка:*** *Дава́юшка*	20	5,6%
-а́нка/-я́нка	***N + -а́нка/-я́нка:*** *Бережа́нка, Листвя́нка, Масля́нка*	3	0,8%
-у́ня/-ю́ня	***A + -у́ня/-ю́ня:*** *Красу́ня, Малю́ня* ***V + -у́ня/-ю́ня:*** *Могу́ня*	4	1,1%
-и́нка	***N + -и́нка:*** *Феврали́нка* ***A + -и́нка:*** *Кругли́нка*	2	0,5%
-ёна	***N + ёна:*** *Маслёна* ***A + -ёна:*** *Быстрёна*	2	0,5%
-ёнка	***N + ёнка:*** *Воскресёнка* ***A + -ёна:*** *Бурёнка*	8	2,2%
-у́ля	***N + у́ля****: Рогу́ля* ***A + -у́ля:*** *Красу́ля*	4	1,1%
Всего		**357**	**100**

В таблице 2 представлены зоонимы, образованные путем сложения основ. Данный способ также подразделяется на два типа, в зависимости от частеречной принадлежности основ: складываются основы двух самостоятельных частей речи с

добавлением интерфикса (+ суффикс), либо служебная и самостоятельная часть речи (+ суффикс).

Таблица 2

ЗООНИМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ СЛОЖЕНИЯ ОСНОВ

Словообразовательный тип	Словообразовательные модели	Количество фиксаций	Процентное соотношение
I. Сложение двух самостоятельных слов	***А + -о- + N + -ка:*** *Белоголóвка, Белогýбка, Белокопы́тка, Белолúцка, Беломóрка, Белонóжка, Белонóска, Белопáшка, Белорóжка, Белоснéжка, Белохвóстка, Белохрéбка, Белочýбка, Длиннонóжка, Косолáпка, Кривоглáзка, Криворóжка, Новогóдка, Разноцвéтка, Рябонóска, Чернобрóвка* ***А + -о- + N + -очка:*** *Белогýбочка, Черномóрочка* ***А + -о- + N + -а:*** *Белопáха*	31	94%
II. Сложение служебного и самостоятельного слов	***Предлог + N + -ка:*** *Безрóжка* ***Предлог + N + -ёха:*** *Вовторёха*	2	6%
Всего		**33**	**100**

4. **Морфонологическая типология зоонимов.** Как известно, при образовании новых слов их производящая основа не всегда равна основе мотивирующего слова в своем звуковом выражении. Иными словами, происходит процесс варьирования и взаимоприспособления морфем. В таблице 3 представлены основные морфонологические явления, наблюдающиеся в зоонимической лексике.

Таблица 3

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПСКОВСКОЙ ЗООНИМИИ

№	**Морфонологическое явление**	**Зоонимы**
I.	I. Чередования	
	1. Чередования на стыке морфем:	
	а) чередование парных согласных по твердости/мягкости	*Белёха, Бодрёха, Быстрёна, Быстрёха, Вовторёха, Звездёня, Красёня, Красёха, Краснёха, Круглёха, Круглинка, Лысёня, Малю́ня, Малю́ха, Моднёха, Пегóха, Понядóха, Цветёня*
	б) чередование	*Безрóжка, Белопáшка, Белорóжка, Белоснéжка,*

	заднеязычных с шипящими	*Белoли́цка, Бережа́нка, Длинноно́жка, Криворо́жка*
	в) чередование переднеязычных с шипящими	*Крестёха*
	г) чередование «губной / сочетание губной + л»	*Куплёха*
	2.Чередования внутри корня: чередования корневых гласных с нулем звука	*Вишо́ня, Денёха, Комло́ха*
II.	II. Усечение основы:	
	1. Усечение основы имени существительного	*Белохре́бка, Вовторёха, Воскресёнка, Воскресёня, Крестёха, Маслёна, Маслёха, Недёха, Понедёха, Понядо́ха, Пято́ня, Субо́ня, Субо́ха*
	2. Усечение основы имени прилагательного	*Красёха, Красо́ха, Красу́ля, Красу́ня, Красу́ха, Кудрёня, Кудрёха, Курчо́ха, Писо́ня*

В некоторых случаях может иметь место наличие нескольких морфонологических явлений в пределах одного слова. Например: зооним *Крестёха* (кличка коровы, родившейся на Крещение). Здесь мы видим как чередование на стыке морфем (*крест-/крещ-*), так и усечение производящей основы (*Крест<ен>* + *-ёха*).

В заключение подведем некоторые итоги исследования. В настоящей статье представлено богатство лексической номинации в пределах зоонимического континуума Псковского региона. Зоонимы в пределах одной тематической группы находятся в системных – синонимических и деривационных – отношениях между собой. Практически все представленные в таблице аффиксы синонимичны: образованные при их помощи зоонимы имеют одно и то же денотативное значение. При этом они не дублируют друг друга, а несут в первую очередь дифференциальную функцию, связанную с тематической группой. Например: в деревенском стаде несколько коров красной масти – во избежание путаницы им могут быть даны клички *Красо́ня, Красёня, Красу́ня, Красо́ха, Красёха, Красно́ха, Красну́ха, Красу́ля* и т.д. Структура всех этих кличек сходна в силу общности основы (полной или усеченной). Наряду с синонимией в кличках распространена *тезоимённость,* о чем свидетельствует зафиксированное число речевых употреблений.

Словообразовательные модели, по которым образованы зоонимы, отличаются друг от друга различной степенью *продуктивности*, которая измеряется числом зоонимов, образованных по одной модели.

Структурное членение зоонимической лексики по словообразовательным и морфонологическим моделям также является признаком системности.

Литература

1. Вересиянова В.В. Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике // Севернорусские говоры. Вып. 15. СПб., 2016. С. 221–232.
2. Герд А.С. Морфемика. СПб., 2004.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. М., 2011.
4. Русская грамматика: в 2 т. М., 1980.
5. Фонякова О.И. Слово об Александре Сергеевиче Герде // Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора А.С. Герда (1936–2016). С. 238.
6. Шаброва Е.Н. Морфемика русских говоров: учебное пособие. Вологда, 2006.

УДК 811.161.1

Е. В. Цветкова
(Кострома, Россия, elv15@list.ru)

«Псковский областной словарь» как источник для топонимических исследований (псковская и костромская микротопонимия)

Статья посвящена вопросам изучения Псковского областного словаря как источника для топонимических исследований. Обращается внимание на то, что исследование включенной в словарь топонимии позволяет выявить ее особенности, отражающие специфику псковской топонимии разных временных периодов и своеобразие представляемых ею говоров, а также сопоставить с топонимией других территорий. Даются сведения о содержащейся в словаре микротопонимии, приводятся примеры сравнения ее с костромской микротопонимией.

Ключевые слова: костромская микротопонимия, микротопонимия, псковская микротопонимия, Псковский областной словарь, топонимическая система, топонимия.

E.V. Tsvetkova

“Pskov Regional Dictionary with Historic Data” as a Source for Toponymic Research (Pskov and Kostroma Micro-Toponymy)

The article regards the Pskov Regional Dictionary as the source for toponymic research. Special attention is paid to the fact that the research of toponymy included in the dictionary allows to reveal Pskov toponymy peculiarities of different time periods, diversity of the patois and juxtaposition with other territories toponymy is available as well. The article gives some examples of micro-toponymy in the dictionary and compares them with Kostroma micro-toponymy.
Key words: Kostroma micro-toponymy, micro-toponymy, Pskov micro-toponymy, Pskov Regional Dictionary, toponymic system, toponymy.

ПОС, названный И. А. Поповым «богатейшей кладезью народной лексики» (Попов 2001: 178), является ценным источником для различного рода исследований, о чем писал и Б. А. Ларин во вступительном слове к словарю: «Региональный словарь на историческом фоне – принципиально новое дело в мировом языкознании. Он явится источником разнообразных исследований исторического, сравнительного и теоретического характера и послужит образцом для других словарей этого типа…» (ПОС 1: 4). В этот первый исторический словарь народных говоров, представляющий все бытующие в крестьянской речи общерусские и диалектные слова, содержащий данные из средневековых памятников письменности и документов XIV–XVIII веков Псковской земли, включены обширные топонимические материалы. Положение об особенностях включения в словарь топонимического материала было разработано Б. А. Лариным в Инструкции к ПОС (Ларин 1962).Особенности имеющейся в ПОС топонимии, например, способы ее подачи, лексикографической обработки, были предметом исследования топонимистов (см., например,

(Лекарева 2001: 119–123)).

Изучение включенных в словарь топонимов позволяет выявить их особенности, отражающие специфику псковской топонимии разных временных периодов и своеобразие представляемых ею говоров, а также дает возможность сопоставить с топонимией других территорийи, тем самым показать ее отличительные черты. Обратим внимание на некоторые особенности содержащейся в ПОС топонимии в сопоставлении с топонимией костромского края (по материалам ККТС и словарям, представляющим костромское народное слово (см. Ганцовская 2015; ККОС).

Кроме указания многочисленных названий мест распространения лексикографируемой лексики, ПОС представляет топонимы в статьях об апеллятивной лексике (чаще), например: ***Вы́городка*** – название участка, который был когда-то огорожен (в статье о слове *вы́городка*, имеющем в говорах псковского края значения ‘участок, обнесенный изгородью’, ‘загороженное место для скота под открытым небом’). *Вы́гаратка – э́та пако́с; кагда́ бы́ли индивидуа́льны хазя́йства, то агаро́жена бы́ла, атсю́да и на́звания* (Холм.) (ПОС 5: 144). ***Вето́шка*** – название болота (в статье о слове *вето́шка*, известном в псковских говорах в значениях ‘кусок старой ткани, тряпка’; ‘истощенная земля’, ‘давно не паханная земля’) (Н-Рж.). ***Весну́ха*** – название озера (в статье о слове *весну́ха*, известном в значениях ‘бурые крапинки на коже̓, ̒подснежная клюква̓ и др.) (Н-Сок.). ***Верхо́вье*** – название места (Холм.), название поля (Гд.) (в статье о слове *верхо́вье* ‘верхняя часть чего-либо’, ‘поверхность земли (?)’, ‘близкая к истоку часть реки’ и др.) и в отдельных словарных статьях, например: ***Веча́ша*** – название леса (в этой статье даются слова *ве́че* и *вечево́й*), ***Курдюко́вская Да́ча*** – название леса (Холм.). ***Ля́дички*** – название сенокосного угодья (Холм.). Ср. в костромской микротопонимии: пастбище ***Вы́городка*** (Гал.), поле ***Вы́города*** (Сол.), пастбище ***Вы́города***, луг ***Вы́городь*** (Суд.) и др. (в костромских говорах слова *вы́городка, вы́города, вы́городь* и под. также имеют значение ‘огороженное место для выгула скота, птицы’); часть реки Нельши ***Верхо́вье*** (Нейск.),

село ***Верхо́вье***, усадьба ***Верхо́вье*** (Сол.), покос ***Верхо́вье*** (Суд.) и мн. др. (*верхо́вье* – ‘верхняя часть чего-либо’, ‘близкая к истоку часть реки’ и под.)

Частотны топонимы в иллюстрациях, данных в словарных статьях, в том числе и из памятников письменности, например: *Во Пскове рѣки, и до верхних решоток, рѣшотами з берега черпали снѣть, а в Великои рѣки до Выбута и в Череху рѣку вверхъ весть с пол третьятцать.* Лет. III, 1624 г., л. 227. *По другую сторону ручья вверхъ по Псковы рѣки Долматовская земля, а внизъ межа той моей* [Осипа] *нивки и пожни…*Зап. поступная, 94, 1612 г. и др. (в статье о слове *верх*) (ПОС 3: 44). *Во́зли Пнево́ е гряда́, по эту́ сто́рону – Чутско́е о́зеро, ешшо́ Гдо́фским называ́ли, а па ту сто́рону называ́им Психо́фское о́зеро, или Тёплое о́зеро* (Гд.) (в статье о слове *гряда́*) (ПОС 8: 61). Имеются они и в характеристике обозначаемых микротопонимами объектов, например: ***Верхнее Осо́бье, Верхний Хамла́к*** – название участка на Жижицком озере (Вл.).

В словарных статьях ПОС встречаются целые группы (цепочки) микротопонимов, образованных на основе наиболее продуктивной в псковских говорах лексики, как общеупотребительной, так и местной. Так, например, в статье о слове *ве́рхний* ‘находящийся наверху, сверху чего-н. или выше другого одноименного предмета’, ‘расположенный с наружной стороны’ и др.: ***Верхний город*** – часть города Опочки, расположенная на валу (*Въ Почкѣ въ верхнемъ городѣ городовые проѣзжие ворота мѣрою пять саженъ без трехъ вершковъ.* Оп. г. Опочки, 179, 1691 г.) (ПОС 3: 103), ***Верхняя Савиха*** – название угодья (Пустошь Верхняя Савиха. Док. Любят. м., 69, 17 в.) (ПОС 3: 103), ***Верхняя Го́ра*** – название поля (Остр.), ***Верхняя Пожня*** – название угодья (Дед.) и др.

Некоторые апеллятивы в ПОС даются только в составе топонимов, например, название сосняка ***Гриба́нова Нива*** (Гд.). Иллюстрации к топонимам в таких случаях могут содержать подробное описание местоположения именуемых объектов, например: **ВЕРБОВ**: ~ *В составе топонима.* **Вербов пень**. А рыбу ловять въ Чюдцкомъ озерѣ въ Перетоцкой губѣ отъ Вербова пни къ болшому камени. *Кн. писц. I, 106, 1585–1587 гг.*

(ПОС 3: 80).

Некоторые названия, данные как апеллятивы, в ряде случаев, возможно, являются микротопонимами, о чем свидетельствуют иллюстрации, представляющие особенности функционирования этой лексики в живой народной речи, например: *И ка́к-та на́м стра́шна ста́ла, и тады́ мы абра́тна гриблó́м пашли́* (Себ.) (в статье о слове *грибёл* – ‘возвышенное место’, ‘холм’) (ПОС 8: 26). *Гряда́ – бари́на суха́я, там баравико́ф многа́* (Локн.) (в статье о слове *гряда́* – ‘возвышенная полоса земли’, ‘вытянутый холм’ и др., где дается и составной микротопоним, включающий этот местный географический термин: *А гряда́ вот ета́: ат Пско́ва идет Бяжа́ницкая гряда́, или вазвы́шэннасьть*) (ПОС 8: 61). *На нава́лок поéдим, на́валоком мыс завё́м* (Сер.) (в статье о слове *на́волок* – ‘мыс’ и др.) (ПОС 19: 285). Такого рода примеры многочисленны и в других словарях (см. об этом, например, Цветкова 2015).

Разнообразны и многочисленны в ПОС микротопонимы, образованные на основе местной географической терминологии (в том числе и составные, созданные по схеме «местный географический термин + определение, каким-либо образом характеризующее именуемый объект»), например: возвышенность ***Вере́тье*** (Остр.), угодье ***Вере́тье*** (Холм.) (*вере́тье* – ‘возвышенное сухое место’); поле ***Ляди́на*** (Холм.), ***Больша́я ляди́на***, ***Бубно́ва ляди́на***, ***Са́шихина лядина*** (*ляди́на* – ‘низкое сырое место’, ‘заболоченная низина’ и др.); поле ***Ляди́нка***, хутор ***Ляди́нка*** (Остр.), небольшая приусадебная роща ***Ба́рская ляди́нка*** (Пушк.) (*ляди́нка* – ‘небольшая низина’); сенокосное угодье ***Ля́дички*** (Холм.) (*ля́дички* – уменьш. к *ляди́на*); ***Пяти́нный наволок***, ***Ря́пушный наволок***, ***Се́мский наволок*** (*на́волок* – ‘низкий отлогий берег водоема’, ‘часть суши, узким концом вдающаяся в водоем, мыс’ и др.); поле ***Горбы́*** (Тор.) (*горб* – ‘выпуклость на ровной поверхности’, ‘возвышенность’, ‘холм’); сенокосное угодье ***Гарь***, место около озера ***Гарь*** (Пск.), озеро ***Гарь*** (Остр.), ***Большая Гарь***, ***Малая Гарь***, ***Ме́ньшая Гарь*** (*гарь* – ‘выгоревшее или выжженное место в лесу’ и др.); ***Рёвкийнский лог***, ***Рома́шинский лог***, ***Солда́тов лог*** (*лог* – ‘овраг с отлогими склонами’, ‘низкое сырое место’,

‘поемный луг’и др.) и мн. др. Такие названия в определенной степени не только подтверждают, но и дополняют, а также иллюстрируют сведения о соответствующей народной лексике. Ср. в костромской микротопонимии: возвышенное место на болоте ***Вере́тье*** (Сол.), место на болоте ***Вере́тье*** (Шар.), возвышенная часть луга ***Вере́тия*** (Вох.), возвышенное, заросшее лесом место ***Верети́я*** (Костр.) (*вере́тье́, вере́тья́, вере́ти́я* и др. – ‘возвышенное место’, ‘возвышенное сухое место среди болота’, ‘возвышенное, покрытое лесом место’, ‘возвышенность, длинная гряда’, ‘возвышенная часть луга’, ‘узкий луг около реки’, ‘сухой участок на лугу’, ‘возвышенный, сухой участок на поле’, ‘тропа на возвышенности’ и мн. др.); деревня ***Ляди́на*** (Мант.), угодье ***Ма́рьина ляди́на*** (Кад.), сенокосное угодье ***Ляди́на*** (Мак.) (*ляд, ля́да́, ляди́на* и др. – ‘мыс’, ‘заболоченное место’, ‘сырое место’, ‘низкое сырое место’, ‘заросшее болотистое место’ и др.); покос ***На́волок*** (Нер.), покос ***У́зкий на́волок*** (Сус.), луг ***На́волоки*** (Антр.), место на реке ***На́волок*** (Суд.), место на реке ***Медя́нинский на́волок*** (Гал.) и мн. др. (*на́волок* – ‘заливной луг’, ‘низменный болотистый луг’, ‘недавно вспаханная земля’, ‘мелкое место в реке, озере’, ‘нанос ила, песка в реке’ и мн. др.); возвышенное место ***Горб*** (Мант.), луга ***Горбы́*** (Сол.), место в лесу ***Яйчный горб*** (Парф.), дорога ***Горбы́*** (Кад.. Нейск.) (*горб* – ‘возвышенное место’, ‘холм’); поле ***Гарь*** (Антр., Мак.), лес ***Оси́новая гарь*** (Окт.), участок леса ***Арка́шкина гарь*** (Мант.) (*гарь* – ‘выжженный под пашню участок леса’, ‘выгоревший лес’ и др.); низина ***Дикий лог*** (Буйск.), возвышенность ***Казённый лог*** (Пав.) (*лог* – ‘овраг’, ‘низкое место’, ‘поемный луг’ и др.) и мн. др.

ПОС показывает способность топонимии (особенно микротопонимии) сохранять в себе различные сведения о жизни людей и окружающем их мире, например: угодье ***Вересня́к***, сенокосное угодье ***Вересо́вый Острово́к***, тонь на озере Алё ***Вере́сье*** (Беж.), угодье ***Вересьё*** (Н-Рж.) (в статьях о словах *вересня́г, вересовый, вере́сье*; *верес* – ‘можжевельник’, ‘растение вереск’; *вереск* – ‘можжевельник’); тонь на озере Нечерца ***Вербинка*** (Себ.) (в статье о слове *ве́рби́нка* – ‘верба’) и т.п. Многочисленны микротопонимы, которые образованы на

основе названий усадьбы и прилегающих к ней частей, а также расположенных рядом с ними объектов и объектов на их месте, например: ***Ко́пшевская Дача***, ***Курдюко́вская Дача***, лес ***Да́ча***, усадьба ***Господинов Двор***, участок с постройками ***Снетогорский двор***, луг ***Двори́ще***, поля ***Двори́щи*** и др. Ср. в костромской микротопонимии: ***Оникинский двор*** (Гал.), ***Дарьина дача*** (Пыщ.), ***Дворище*** (Суд., Кад., Костр. и др.) и мн. др.

Как показывают наши наблюдения, ПОС содержит топонимию, во многом сходную с топонимией костромского края. Много общего находим соответственно и в репертуаре апеллятивной лексики, значительная часть которой является основой для образования микротопонимов, и ее семантике.

Микротопонимы в ПОС находятся в тесной связи с имеющей к ним отношение апеллятивной лексикой, поскольку являются частью общей лексической системы словаря, включаются в разнообразные системныеотношения.

Изучение содержащейся в ПОС топонимии позволяет обратить внимание на вопросы и проблемы, связанные с представлением топонимического материала в словарях, его значимостью в отражении особенностей народной речи, использованием топонимических материалов, имеющихся в лексикографических источниках, в исследовании говоров.

Сокращения

ККОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост.: Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.
ККТС – картотека Костромского топонимического словаря.

Сокращения названий районов Костромской области

Буйск. – Буйский
Вох. – Вохомский
Гал. – Галичский
Кад. – Кадыйский
Костр. – Костромской
Мант. – Мантуровский
Нейск. – Нейский
Нер. – Нерехтский
Окт. – Октябрьский
Парф. – Парфеньевский
Пыщ. – Пыщугский
Сол. – Солигаличский
Суд. – Судиславский
Сус. – Сусанинский
Шар. – Шарьинский

Литература и источники

1. Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015.
2. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост.: Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.
3. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры I. Псков, 1962.
4. Лекарева Л.А. К орфографии топонимов в Псковском областном словаре // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков: ПГПИ, 2001. С. 119–123.
5. Попов И. А. Псковский областной словарь и проблемы русской лингвистической географии // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков: ПГПИ, 2001. С. 174–179.
6. Цветкова Е. В. «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» как источник сведений о костромской микротопонимии // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф., Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 560–466.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. М. ГЛУСКИНОЙ. ПОРТРЕТ УЧЕНОГО В СВЕТЕ ЕГО ТРУДОВ, РАБОТ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ, В ВОСПОМИНАНИЯХ КОЛЛЕГ, УЧЕНИКОВ

А.А. Зализняк

К столетию со дня рождения[1] Софьи Менделевны Глускиной

Я душевно рад приветствовать конференцию, собравшуюся для того, чтобы почтить память изумительного и очень почитаемого мною ученого – Софьи Менделевны Глускиной.

Я не был лично знаком с Софьей Менделевной, но нас связало исследовательское дело и переписка по его поводу.

Правда, в конце 60-х годов Софья Менделевна выступала в нашем московском Институте славяноведения с докладом о своем открытии того факта, что в северо-западных русских говорах не было второй палатализации. Но в ту эпоху я был полностью погружен в проблемы современного русского языка и совершенно далек от древнерусской проблематики. И на том докладе не присутствовал. Знаю из позднейших рассказов моих коллег, что Самуил Борисович Бернштейн тогда в безапелляционной форме отверг открытие Софьи Менделевны, выступив, к сожалению, с позиции, так сказать, «этого не может быть, потому что не может быть никогда» – иначе говоря, не может традиционная славистическая наука в таком существенном пункте ошибаться.

В конце 70-х годов я несколько неожиданно для себя самого начал заниматься берестяными грамотами. И пришел к убеждению, что тексты многих грамот требуют иного прочтения, чем то, что предложено в издании. В ходе этой работы я натолкнулся в 1980 году на ставшую впоследствии

---

[1] По просьбе А.А. Зализняка публикуемый текст его сообщения был прочитан С.М. Толстой.

знаменитой грамоту № 247, где отрезок текста, переведенный в издании как «а замок **кельи**, а двери **кельи**» вызывал большое недоумение, поскольку сразу в нескольких отношениях – в графике, морфологии, синтаксисе и общем смысле – выламывался из регулярностей древнерусского текста. И пришла догадка, что если принять ***к*ѣ*ле*** за «**цел**», а ***к'***ѣ*л'*ѣ за «**целы**», то все разнородные дефекты текста одновременно устраняются.

Работ Глускиной я не знал и испытал некоторый естественный шок, поскольку ясно понял, что такое прочтение грамоты № 247 означало бы отказ от общепринятого в славистике тезиса о праславянском возрасте второй палатализации. Но прочтение «а замок **цел**, а двери **целы**» столь, несомненно, обладало характернейшими признаками верного решения, что отказаться от него из-за давления общих постулатов славистики было невозможно. Необходимо было лишь проверить возникшую версию на более широком материале. И такая проверка быстро показала, что во всем материале новгородских берестяных грамот нет никаких надежных свидетельств наличия эффектов второй палатализации в живой речи, а редкие примеры типа дательного падежа *впады**ц'***ѣ явно представляют собой вкрапления книжных форм.

Об этом результате я сделал доклад в Институте славяноведения. И вот на этом докладе встала Светлана Михайловна Толстая и рассказала о работе Софьи Менделевны Глускиной, которая на полтора десятилетия раньше получила такой же результат на основе анализа современных псковских говоров.

Я помню свои смешанные ощущения. Было неловко, конечно, что я выступил с докладом, не изучив всего, что имеется по данному вопросу в научной литературе. Но перевешивало сильное положительное чувство, что, несмотря на конфликт с традиционным постулатом славистики, утверждаемое мною таки верно, коль скоро один и тот же вывод вытекает из двух совершенно различных совокупностей фактов.

И тогда началась наша переписка с Софьей Менделевной, которая доставила мне много радости.

Из писем Софьи Менделевны я видел, что она приняла новость в общем примерно так же, как я: ей было, конечно, огорчительно, что ее статьи так мало читают, но безусловно перевешивало глубокое удовлетворение от того, что ее открытие подтверждено независимым образом, причем на материале, почти на тысячу лет более древнем.

Осмысливая много позже этот эпизод своей жизни, я был счастлив осознавать, что классическая проблема отношений первооткрывателя и «второоткрывателя» все же вполне может решаться без болезненных амбиций с той или с другой стороны и в ярко выраженном дружественном ключе.

Понятно, что в дальнейшем я уже хорошо ознакомился с трудами Софьи Менделевны. Оценил ее строгость в сочетании с научной смелостью, ее удивительную способность видеть то, чего поверхностный взгляд не замечает.

Получал от нее ответы на конкретные диалектологические вопросы.

Оценил ее огромную роль в создании и поддержании на исключительно высоком научном уровне одной из вершин русской диалектологии – «Псковского областного словаря».

И, увы, явственно помню печальный момент, когда мы с Валентином Лаврентьевичем Яниным и Еленой Александровной Рыбиной держим в руках присланные Янину фотографии могилы Софьи Менделевны.

Я рад осознавать, что Софья Менделевна Глускина занимает теперь достойное место в истории русской лингвистики, ее дело продолжается, учившиеся у нее успешно работают в ее любимом деле, с ее именем связана вся псковская диалектологическая школа.

А.А. Зализняк
5 октября 2017 года

ПИСЬМА *С.М. ГЛУСКИНОЙ*[1]
Е.Г. БУРОВОЙ И А.А. ЗАЛИЗНЯКУ

Три письма С.М. Глукиной, сохранившиеся в архиве А.А. Зализняка, предоставлены им для сопровождения его сообщения, направленного в адрес конференции.

Автографы писем публикуются в конце издания.

Оргкомитет конференции, ее организаторы и участники выражает Андрею Анатольевичу Зализняку свою глубокую признательность.

Елене Григорьевне Буровой

14.I.81

Дорогая Елена Григорьевна (с удовольствием следую Вашему примеру), меня обрадовало, что А.А. Зализняк независимо от моего материала пришел к такому же заключению. Охотно сообщу ему о публикациях и о тех откликах, которые мне известны.

1. Первое, что было напечатано, это тезисы моей студентки в сб. «Научно-теоретическая конференция преподавателей и студентов». Новгород, 1965. Забыла ее назвать: Г.П. Мягченкова. В тезисах идет речь о берестяных грамотах.

2. В «Slavia Orientalis» rocz. XV (1966) nr 4, вышла моя статья на польском. У меня есть оттиски, и я с удовольствием посылаю один из них А.А. Зализняку.

3. В несколько более развернутом виде статья «О второй палатализации з/яз. согласных в русском языке» вышла в сборнике «Псковские говоры», вып. 2 (Псков, 1968).

---

[1] В письмах С.М. Глускиной сохранены авторские сокращения и подчеркивания.

Компьютерный набор писем осуществлен З.В. Митченко, за что редакторы приносят ей благодарность.

Отчасти я использую эти наблюдения в статье о смягченных и несмягченных согласных в сб. «Псковские говоры» (Л., 1979) (уже без № выпуска: издательство сняло вып. 4», чтобы нам неповадно было предложить еще и 5-ый и 6-ой).

Теперь об откликах. В «Slavia Orientalis» Штибер напечатал статью, где ссылается на меня и делает заключение, на мой взгляд – слишком далеко идущее. Год и № не помню, но где-то в промежутке 1967–1968, вероятно.

В 1969 г. он опубликовал «Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich / Fonologia». Там идет речь об отсутствии 2-ой палатализации как о явлении вполне установленном. Штибер в предисловии предупреждает, что использует всю новую литературу, не давая никаких ссылок, т.е. рисует картину такой, какой она ему представляется на основе всех данных.

Ссылается на псковскую статью А.Г. Авксентьева в автореферате КД «Из истории древних славянских сочетаний с плавными сонорными» (М., 1974) и, кажется, в статье в «Славянской филологии», в. 9 (МГУ, 1973).

Упоминает этот материал З.П. Устинскова (О генезисе цоканья в русских говорах. ВЯ, 1977, 4). Ф.П. Филин в кн. «Происхождение русского, укр. и белор. языков» тоже как-то поминает его. Больше – не знаю.

Сегодня 14.I – поздравление с Новым годом и добрые пожелания на 1981 год как раз ко времени!

Кланяюсь Татьяне Юрьевне.

Ваша С.Г. (подпись)

Андрею Анатольевичу Зализняку

11.II.81

Глубокоуважаемый Андрей Анатольевич,

очень я рада, что отсутствие второй палатализации снова «открыто» и подтверждено такими великолепными примерами. Псковские сборники прошли вне поля зрения «маститых» историков языка, но с Вашими публикациями все должны будут

считаться, вот почему меня так обрадовало письмо Е.Г. Буровой о вашем докладе.

Между прочим, что-то подобное случилось с моими статьями по истории русских числительных. В учебниках этот раздел представлен бедно, поверхностно. В учебнике П.С. Кузнецова (одном из лучших) есть даже прямая ошибка, а В.В. Иванов эту ошибку повторяет. Данные памятников позволяют гораздо глубже осветить и общие процессы, и явления более частного характера, но эти данные приводятся опять-таки в псковских сборниках, а их мало кто знает.

Пишу об этом без горечи. Но Ваша работа – большая радость для меня. От души желаю Вам успешно завершить исследование.

С искренним уважением С. Глускина (подпись).

15.IX.82

Глубокоуважаемый Андрей Анатольевич,

пишу, не отвечая ни на один из Ваших вопросов, только для того, чтобы не откладывать больше письмо. Я вернулась из отпуска, начала занятия, проверяла экспедиционные материалы и собиралась в ближайшие дни внимательно посмотреть картотеку, чтобы Вам ответить. Но позавчера неожиданно выяснилось, что мне предстоит операция, я должна максимально «начитать» лекции, закончить всякие дела, съездить в Л-д (завтра еду).

Выбуду, наверное, на октябрь (надеюсь, что не больше). Как только смогу, посмотрю внимательно наши материалы и напишу Вам. Ваши работы мне очень интересны, и я рада буду, если смогу быть полезной. Может быть, успею до операции, тогда сразу же напишу.

С искренним уважением С. Глускина (подпись).

P.S. Я не помню, писала ли, что мой адрес – Псков-16, до востребования: мальчишки доломали почтовый ящик, и я боюсь за письма.

С.Г. (подпись)

13.I.83

Глубокоуважаемый Андрей Анатольевич,

одно слово из Вашего списка я все-таки нашла: Бранни́к с нитак сплитённый, рыбу ловят, и ве́ржы тожэ рыбу лавить, ана ис прутоф. Опочецкий р-н, д. Мышино.

Не понимаю, почему оно не попало в статью верша. В картотеке много неполадок особенно с отсылочными карточками.

Есть еще сене́ц – какое-то сорное растение: Эта рош первай руки, патом фтарой руки. Касьтёр и сене́ц пападаюца, земля плахая, сме́лют и дают скату. Пёлы и те скармливали. Славковский р-н., д. Ключиха. Сейчас такого района нет, это запись 1957 г.

Если в каникулы удастся поработать в картотеке ЛГУ, посмотрю Ваши слова и там.

Всего Вам доброго.

С уважением С. Глускина (подпись).

УДК 811.161.1

В. К. Андреев
(Псков, Россия, v.k.andreev@mail.ru)

Топонимы типа Подъяблонька (спустя 38 лет)

Статья посвящена специфике образования префиксальных существительных с пространственным значением. Показывается сходство номинационных процессов в современной молодежной сленговой топонимике с номинационными процессами в народных говорах.

Ключевые слова: номинация, префиксальные существительные, топонимы, сленговые топонимы.

V. K. Andreev

Toponyms of Podyablon'ka Type (38 years later)

The article is devoted to the formation perculiarities of spatial nouns with prefixes. It shows the similarity of nomination process in modern youth slang toponymics and the nomination processes in folk dialects.

Key words: nomination, nouns with prefixes, toponyms, slang toponyms.

В последнее время активизировался интерес к сленговой топонимике. Издаются или размещаются в Интернете региональные словари, где фиксируются неофициальные топонимы Братска (ТБ), Екатеринбурга (Клименко, Попова 2012), Омска (ССРГ), Пскова (Никитина, Рогалёва 2011), Смоленска (ППИ) и др.; делаются попытки создания карт с неформальными названиями городских объектов, например, «Неформальная карта Питера»; исследуются различные аспекты сленговой топонимики (Голомидова 2015, Багирова, Гаврикова 2015, Шарипова 2010, Никитина 2015, Колтунова, Чернявская 2016 и др.).

Среди сленговых топонимов отмечены слова, указывающие местоположение объекта по отношению к другой реалии.

В научной литературе подобные слова обозначаются как «локативные топонимы», «ориентированные топонимы», «топонимы, указывающие на расположение объектов», «топонимы с пространственной ориентацией», «топонимы с предметно-пространственным значением». Эти слова «информируют о нахождении географического объекта внутри, вне, впереди, позади других объектов и по соседству с ними, они возникают в ответ на потребность точно определить местонахождение новых объектов по отношению к другим, уже известным. Взяв в качестве ориентира тот или иной значимый объект (река, лес, гора, озеро и т.д.), носители языка дают наименования новым объектам, детализируя их» (Сундукова 2010: 120).

Особый интерес для исследования представляют сленговые префиксальные существительные с приставками *за-, под-, при-: Зауниверсам, Заволга, Заканавка, Привокзал, Подмосква* и под., представляющие собой неформальные молодежные обозначения различных районов городского пространства.

По своей структуре это топонимы «типа Подъяблонька», подробно описанные А. В. Никитиным на материале названий земельных угодий Псковской и Новгородской областей (Никитин 1962).

В 1979 году Софья Менделевна Глускина предложила мне, тогда еще второкурснику Псковского пединститута, написать курсовую работу на тему «Топонимы типа Подъяблонька в псковских говорах». В процессе сбора материала по картотеке ПОС было выявлено большое количество префиксальных существительных среди псковских названий крестьянских построек и помещений: *наизба* ‘чердак’, *припуня* ‘пристройка к пуне, сараю для хранения сена’, *подлабаз* ‘подвал в лабазе, помещении для хранения зерна и овощей’, *подсени* ‘подвальное помещение под сенями’, *поднавес* ‘помещение под навесом, состоящее из четырех столбов и крыши’, *подпечь* ‘место под печью в избе’, *подпол, подмост* ‘подвальное помещение в избе’ и др. Специфика собранного материала привела тогда к изменению темы и ракурса научного

исследования (Андреев 1993). Теперь, в год юбилея Учителя, хотелось бы вернуться к теме, которую мы с Софьей Менделевной активно и горячо обсуждали.

Базой для образования ориентированных топонимов (как префиксальных, так и префиксально-суффиксальных) ученые считают устойчивые предложно-падежные сочетания. «Такие топонимы – это префиксальные и иногда префиксально-суффиксальные существительные с предметно-пространственным значением, образованные из обстоятельственного сочетания предлога и имени существительного» (Никитин 1962: 97). Этой же точки зрения придерживается И. М. Мащенко: «Ориентированные топонимы возникают на базе сочетаний существительных с предлогами, т.е. название объекта существует первоначально в форме предложной конструкции…, а затем переходит в префиксальное или префиксально-суффиксальное образование» (Мащенко 1979: 88).

Для того чтобы определить, какие именно предложные сочетания явились производящей базой для ориентированных топонимов на Псковщине, по данным всероссийской переписи населения 2002 года (ДВПН) методом сплошной выборки были выявлены все комонимы (названия сел и деревень) с префиксами пространственного значения.

Всего из 7834 названий населенных пунктов Псковской области таких топонимов 344 (4,4 %).

Из них:

– 234 с преф. *за-* (67,9 %) (отметим, что многие населенные пункты имеют одинаковое название – в скобках указано количество таких населенных пунктов): *Забелье* (3) (за рекой Белка), *Забелевица* (за озером Белое), *Заболотье* (17), *Забор, Заборовье* (13), *Заборовка* (2), *Заборье, Забродье* (2), *Забредняжье, Завичье, Загарье* (2), *Загоровье, Загорье* (13), *Загорицы, Загривье* (2), *Загрязье* (3), *Задолжье* (за озером Долгое), *Задолье, Задорожье* (4), *Задубье, Задребье* (2), *Заиванье* (за озером Иван) *Закаменье, Заклинье* (7), *Заколенье, Закрапивенье* (за рекой Крапивенка), *Закрючье* (2), *Закулижье, Залавье, Залавочье, Залахтовье, Залединье* (3), *Залесье* (8),

Заложье, Залоги (2) *Залог, Залосемье* (за рекой Лосьма), *Залужье* (7), *Залюбовье* (за рекой Либевица), *Замежничье, Замельничье, Замогилье* (3), *Замостечье, Замосточье, Замостье* (3), *Замошье* (15), *Замошки* (2), *Замошенье*, *Замошица* (3), *Замшарье, Заозерье* (10), *Заольшаг, Заольховье, Запесенье* (за озером Песно), *Заплюсье* (3) (за рекой Плюсса), *Запоженье, Заполье* (18), *Заполок, Заполянье, Запутье* (2), *Заречье* (17), *Заровенье*, *Зару́денье* (за рекой Рудна), *Заручевье* (5), *Зарябинка, Застременье, Застружье* (за озером Белая Струга), *Затобинье* (за озером Тобино), *Зачеренье* (2) (за рекой Черная), *Зашевенье* (за озером Шевино*), Заянье* (2) (за рекой Яня);

– 100 с преф. *под*- (29,1 %): *Подбережье*, *Подберезье* (6), *Подберезно*, *Подболотье*, *Подборовье* (7), *Подборье*, *Подвишенье* (2), *Подвишенка*, *Подвязье* (3), *Подгарье*, *Подгорье* (6), *Поддубье* (11), *Поддубница*, *Поддубка, Поддубно* (4), *Подклинье* (2), *Подключище*, *Подколодье*, *Подкрестье*, *Подлесье*, *Подлипье* (9), *Подлипно*, *Подложье* (2), *Подлужье* (2), *Подмежье*, *Подмогилье* (3), *Подмошье*, *Подозерье*, *Подолешье* (2), *Подсадье*, *Подсосно* (2), *Подсосонье* (3), *Подчерничье, Подъяблонька;*

– 6 с преф. *по*- (1,7 %): *Поречье* (5), *Посинье* (по реке Синяя);

– 2 с преф. *при*- (0,6%): *Приборок, Приозерье;*

– 2 с преф. *над*- (0,6%) *Надозерье* (2).

Говоря об образовании ориентированных топонимов, нужно учитывать возможность того, что в некоторых случаях топоним появился в результате онимизации географического термина (см. Лекарева 2001), например: *заболотье* ‘место за болотом’ → *Заболотье* ‘населенный пункт’, однако специфика появления тех и других единиц одинакова.

Большинство из представленных единиц образованы префиксально-суффиксальным способом. Только восемь из них могут быть рассмотрены как образованные без участия суффиксов: *Закаменье, Залоги*, *Залог, Заольшаг, Зарябинка, Подвишенье, Подвишенка, Подъяблонька.* Однако и это количество может быть меньше, если учитывать возможность двойной мотивации (*Закаменье* → *за камнем* и *за каменьем*; *Подвишенье* → *под вишней* и *под вишеньем*). Даже, казалось бы,

определенно префиксальные *Зарябинка, Подвишенка, Подъяблонька* при наличии структурно сходного *Поддубка* могут быть рассмотрены как префиксально-суффиксальные образования. Что касается топонимов *Залоги*, *Залог*, то наличие единиц *Заложье* и *Подложье* позволяет с достаточной степенью уверенности предполагать, что эти населенные пункты получили свое название по местоположению (слово *лог* ‘широкий, значительной длины овраг с отлогими склонами’ (МАС II: 195) является общерусским), а не по тому, что они были заложены.

Образование подобных префиксальных топонимов трактуется как префиксально-бессуфиксальный (Мащенко 1979: 88) или префиксальный (Никитин 1962: 96) способ. Однако незначительное количество подобных топонимов (материал по другим говорам представляет такую же картину) позволяет предположить, что они образуются не по аналогии (как реализация определенных словообразовательных типов), а незаметно для самих номинаторов в процессе обозначения пространства существительными с предлогами, когда синтаксические отношения между предлогом и существительным переходят в морфемные отношения (Никитин 1962: 101), приводя к трансформации и субстантивации предложных конструкций.

Этот процесс описывается так: «Названия – предложные конструкции *Под дубок, Под заполек, Под сосны* приближаются к полной субстантивации. Они еще употребляются как обстоятельственные формы при ответах на вопрос где? (*Пахал Под дубком, Под соснами, Под запольком*), но выступают уже как слова существительные при ответах на вопрос куда? (*Пойду к* ***Поддубку****, на* ***Подзаполек****, к* ***Подсоснам***)» (Никитин 1962: 101). Таким образом появляются отмеченные и за пределами Псковской области топонимы *Заколодец, Заозеро, Заостров, Заручей, Заугор, Подмыс, Подхолм, Подберёзы, Прилуг* и др.

Вполне вероятно, что процессу такой трансформации, по отношению к топонимам с приставками *за-* и *под-* (типа *Заручей, Подхолм*), могли способствовать конструкции с предлогами *из-за* и *из-под,* в которых сочетания *из-за ручья, из-*

под холма могли восприниматься и как *из заручья, из подхолма.* О возможности двоякого восприятия предложных сочетаний пишет и Ю. Ф. Денисенко (Денисенко 1979).

Что касается подобных сленговых топонимов, их образование может не отличаться от процессов в народной речи. Любопытным представляется пример из словаря молодежного лексикона города Пскова. Объясняя значение слова *Зазеркалье* (одно из сленговых названий магазина «Европарк»), информант говорит: «А вот тест для русички – Как правильно: пошли в *За стеклом*, или пошли в *За стекло*, или просто *За стекло*?» (Никитина, Рогалева 2011: 54). Этот контекст показывает, как предложное сочетание *за стеклом* (здание магазина имеет большие стеклянные окна) стремится трансформироваться в существительное *Застекло* для обозначения магазина. И хотя это предложное сочетание не подверглось полной субстантивации (молодежь использует в новой функции существующее в языке слово *зазеркалье*, внутренняя форма которого также связана с пространственными отношениями: *за зеркалом*), можно наблюдать процесс, похожий на описанный выше.

Вполне возможно, однако, что характерный для молодежного сленга принцип экономии речевых средств позволяет создавать префиксальные слова и простым присоединением приставки к слову по аналогии с *заграница, загород* и под.: «ЗАКАНАВКА, -и, ж. Шутл. Магазин № 5 на улице Германа в Новоржеве. *Ты куда, в* ***Заканавку***? (Запись 2005 г.) < Находится за речкой Канавкой» (Никитина, Рогалёва 2006: 103).

Сокращения

ДВПН – Данные Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.

ППИ – Под покровом имён. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска / Авт.-сост. Д.В. Бутеев, В.В. Никифорова, В.Ю. Сергеев; ассоциация «Безсребренный векъ». Смоленск: Маджента, 2012. 164 с.

ССРГ – Словарь современного русского города / Под. ред. Б.И. Осипова. М.: Изд-во АСТ, 2003. 565 с.

ТБ – Топонимы Братска. Краткая расшифровка местных сленговых названий. // URL: http://nashbratsk.ru/wiki/

Литература и источники

1. Андреев В. К. Названия построек и их частей в псковских говорах (номинативный аспект): Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1993.
2. Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Языковой имидж современного города (на материале годонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 43–55.
3. Голомидова М. В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1. С. 186–196.
4. Денисенко Ю.Ф. Из историко-лексикологических комментариев к Псковским летописям 1. По закустовью или по-за кустовью? // Диалектная лексика 1977. Л.: Наука, 1979. С. 146–156.
5. Клименко Е.Н, Попова Т.В. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург: УГЛТУ, 2012. 135 с.
6. Колтунова С В., Чернявская Н Э. Сленговая топонимика города-героя Севастополь // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х т. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры. 2016. С. 220–224.
7. Лекарева Л.А. Топонимы и ландшафтная лексика (на основе названий сельских населенных пунктов Псковской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 169–174.
8. Мащенко И. М. Из наблюдения над словообразовательной структурой ориентированных топонимов в русском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. С. 88–93.
9. Никитин А.В. Топонимы типа Подъяблонька в местных названиях земельных угодий Псковской и Новгородской областей // Псковские говоры I. Псков: ПГПИ, 1962. С. 96–118.
10. Никитина Т.Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). С. 128–130.

11. Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Молодежный лексикон города Пскова. Материалы 2001–2011 гг. Псков: Логос Плюс, 2011.
12. Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М.: ЭЛПИС, 2006.
13. Сундукова Е.А. Локативные ойконимы севера Удмуртии // Вестник Челябинского государственного университета, 2010, № 21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 45. С. 120–123
14. Шарипова О. А. Топонимы в сленговом выражении (региональный аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 114–117.

УДК 81'367.627

Л.Ю. Астахина
(Москва, Россия, lastakhina@yandex.ru)

Вопросы формирования категории числительных в работах С.М. Глускиной

В статье анализируется цикл работ С.М. Глускиной, посвященных именам числительным в истории русского языка. Подчеркивается значимость исследований автора, основные положения которых подтверждаются многочисленными примерами из других источников и до настоящего времени не утратили своей актуальности.

Ключевые слова: С.М. Глускина, грамматика, история русского языка, числительные.

L.Yu. Astakhina

The Formation of the Category of Numerals in the Works of S.M. Gluskina

The article analyses the works of S.M. Gluskina dedicated to numerals in the history of the Russian language. The article highlights the relevance of the author's research, the conceptual issues are cofirmed by multitudinous examples from different sources. These issues have endured the test of time.

Key words: S.M. Gluskina, grammar, history of the Russian language, numerals.

Во второй половине XX века, и особенно в его последней четверти, в нашей науке сложилась такая ситуация, что большинство ценных наблюдений и открытий публиковалось в Ученых записках (УЗ), в сборниках, выпускаемых отдельными коллективами, в материалах конференций и совещаний. Исследователи не имели возможности издавать свои индивидуальные труды в виде книг.

Одним из таких исследований, помещенных в Ученых записках Псковского государственного désinститута, является исследование о формировании числительных как особой грамматической категории С.М. Глускиной, размещенное в УЗ № 3 1955 г. (Глускина 1955: 111–134), № 4 1957 г. (Глускина 1957: 199–222) и № 7 1961 г. (Глускина 1961: 5–34). Эта оригинальная работа, основанная на большом фактическом материале, могла бы выйти отдельной книгой при соответствующей редакторской обработке. Актуальность и глубина выводов заставляют вновь обратиться к ней.

Каждая из трех статей посвящена отдельному вопросу в истории формирования числительных как особой части речи. Для раскрытия их содержания достаточно привести их названия: вып. 3 – «К истории составных числительных в русском языке», вып. 7 – «Сложные числительные в истории русского языка (о превращении сочетаний, обозначающих числа, в слова)» и вып. 4 – «Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка». В качестве источников использовались материалы Псковских летописей, псковских писцовых книг и актов, а также данные Актов исторических и других изданий письменных памятников XIV–XVII вв.

С.М. Глускина считает, что имя числительное является одной «из тех частей речи, в которых абстракция, достигнутая человеческим мышлением, проявляется особенно ярко» (Глускина 1955: 111). Описывая процесс формирования этой части речи, автор указывает, что «числительные постепенно утрачивали многие древние особенности, отражавшие

конкретное восприятие числа, теряли следы первоначальной предметности и получали грамматические свойства, способствовавшие более четкому выражению отвлечённого значения числа» (Там же: 113). «Современная математика с ее абстракциями могла вырасти только из конкретных практических измерений», – считает С.М. Глускина и приводит случай, когда «превращение названия меры в отвлеченное числительное прослеживается в русском языке на истории слова *сорок*, которое обозначало мешок, меру для шкурок, и получило потом отвлеченное значение определенного числа» (Там же: 112).

Относительно по́зднее сложение числительных как части речи объясняет их «морфологическую пестроту», потому что «различные обозначения чисел разновременно и разными путями втягивались в систему числительных» (Глускина 1957: 199–200).

Числительные как особая часть речи имеет не общий морфологический признак, а синтаксический показатель – специфическую связь с именами существительными, не присущую другим частям речи (Там же: 200). С.М. Глускина отнесла в Примечание это свое наблюдение: «… как общий морфологический признак числительных можно назвать признак отрицательный: отсутствие категорий числа и рода при наличии категории падежа» (Там же, сноска 1).

С.М. Глускина отмечает такое важное явление в процессе формирования числительных, как наличие, а затем утрата ими грамматического рода. Многочисленные примеры из Псковских летописей показывают, что числительные склонялись как слово **кость** и имели категорию женского рода: биша ихъ **всю 15** верст (1407 г.), перемирье держати крепко въ **ту пять** лет (1461 г.), въ **ту** пять лѣтъ на спорном мѣстѣ ловить псковичемъ къ своему берегу (1461 г.), былъ въ Новгородѣ **9** недель **полную** (1476 г.), дали мастером **пять** рублев **новгородцкую** (1486 г.), възя у нихъ **7000 новую** (1224 г.), посла **одну тритцать** человѣк стрельцов (1613 г.) и др. (Там же: 203, 205).

«Распространение женского рода на все числительные <…> свидетельствует об их грамматическом обособлении, о постепенном превращении числительных из лексической группы в грамматическую категорию» (Там же: 211). Причем в этот период автор отмечает в унификации грамматических признаков числительных «две тенденции, казалось бы, исключающие одна другую: с одной стороны, распространение женского рода (преобладавшего в числительных) на **все** числительные (кроме *один*); с другой – утрата категории грамматического рода вообще. Однако это были два различных проявления одного и того же процесса. Унификация числительных одинаково могла быть достигнута в результате завершения той и другой линии развития» (Там же: 203).

Со временем в косвенных падежах определение перестало согласовываться с числительным и выражать его грамматический род. Утрата же грамматического рода произошла вследствие возникновения «понятия числа, абстрагированного от конкретных предметов, одновременно с чем должны были семантически десубстантивироваться и слова, обозначавшие числа» (Там же: 215), что было связано с процессом исчезновения двойственного числа и поглощения его множественным, когда определение начинает согласовываться с существительными, а не со словом, обозначающим число.

Ссылаясь на работы А.А. Шахматова, А.А. Потебни, Л.А. Булаховского, С.М. Глускина говорит, что специальной разработки эта проблема не получила, что «вопрос этот не обобщен, специального внимания он не привлек» (Там же: 201, сноска 2).

В конечном итоге С.М. Глускина делает вывод о том, что «в эпоху, предшествующую сложению русского национального языка, числительные уже образовали самостоятельную часть речи, порвав семантические связи с теми частями речи, к которым они первоначально относились» (Там же: 221). «Причины такого слияния следует искать в семантике: числа, образованные путем сложения или умножения, начали восприниматься, в связи с развитием мышления, как простые целые величины» (Глускина 1961: 28).

Источники показывают, что к XVII веку, времени сложения русского национального языка, не все числительные приобрели формы современного вида. Из работы С.М. Глускиной можно сделать некоторые извлечения, указывающие на такие явления, которые могут свидетельствовать о неокончательном сложении числительных в отдельную часть речи, о том, что процесс не был завершен.

В **составных** числительных, как пишет С.М. Глускина, «каждый разряд представлялся особой единицей счета», а «большое число складывалось из нескольких одинаковых разрядов – мер», которые нередко присоединялись при помощи повторения союзов и предлогов, соединялись не только путем сложения, но и путем вычитания (Глускина 1955: 115). Можно выделить несколько признаков в названиях составных числительных, подтверждающих это положение.

1. Составные числительные остаются словосочетаниями, что выражается в раздельном восприятии разрядов, и потому повторяются предлоги перед каждым из разрядов: по дватцети по шти рублев (1587 г.), *в четырехстах в девяносте в семи рублех* (1654 г.) (Глускина 1961: 23).

Это положение подтверждают и наши источники – рукописные полеводческие сельскохозяйственные книги XVI–XVII вв., в которых тщательно (чаще – словами, и реже буквами с числовым значением) записывалось, на каких площадях что посеяно и что собрано. Книги эти охватывают территории от Новгорода Великого до сибирской Пелыми. Приведем некоторые примеры: посеял… на два*т*ца*т* на се*м* десяти*н*. Пел.86, л. 166 об. 1638 г.; на тритцати на пяти десятина*х,* на сте на четыре*х* десятина*х* с полудѣсятиною. Пам.Влад., 53, 54. 1697 г.; на семидеся*т* на дву десетина*х*. Изм., 37 об.–38. 1690 г. и др.

2. Расчленение разрядов составных числительных могло выражаться не только при помощи сложения, но и при помощи вычитания: овса РЛ без дву мер (130–2=128). ТГ, 1629, л. 16. 1691 г.

3. Расчлененное восприятие разрядов составных числительных проявлялось в сочетаниях разрядов со словом *пол*

(половина), когда пишущий стремился выразить число в едином разряде: пол пята ста рублев (1427 г.), жила есми съ своимъ мужемъ пол четвертадцать лѣт. АИ I, 484. 1404 г.; выѣзжаютъ ловити неводовъ съ полтретьятцать. Псков. п. кн., 77. 1585 г.; городовые стѣны… семдесятъ полтретьи сажени, мѣрою тритцать полторы сажени.. Псков. п. кн., 453. 1698 г. (вып. 3: 127. – Примеры из статей слегка расширены и сверены по источникам). Нередки такие записи и в наших источниках: полосмадесят мер (75). ТГ, 1629, л. 2. 1691 г.; полтораста чети (150). ИВ, 9, л. 40 об. 1600 г.

4. Расчлененность на разряды в порядковых числительных выражалось путем повторения предлогов перед каждым разрядом: въ семдесятъ во второмъ году. Псков.п.кн., 11.1587 г.; въ прошломъ семдесятъ въ седмомъ году. АИ I, 397. 1580 г. (Глускина 1955: 132).

В наших источниках кроме этих признаков расчлененности разрядов наблюдаются и другие. Нередко число, обозначенное буквами, получает уточнение при помощи записанного после него слова: овса ЛЕ полпяты меры (34,5). ТГ, 1710, л. 18 об. Иногда *пол* ставится перед буквой, обозначающей число другого разряда: овса К пол Г меры (22,5). ТГ, 1326, л. 8. 1679 г. Число, записанное буквами, разбивается по разрядам и каждый разряд сопровождается названием меры: ржи Д копны К копен (24). МЗ, л. 1. 1669 г.; ржи трица*т* четвертеи одна четверть. Там же; гречихи Д четвертеи К четвертеи (24). Там же, л. 1 об. Иногда один из разрядов, например, десятки, записывается буквами, а другой (единицы) – словом: отдоно старосте К два снопа ржи (22). МЗ, л. 2 об. 1669 г. Разряды бывают не только соединены союзом, но и отделены названием меры: ужал во*с*мьсо*т* снопо*в* и два*т*ца*т*. ВК, 16941, л. 81. 1586 г.; триста снопов десять. Там же.

При формировании **сложных** числительных, образовавшихся путем слияния двух слов, особое внимание С.М. Глускина обращает на становление системы их склонения. Для образования числительных второго десятка *одиннадцать – девятнадцать* необходимо было не только закрепление в неизменяемой форме их первой части, но и изменение по

падежам их части управляемой (Глускина 1961: 32). Но раньше других, по мнению С.М. Глускиной, слились в слова числительные *двадцать* и *тридцать*, так как «при первоначальном согласовании, т.е. одновременном изменении обеих частей, для превращения в слово достаточно было только закрепления первой части в неизменяемой форме» (Там же: 31). Для числительных *пятьдесят – восемьдесят*, а также для сотен, процесс слияния в сложные слова в настоящее время близок к завершению, однако «задерживается <…> литературным языком с его строгим нормированием» (Там же: 32, примечание 2).

Справедливость этих выводов относительно количественных числительных очевидна, чего нельзя сказать о числительных **порядковых**, образованных от тех же основ. В наших источниках порядковыми числительными обозначаются в основном числа месяцев: декабря по четвертое на десять число. СП, 235, л. 80 об. 1689 г.; в марте в первом на десять числе. Там же: л. 84, маия седмаго на десять числа, да июня по двадесятое число. Пам. Влад., 43. 1689 г. В числительном *двадцать* конечная часть еще не формализовалась, и выступает а нестяженном виде: октя*б*ря з двадесятаго чи*с*ла да дека*б*ря по се*д*мое на деся*т* чи*с*ло. Пам. Влад., 43. 1689 г.; по двадеся*т* первое чи*с*ло (СП, 229, л. 22 об. 1698 г. Повторение предлогов в порядковых числительных как признак раздельного восприятия разрядов в наших источниках, как правило, отсутствует: на сто девяносто осмои год. Пам. Влад., 44. 1689 г.; к двести седмому году. СП, 229, л. 20 об. 1698 г.

При широком распространении числительных с основой *дву*- встречаются и образования с *двое*-: на двуна*т*цети десятина*х*. СП 238, л. 60 об. 1688 г.; на двуста*х* десятина*х*. Изм., л. 7. 1689 г., но к двоесотому году. СП, 262, л. 62. 1691 г. – Ср. прилагательное: ковш двоестебелый. ТГ, 1289, л. 3.1678 г. В.И. Даль в Словаре ко многим образованиям с *двое*- приводит варианты с *дву*-: *двое*(*дву*)*гранный, двое*(*дву*)*гривенны*й, *двое*(*дву*)*душие* (Даль I: 419–420). Ср. в современном языке образования с *двое*-: *двоеборье, двоевластие, двоеточие* и

некоторые другие при преобладающем большинстве образований с *дву*- (МАС I: 496–497, 499–504).

Отметим еще образование порядкового числительного со значением ‘двенадцатый’ от местоимения со счетным значением *другой*: тягла под ним было другона*т*цатая доля выти (4 примера). Пам. Влад., 80. 1691 г.; двор пустои Тимошки Иванова, тягла другона*т*цатая до*л* выти. Там же: 83.

В работах С.М. Глускиной отмечено большое количество простых и сложных числительных во всех шести падежах и в современной форме, и в древней, так же, как и в наших источниках. Приведем только одну старинную форму дательного падежа, сходную с древнерусской формой творительного на -*ма* (-*мя*): и неким от них пятмя или шестьмя повелети быти в Казани в его место. Каз лет., 364. XVI–XVII вв. В рукописи Московской духовной академии № 30 приведены варианты – *пятма или шестма* В книгах начала XVII в. Иосифо-Волоколамского монастыря не раз встретилась эта же форма от других числительных: детенышамъ дано на семена овса чатырмя чечеловекомъ (так в ркп.) по осмине овса. ИВ, 14, л. 139. 1604 г.; дано ангиловским кр̃стьяном в заимы Алеше Лукьянову с товарыщи пятмя чл̃вкомъ осмина с четвериком ржи. ИВ, 38, л. 18 об.–19. 1621 г. Подобную форму встречаем там же от числительного *двадцать*: кр̃стьяном дано на хлебы дватцатмя осми человеком З (т.е. 7) четвертеи ржи. ИВ, 14, л. 184. 1604 г.; дано наиму двацатмя шестьмя чл̃вком. И. Вол. 2, л. 96. 1574 г.

Собирательные числительные можно было образовать от всех наименований чисел: куплены восмеры дерева новые хомутинные, трои стары дерева. Арх. Он. 11, л. 4. 1658 г.; четырнатцатеры возжи. Там же: л. 4 об.; пятдесятеры дровни. Там же; тринатцатеры сапоги женские. Южн. там., 27. 1620 г.; двенатцатеры сумки. Там же: 239. 1647 г.

Собирательные числительные сочетались и с существительными, употребляющимися только во множественном числе (типа *сутки*), и с названиями как парных предметов, так и непарных: купил двои оглобли. Арх. Он., 3, л. 28 об. 1657 г.; двои коты: Арх. Он., 7, л. 2 об. 1658 г.,

пя*т*десятеры испо*д*ки. Арх. Он., 11, л. 6 об. 1658 г.; пятдесят пятеры чюлки вязеные. Там. кн. II, 408. 1651 г.; шестьдесят восьмеры исподки. Там же; шестьдесятеры рукавицы вареги. Там. кн. III, 37. 1651 г.; десятеры штаны холщевые. Там же; дватцатеры сошники ралников. Там же.

В заключение можно еще раз подчеркнуть значимость работы С.М. Глускиной, основные положения которой подтверждаются многочисленными примерами из других источников и поныне не утратили своей актуальности.

Сокращения

Арх. Он. – Приходо-расходные книги Онежского Крестного монастыря – РГАДА, ф. 1195, оп. 1, № 3 – 1657 г., № 7, 11 – 1658 г.

ВК – Книги ужинные отписному хлебу новгородских пустых деревень и пустошей Сабельского Успенского погоста 1586 г. – РГАДА, ф. 1209, л. 80–81 об.; Книги ужинные отписному хлебу новгородских пустых деревень Никольской и Спасского погоста Бельской и Васильевской волостей 1586 г. – Там же, л. 82–83 об.

ИВ – Сельскохозяйственные книги Иосифо-Волоколамского монастыря – РГАДА, ф. 1192, оп. 3, № 9, л. 1–121– 1600 г.; № 14 – 1604 г.; № 38 – 1621 г.

ИВол. 2 – Приходо-расходная книга Иосифова Волоколамского монастыря 7081–7082 (1573–1574 гг.) – ИИ РАН (СПб.), ф. 284, № 1/2.

Изм. – Книга посевная ужинная и умолотная «всякому хлебу» дворцового села Измайлова 1689–1692 гг. – ГИМ ОПИ, ф. 342, Барятинские, № 47, л. 1–57 об.

Каз. лет. – История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. СПб., 1903. Т. 19. Сп. XVII в.

МЗ – Умолотная книга деревни Душиловой Московского Знаменского монастыря приказного старца Ефрема 1668–1669 гг. – РГАДА, ф. 1191, оп. 1, № 50, л. 1–2 об.

НС – Книги посевные, ужинные и умолотные Полянской волости Новгородского Софийского дома, 1605 г. – РГАДА, ф. 210, Разрядная вязка 1, № 3, 4.

Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / Изд. подгот. С.И. Котков, Л.Ю. Астахина, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1984.

Пел. – Списки с Пелымских посевных книг. – РГАДА, ф. 214 Сибирский приказ, оп. 1, № 67, л. 114–127 – 1635 г.; № 86, л. 156–168 – 1637 г.; № 105, л. 267–282 об. – 1638 г.
СП – Сельскохозяйственные книги Суздальского Покровского монастыря. – Государственный архив Владимирской области, п. 575, оп. 1, № 238 – 1688 г.; № 235 – 1689 г.; № 262 – 1691 г.; № 229 – 1698 г.
Там. кн. I–III – Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I–III. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950–1951. (Использованы материалы 1651 г. – т. II, 1675 г. – т. III).
ТГ – посевные, ужинные, умолотные и приполонные книги Троицко-Гледенского монастыря. – РГАДА, ф. 1187, оп. 1, ч. 1, № 1215 – 1674 г.; № 1248 – 1676 г.; № 1289 – 1678 г.; № 1326 – 1679 г.; № 1392 – 1681 г.; № 1629 – 1691 г.; № 1710 – 1695 г.; № 1807 – 1699 г.
Южн. там. – Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги XVII века / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М.: Наука, 1982.

Литература

1. Глускина С.М. К истории составных числительных в русском языке // Ученые записки ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. 3. Сб. статей. Псков, 1955. С. 111–134.
2. Глускина С.М. Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка (К истории сложения числительных в часть речи) // Ученые записки ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. 4. Сб. статей. Псков, 1957. С. 199–222.
3. Глускина С.М. Сложные числительные в истории русского языка (О превращении словосочетаний, обозначающих числа, в слова) // Ученые записки ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. 7. Сб. статей. Псков, 1961. С. 5–34.

УДК 81

Н.В. Большакова
(Псков, Россия, bolshakova55@yandex.ru)

От Космографии к планетарному пониманию языка

В статье прослеживается путь ученого от первых работ рубежа 40–50-х гг. XX в., научная ценность и актуальность которых не

утратили своего значения и в настоящее время. Новые исследования в области истории языка, исторической лексикологии и терминологии, топонимии, исторического источниковедения цитируют ранние работы С.М. Глускиной, включают их в библиографические списки. Масштаб личности С.М. Глускиной как ученого плодотворно сказался в ее деятельности как преподавателя языкознания и учителя многих поколений псковских филологов.

Ключевые слова: Космография, Богдан Лыков, историческая лексикология, источниковедение, С.М. Глускина.

N.V. Bolshakova

From Cosmography to the Planetary Understanding of Language

The article traces back the works of S.M. Gluskina from the turn of the 1940–50ies, the scientific value and relevance of which have endured the test of time. New researches in the field of the history of the language, historical lexicology and terminology, toponymy, historical sources cite the early works of S.M. Gluskina and include them in reference lists. The personality of S.M. Gluskina as a reseacher had enriched the ways of teaching linguistics and new generations of Russian philologists.

Key words: Cosmography, Bogdan Lykov, historical lexicology, source studies, S.M. Gluskina.

Софья Менделевна Глускина принадлежит к такому редкому типу ученых, у которых не было периода ученичества и постепенного научного взросления. Уже первые ее научные изыскания отражают абсолютную зрелость исследователя, что проявляется и в масштабе темы, и в методах анализа, и в самостоятельности выводов, и в отточенности научного языка публикаций.

Не удивительно, что и через много десятилетий диссертационная работа С.М. Глускиной о переводе Атласа Меркатора продолжает быть актуальной и упоминается в библиографиях, посвященных вопросам истории географии, картографирования, источниковедения, исторической лексикологии (см., например: Барандеев 2003, 2005: 40; Белоброва 1996; Беляков 2002; Николенкова 2016).

Диссертацию С.М. Глускина завершила и защитила уже после Великой Отечественной войны (военный период: пережитый голод в блокадном Ленинграде, эвакуация в состоянии дистрофии в Татарию, затем уход на войну добровольцем – отдельная тема в биографии Софьи Менделевны).

Формулировка темы диссертации «Космография Богдана Лыкова 1637 г. (История текста и наблюдения над языком)» (1949 г.), выполненной в ЛГПИ им. А.И. Герцена под руководством Б.А. Ларина, однако, не могла содержать указания на иностранный источник по политическим соображениям (развернутая в то время борьба с космополитизмом не позволила опальному руководителю даже присутствовать на защите).

Диссертационная работа С.М. Глускиной была посвящена первому переводу на русский язык знаменитого Атласа голландского картографа и географа XVI в. Герарда Меркатора, впервые изданного в 1595 г. на латинском языке и в последующем переведенного на многие языки мира. Труд Меркатора содержал трактат о сотворении мира и 107 карт с географическим описанием. На русский язык по указу царя Михаила Федоровича была переведена текстовая часть, главным образом относящаяся к России. В русском переводе и последующих компиляциях текст «получил на Руси наименование К. Меркатора» (Белоброва 1988: 493) или Космография, став необычайно популярным: отрывки из Космографии «вошли в хронографы, азбуковники, сборники различного содержания» (Глускина 1949: 2).

Диссертация С.М. Глускиной была абсолютно новаторским произведением междисциплинарного характера, т.к. до этого времени «сличение Космографии с Атласом никем не производилось, так что характер перевода и зависимость его от подлинника оставалось невыясненным» (Там же: 3).

Основные выводы диссертационного исследования были связаны с обоснованием наличия одного перевода с латинского на русский, установлена его датировка и авторство, на основе сравнения редакций списков Космографии доказывался их

компилятивный характер. Все эти вопросы и сейчас вызывают научный интерес. В диссертации подверглось переоценке само понятие перевода на русский язык применительно к исходному тексту Атласа Меркатора: автор установил особенности понятия перевода Космографии в отличие от современного его понимания, при этом обосновывалась значительная самостоятельность текста переводчика Посольского приказа дворянина Богдана Лыкова. Современный исследователь исторической топонимии А.В. Барандеев пишет: «Обстоятельное исследование многочисленных списков этой космографии, выполненное С.М. Глускиной, позволило ей сделать вывод о том, что переводчики не механически копировали текст <…>. С.М. Глускина установила, что это не перевод в современном понимании, а перевод-переработка, осуществленный между 1607 и 1630 гг. с одного из изданий "Атласа"» (Барандеев 2005: 40).

О методах исследования в автореферате сказано: «При работе над диссертацией я использовала 15 списков полного текста Космографии 1637 г., т.е. все известные мне списки <…>; к работе привлечены также некоторые списки сокращенной редакции Космографии»; «К моменту перевода (1637 г.) Атлас Меркатора был издан не только на латинском языке, но и в переводах: на французском, английском, голландском, немецком» (Глускина 1949: 2). С.М. Глускина провела сравнительный анализ всех имевшихся списков Космографии с переводами на перечисленные языки: «В СССР имеется ряд латинских изданий Атласа Меркатора. В работе использованы 8 изданий, все, какие мне удалось найти <…>» (Глускина 1949: 2, 3). В результате автор убедительно показал, что русский перевод Богдана Лыкова был оригинальным, т.е был выполнен непосредственно с латинского, в то время как другие русские редакции представляют собой тексты компилятивного характера.

Таким образом, и сама тема диссертационной работы, и источники, и методы исследования, и научная значимость выводов – все это и сейчас показывает, какой научной подготовки, филологической эрудиции и тщательности требовал

от автора диссертации источниковедческий этап работы. Знавшие Софью Менделевну как ученого и преподавателя всегда осознавали ее неизменное отношение к науке, где для исследователя есть только «вышний суд».

После защиты диссертации С.М. Глускина продолжала работать над темой, в которой остались вопросы и для самого ученого. Но самое главное – масштаб темы требовал, видимо, исследования большего формата, рассмотрения большего числа подробностей и дальнейших поисков документов вокруг данной группы памятников. В одном из писем Б.А. Ларина, в его ответе по поводу «сомнений», которые она, видимо, допускала в исследовании такого запутанного и почти детективного вопроса с переводом источника, авторством перевода, степенью самостоятельности Богдана Лыкова, учитель писал: «*Недоверие к сведениям митр. Евгения*[1] *должно быть каждый раз серьезно обосновано* (подчеркнуто автором в тексте письма. – Н.Б.). *В данном случае и не может быть никаких сомнений, что его сообщение о Б. Лыкове основано было на неизвестных нам пока историч<еских> документах. Верно, что надо во что бы то ни стало докопаться, разыскать источник сведений митр. Евгения. Надо тщательно изучить все московские списки Космографии, возможно, найдется нужная запись на одном из списков. <…> Верить или не верить в “моего Лыкова” – дело интимное, но доказать, что другой гипотезы не может быть, – желаю Вам от всего сердца. И мне кажется, что это совсем не трудно сделать*»[2]. Об этих словах Б.А. Ларина Софья Менделевна упоминала и в гораздо более поздних разговорах, сама занимаясь уже другими научными проблемами: прочность обоснований, основанных на фактах, – этот принцип был одним из главных постулатов ее научного подхода.

---

[1] Известно, что источником даты перевода 1637 г. и имен лиц (Богдан Лыков и Иван Дорн), причастных к переводу Космографии, был «Словарь русских светских писателей» Евгения Болховитинова (т. II. М., 1845. С. 37).

[2] См. письма Б.А. Ларина С.М. Глускиной, опубликованные в настоящем издании. С. 219.

А между тем «внутреннее чувство» молодого ученого не обмануло. Несмотря на то, что о Богдане Лыкове как об основном переводчике «Атласа» Меркатора продолжается полемика (Барандеев 2005; Кудрявцев 1963), сама личность Лыкова приковывает к себе внимание. Согласно новым изысканиям, это был незаурядный человек, занимавший высокое место в иерархии переводчиков Посольского приказа, дипломатическая судьба которого была полна событиями, не всегда безопасными (он умер в Стамбуле предположительно в 1648 г.); в то же время Лыков проявил себя не только как видное должностное лицо в составе русского представительского посольства, но и как составитель представительских «отписок» – дипломатических документов, написанных нестандартным языком, что отличало в нем незаурядного автора. Один из современных историков пишет о Богдане Лыкове: «Более полувека тому назад его имя усилиями С.М. Глускиной было извлечено из "справочного" забвения, он удостоился исследования своего творчества в кандидатской диссертации, но предметом внимания Глускиной стала лишь переводческая деятельность Лыкова над "Космографией", высоко оцененная исследовательницей. Между тем Богдан Лыков, пусть в кратких эпизодах своей биографии, заявил о себе как талантливый дипломат и необычный – в литературном контексте XVII века – писатель. И, наконец, то немногое, что о нем известно, позволяет видеть в нем человека благородного, наделенного ощущением несуетности своего земного существования» (Фаизов 2010).

Таким образом, как нам представляется, в свете новых изысканий, посвященных оценке личности и авторского стиля переводчика и дипломата Богдана Лыкова, утверждения С.М. Глускиной о большой доле самостоятельности, проявленной им в переводе «Космографии», об оригинальности и некомпилятивном характере его перевода получают дополнительное подтверждение более чем через 60 лет после защиты диссертации.

Современная наука оценивает перевод «Атласа» Меркатора на русский язык не только благодаря масштабу

самого источника, ставшего выдающимся событием в Европейской науке и культуре XVI в. В 2012 г. во всем мире широко отмечалось 500-летие Герарда Меркатора, создателя всеобъемлющей Космографии, изготовителя глобуса, великого картографа, автора изобретения способа построения морских карт, называемого проекцией Меркатора, которая применяется для построения морских карт во всем мире и является основой Google maps и большинства современных навигаторов (Атлант мировой картографии). Но сам перевод текста на русский язык и сейчас имеет статус «географического и социального трактата, воплощавшего достижения естественно-научной и общественной мысли второй половины XVI в.» (Фаизов 2010).

В начале 50-х гг. филологическая работа С.М. Глускиной получила оценку и в исторической науке. По совету Б.А. Ларина она сделала доклад по теме своей диссертации в Географическом обществе. По-видимому, само выступление вызвало споры, но, по словам из письма Б.А. Ларина, проф. С.Н. Валк «*всецело на Вашей стороне*». Главным оппонентом тогда выступил А.И. Андреев, доктор исторических наук, профессор, заведующий Ленинградским отделением Института истории естествознания и техники. Сам А.И. Андреев (1887–1959) был и до сих пор является большим авторитетом в исторической науке: он «был крупным источниковедом и археографом, чей жизненный и творческий путь "навсегда будет служить ярким примером трудолюбия, научной принципиальности, честности, преданности науке". Большое внимание историк уделял изучению исторической географии и особенно – картографическим источникам» (Умбрашко 2008: 256). Значительная часть научной деятельности А.И. Андреева была посвящена изучению истории русских географических открытий XVII–XVIII вв. Тем весомее было мнение этого ученого.

Прошло немного времени, и Б.А. Ларин пишет Софье Менделевне: «*Сейчас я встретил Александра Игнатьевича Андреева, и он обрадовался этой встрече не из-за меня, а потому, что давно ищет Вас. Он просит возможно скорее прислать ему для историко-географического сборника Ваш*

доклад, можно увеличить объем: но его интересуют больше всего Ваши рассуждения и обоснования самостоятельности обработки, творческой переработки чужестранного текста. Вопрос об авторе его мало интересует, хотя он меня уверял, что вовсе не отвергает Вашей гипотезы об авторстве Богдана Лыкова, а только призывает к осторожности, хотел бы больше аргументов… Словом, он напечатает "с удовольствием" и Ваши рассуждения об авторе, но был бы рад увидеть более прочную аргументацию. / Прошу Вас, Соня, не упускайте этого случая. Обязательно пошлите статью и поскорее, чтобы она появилась еще в этом году, как надеется А.И. Андреев. / Увеличивайте объем – показом отходов от оригинала, вставок, исправлений, полемики с Меркатором, свободного и находчивого подыскания отечественных параллелей и т.д. (Адрес А.И. Андреева в Ленинграде / Бросьте все другие дела, приведите доклад в годный для сдачи в печать вид и отправьте Андрееву)».

Так в 1954 г. появилась большая статья в академическом «Географическом сборнике» (Глускина 1954). Б.А. Ларин был горд за свою талантливую ученицу: «*Получил только что письмо от Л.С. Ковтун – почти целиком о Вашей статье в Сборнике Географического Общества. Я так рад за Вас, что сразу очистил стол от ежедневной порции «научного» силоса и принялся за письмо – милой Соне Глускиной. <…> Этот год посылает мне много нечаянных радостей, появление Вашей статьи, да еще с таким торжественным аншлагом – самая большая из них! Надо развить этот успех! Надо продолжать Вашу работу над переводом Меркатора и напечатать еще несколько статей по этому вопросу, – оставить прочный след, раз так высоко оценена Ваша работа там, где мы меньше всего ожидали*». Б.А. Ларин абсолютно справедливо предвидел актуальность работы Софьи Менделевны над «Космографией» в области исторической лексикологии, усматривая в этом формирование нового направления в лингвистике: «*Это важнее других Ваших начинаний, поверьте. Ведь скоро заинтересуются всерьез Вашей работой и языковеды. А их высокая оценка значения Вашей работы будет еще более нам всем приятна.*

Пора исследования истории научных понятий и терминов в России – почти уже настала <…>. А работы типа лексикологических штудий С. Глускиной станут обычными и многочисленными».

Кто знает, как сложилась бы дальнейшая научная биография С.М. Глускиной, если бы исполнились предначертания Учителя: «*Главный вывод – надо с еще большей энергией приниматься за продолжение исследования языка Космографии, разве не очевидно, как много интересного оно сулит филологам различных специальностей!*» «*Дорогая Соня, желаю Вам сделать свежие наблюдения о числительных в древнерусском языке и вернуться еще к своей неисчерпаемой Космографии. Не следует забрасывать так хорошо начатую и богатую различными применениями и ответвлениями работу. Теперь за Вами долг перед советской наукой – расширить и укрепить этот захваченный у историков, литературоведов и географов плацдарм лингвистического наступления*».

Но Софья Менделевна после окончания аспирантуры в 1947 г. приехала в Псков, став преподавателем пединститута (первый личный листок по учету кадров ПГПИ из личного дела датирован 4 августа 1948 г.), где начался другой период биографии – многолетняя экспедиционная деятельность по созданию картотеки Псковского областного словаря, участию в составлении и редактировании этого словаря и исследованию псковских говоров.

Обращение к другой проблематике было обусловлено, по-видимому, с одной стороны, невозможностью постоянной работы с источниками в крупных столичных библиотеках, а с другой – пониманием важности дела, начатого Б.А. Лариным по созданию новаторского словаря. Осмысление нового, никем не описанного псковского материала, осознание уникальности самой историко-культурной и языковой среды Пскова потребовали и исследовательского подхода такого уровня, какой уже был подготовлен предшествующей научной работой.

Блестящее начало научного пути, связанное с темой «космического» познания мира, международных отношений государственной важности и их отражения в личной судьбе

человека, языками, знание которых является путем к сближению и взаимопониманию, – все это не могло не проявиться в дальнейшем научном творчестве и преподавательской деятельности С.М. Глускиной. Как преподаватель, она не раз говорила об интернациональности науки, что сейчас представляется общим местом, а в прежние времена могло вызвать «подозрение» в космополитизме. Будучи талантливым ученым, труды которого достигли заслуженного признания в науке, С.М. Глускина глубоко понимала сам язык, его родство с культурой. Помимо исторической грамматики, Софья Менделевна преподавала языкознание на первом и выпускном курсах филологического факультета, что формировало у филологов цельное представление о языке, его истории, законах, связях с мышлением и обществом.

Литература

1. Атлант мировой картографии. // URL: http://expositiov.nlr.ru/map_merkator/index.php
2. Барандеев А.В. История с географией в терминах: Книга для учителя. М.: Логос, 2005. 248 с.
3. Барандеев А.В. Русские космографии XVI–XVII вв.: библиография // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. 2003. С. 105–111.
4. Белоброва О.А. Космографии // Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. М.: Просвещение, 1996. // URL: http://ksana-k.ru/Book/oldruss/main.html
5. Белоброва О.А. Космография // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1 (А–К). Л.: Наука, 1988. С. 493–494.
6. Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Автореф. дис. … канд. истор. наук. М., 2002.
7. Болдырева Н. Атлас царского духовника. О чем может рассказать уникальный экспонат Исторического музея // Родина. 2016. № 216 (2). // URL: https://rg.ru/2016/02/19/rodina-atlas.html
8. Глускина С.М. «Космография» 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. III. История географических знаний и

географических открытий. Географическое общество СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С.79–99.
9. Глускина С.М. Космография Богдана Лыкова 1637 г. (История текста и наблюдения над языком): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Л., 1949. 11 с.
10. Глускина С.М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Уч. зап. ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. II. Сб. статей. Псков, 1954. С. 186–243.
11. Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Вып.8. М.: Книга, 1963. С. 179–244. См. об этом: Барандеев 2005: 39.
12. Николенкова Н.В. Русская географическая терминология во «Ввождении в Космографию» лингвистический аспект // Историческая география. Том 3 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2016. С. 108–146.
13. Умбрашко К.Б. А.И. Андреев о картографических источниках Сибири первой четверти XVIII в. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2008. Т. 2. № 2. С. 256–260.
14. Фаизов С.Ф. Богдан Лыков – дипломат и писатель (XVII ст.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 330–332. // URL: http://textarchive.ru/c-2073659-pall.html

УДК 81'367.627

И.Н. Дьячкова
(Петрозаводск, Россия, gyla4@yandex.ru)

Вклад С.М. Глускиной в изучение истории русских числительных

В статье рассматриваются работы С.М. Глускиной, посвященные истории становления русских числительных как части

речи. Определяется общетеоретическое и практическое значение трудов исследовательницы в разработке этого вопроса.
Ключевые слова: С.М. Глускина, грамматика, история русского языка, числительные.

I.N. Dyachkova

The Contribution of S.M. Gluskina to the Study of the History of Russian Numerals

The article discusses S.M. Gluskina's works on the history of the evolution of Russian numerals as a part of speech. The article determines theoretical and practical relevance of the researcher's works about this issue.
Key words: S.M. Gluskina, grammar, history of the Russian language, numerals.

В данной статье речь пойдет о работах С. М. Глускиной, которые, судя по известным нам публикациям, посвященным ее научной деятельности, обычно если и не остаются совсем без внимания, то явно оказываются на его периферии. Это, на наш взгляд, кажется не вполне справедливым, поскольку плохо соотносится с тем фактом, что любой исследователь, хоть сколько-нибудь серьезно интересующийся числительными в русском языке, обязательно обращается к этим источникам (см. например, исследования и статьи А.Е. Супруна, М.Н. Приемышевой, О.Ф. Жолобова, С.В. Рябушкиной и др., в том числе и автора настоящей работы). Мы говорим о трех статьях исследовательницы, написанных и опубликованных в 1955–1961 годах в издании «Ученые записки» Псковского государственного педагогического института (Глускина 1955, 1957, 1961). Обозначим подробнее тематику этих работ и хронологию их появления: статья «К истории составных числительных в русском языке» (1955 г.); статья «Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка (К истории сложения числительных в часть речи)» (1957 г.); статья «Сложные числительные в истории русского языка (О превращении словосочетаний, обозначавших числа, в слова)» (1961 г.).

Чтобы объективно оценить самостоятельность идей и наблюдений С.М. Глускиной, отраженных в этих работах, новизну привлеченного ею фактологического материала (о чем будет говориться ниже), нужно иметь представление о том, в каком состоянии находилась в 1950-х гг. научная разработка того вопроса, к которому обратилась исследовательница. Важно понимать, что историческая проблематика числительных была представлена в это время только в общих курсах истории русского языка, ей занимались в основном попутно, хотя несомненно, что многие из этих «попутных» замечаний, которые оставили в своих «записках», «комментариях», «курсах» А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.А. Булаховский, П.Я. Черных и др., не теряют своей значимости до настоящего времени и создают почву для дальнейших научных поисков. Известно, что к ряду аспектов эволюции числительных (истокам их морфологической пестроты, фактам «онаречивания» нумеративов, развитию семантики собирательных числительных и др.) также обращался В.В. Виноградов в своем фундаментальном труде «Русский язык» (1947 г.).

Вместе с тем если говорить о специальных исследованиях, которые бы были посвящены только числительным, то необходимо отметить, что на тот момент, когда ими занималась С.М. Глускина, таких работ почти не было. Исключение составили кандидатская диссертация Г.И. Матвеевой, в которой рассматривались числительные в русских говорах, и две статьи А.Е. Супруна о синтагматике нумеративов и сложных словах с корнями числительных в русском языке, отсылки к которым находим в анализируемых статьях (в последней статье обозначена также его монография «О русских числительных»). Упоминаются в этих отсылках и отдельные публикации, посвященные числительным в украинском языке и его диалектах (работы М.П. Ивченко, И.О. Дзендзелевского). Пожалуй, обозначенными выше источниками и исчерпывается тот научный фундамент, с опорой на который проводила свое исследование С.М. Глускина.

Чтобы укрепить эту опору, исследовательница собирает для своей работы огромный (в масштабе требований к научным

статьям) фактологический материал, представляющий разные локальные разновидности русского литературно-письменного языка донациональной эпохи, особенно объемной база исследования представляется в последней по времени работе 1961 года, рассматривающей вопрос об истории сложных числительных. Как отмечает сама С.М. Глускина, основу этой базы составили в основном деловые документы – в первую очередь памятники актовой и бытовой письменности Пскова и Новгорода, а также целого ряда других русских территорий – Архангельска, Перми, Верхотурья, Нижнего Новгорода, Симбирска. Активно используются в статьях и данные московских деловых документов (статейные списки русских послов, памятники деловых и торговых сношений с Персией, дела Тайного приказа и некот. другие). Значительное место среди проанализированных С.М. Глускиной памятников занимают повествовательно-летописные произведения: Новгородская первая летопись, Лаврентьевская летопись, конечно же – Псковские летописи (в изданиях М. Погодина, А. Н. Насонова (вып. 1–2)), находим среди них также Житие протопопа Аввакума. По всей видимости, исследовательница обращалась за материалом и к другим древнерусским текстам, например «Слову о полку Игореве», «Хожению за три моря», где, по ее словам, не были обнаружены соответствующие данные (Глускина 1961: 6). В целом к работе были привлечены около 30 разнообразных источников, и, хотя статистическая обработка материала специально не проводилась автором (в работе только есть пометы – часто, редко, очень редко и под.), можно только представить, каким значительным было количество собранных примеров, если учесть, что «по рассмотренным памятникам проведена полная выборка» (Глускина 1961: 6) и что в некоторых из них числительные могут встречаться неоднократно в пределах одной страницы.

Добавим, что, подобно А.А. Потебне, А.А. Шахматову, А.Е. Супруну, С.М. Глускина активно включает в свою работу сведения об эволюции числительных и ее результатах в других родственных славянских языках, для чего в плане сопоставления обращается к показаниям исторических источников деловой

письменности и летописных памятников Юго-Западной Руси, а также к фактам современной грамматики украинского, белорусского, чешского, болгарского, польского языков.

Например, чтобы проиллюстрировать зависимость интенсивности и степени преобразования сложных числительных от употребительности числа и типа синтаксической связи между компонентами его названия, исследовательница стремится подчеркнуть глобальный характер проявления этой закономерности, отмечая, что наибольшие изменения не только в русском, но и польском, чешском, болгарском затронули названия чисел ‘11’–‘19’ (т.е. самые употребительные, где древняя форма с *-десет, -десять* была утрачена и только в болгарском осталась как вариант при новой *дванайсе(т)*), в меньшей степени этот процесс затронул сложные наименования десятков с исконной связью управления (‘50’–‘90’), где процесс лексикализации замедлился меньшей употребительностью и перестройкой словоизменения от управления к согласованию (*пятидесятъ – пятидесяти*), еще меньше это коснулось малоупотребительных наименований сотен, которые до настоящего времени «продолжают сохранять в славянских языках некоторые признаки словосочетания» (Глускина 1961: 32).

Характеризуя привлекаемый иллюстративный материал, нельзя не отметить также показания диалектной речи, которые использует исследовательница. Так, комментируя в своей статье о роде числительных словоупотребление Ломоносова «*каждую осмь минут*» (Глускина 1957: 205), она, хотя и осторожно (со знаком вопроса), предполагает связь этого факта с родным холмогорским диалектом ученого, в котором А.А. Шахматов фиксирует идентичные явления еще в начале XX века. Подобный принцип анализа позволяет исследовательнице выделить на разных синхронных срезах как общерусские, так и узколокальные явления, особенно это находит применение в ее комментариях, если существование каких-то из этих явлений не подтверждается для большинства источников. Оговоримся, что предположение по поводу холмогорского говора позволило лично нам при написании диссертации найти разумное

объяснение для других фактов атрибутива женского рода при числительных в языковой практике Ломоносова, обнаруженных, в частности, в материалах к его «Российской грамматике». Примеры типа «*эта десять, наша пять*» (Ломоносов 1957: 768), которые хотя и были зафиксированы грамматистом, но в итоге остались за пределами окончательного текста, мы также интерпретировали для XVIII века как регионализмы. Предполагаем, что схожая характеристика подобных примеров в результате и не позволила Ломоносову включить их в грамматику литературного языка.

Рассматривая материалы, собранные С.М. Глускиной, остановим внимание также на некоторых редких фактах истории русских числительных, нашедших отражение в ее статьях. По нашему мнению, к таковым необходимо отнести примеры типа *пять попы* (этот пример взят у Б.А. Ларина из грамматики Лудольфа), а также *четыре времена года, 5 министры, 6 министры, 5 омбуцъраты*, которые были обнаружены автором в деловых документах Петровской эпохи (Глускина 1957: 219). Исследовательница отмечает недостаточную достоверность указанных явлений, предполагая, что источники, из которых они были извлечены, могли составляться иностранцами, как в случае с примером Ларина. Любопытно, что, собирая материал о русских числительных в XVIII веке, мы также столкнулись с такими употреблениями в письменности первой трети столетия (у нас 7 употреблений с числительными типа *пять* и 44 (!) случая с ‘2’–‘4’: *два круги, два пороки, три телеса, три месяцы, четыре гении* и др.) (Дьячкова 2010: 72–73, 84–85). Безусловно, что все указанные факты нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении. По словам С.М. Глускиной, их подтверждение могло бы свидетельствовать о тенденции к «полной десубстантивации числительных» (Глускина 1957: 219) на определенном этапе их развития. Вместе с тем эта тенденция оказалась явно слабее стремления к расподоблению у нумеративов прямых и косвенных падежей, которое в итоге закрепилось в их современной грамматике.

Совершенно другое (если не противоположное) направление эволюции нумеративов демонстрирует еще один уникальный случай из материалов С.М. Глускиной, обнаруженный ею под 1481 годом в Псковской летописи: «*и взяша* ***города Немецкаго два*** *да Каркусъ да Вельядъ город*» (Глускина 1957: 216), где атрибутив явно отражает понимание формы *города* как Р.п. ед.ч. В XVIII веке мы тоже зафиксировали два подобных случая: один – в переводах В.К. Тредиаковского (*четыре человеческаго века* («Аргенида»)), другой – в материалах к грамматике Ломоносова с пометой *не* (*четыре диаметра лунныхъ* – **не** *четыре диаметра луннаго*) (выделено мной. – И. Д.) (Дьячкова 2010: 80). Насколько указанные явления были распространены в языке донационального периода и Нового времени, исследователям еще предстоит выяснить.

Если подвести итог всему вышесказанному, нельзя не согласиться с оценкой А.Е. Супруна, который определил первую статью С.М. Глускиной как «содержательную работу» (Супрун 1959: 21). Думаем, что то же он, без сомнения, мог сказать и о ее последующих публикациях, которые готовились к изданию параллельно с его трудом «О русских числительных», из которого мы взяли эту цитату.

Необходимо отметить, что содержательность обсуждаемых работ далеко не исчерпывается их практической составляющей: в ней высказываются очень важные соображения общетеоретического характера, которые находят отражение и развиваются в позднейших исследованиях, посвященных числительным. Так, принимая во внимание мысль А.А. Потебни о раздельном представлении частей сложного числа в архаичных культурах, С.М. Глускина дает свое понимание этого разделения, связывая значение отдельных разрядов сложных и составных числительных с семантикой меры. «В древнерусском языке сохранились следы иного, более примитивного восприятия чисел, при котором каждый разряд представлялся особой единицей счета, своеобразной мерой. По-видимому, первоначально большое число складывалось из нескольких **одинаковых** (пять**десят**, три**ста** и т.п.) или **различных (сто**

десять, шестьдесят два и т.д.) разрядов – мер» (выделено автором. – И. Д.) (Глускина 1955: 115). При таком понимании дальнейшая история данных числительных мыслится как постепенный отрыв от этой предметности, приобретение ими типичных числовых значений как различных совокупностей одних и тех же единиц. Отметим, что к указанной трактовке эволюции сложных и составных наименований чисел обращались в дальнейшем и в целом поддерживали ее А.Е. Супрун, Л.Д. Чеснокова, О.Ф. Жолобов (см. и в нашей работе).

Значимо, что все частные явления в истории числительных С.М. Глускина старается представить как составляющие единого процесса «совершенствования, абстрагирования этой части речи», она оговаривается, что в лингвистической литературе ее времени хотя и упоминаются многие особенности числительных, но «нигде не ставится вопрос о внутренней связи этих особенностей» (Глускина 1955: 114). Такая постановка вопроса позволяет автору увидеть следы грамматического обособления числительных в целом ряде явлений, например в таком, как утрата категории рода. С.М. Глускина убедительно доказывает, привлекая объемный фактический материал, что с этим процессом на определенном историческом этапе конкурирует другая тенденция – распространение женского рода атрибутивов на все числительные без исключения, в том числе сложные и составные (*за всю за 24 пуда, ту четыриста рублевъ* и др.). Тенденция к утрате рода, по мнению исследовательницы, в итоге победила потому, что более соответствовала процессу десубстантивации русских нумеративов. С.М. Глускина приводит в пример и другие частные проявления этой направленности (Глускина 1961: 20): вслед за В.В. Виноградовым подтверждает ее выражение в многочисленных «ошибках», связанных с употреблением сложных и составных числительных в современной речи (*шестидесятью*, диал. (псков.) *семдесяти*); видит ее в существовании целого ряда фактов, актуальных для более

ранних эпох (см. выше пример *5 министры,* а также случаи типа *конным пятдесят человеком* (Верхот., XVI в.)).

Важно отметить, что выявление основных направлений в эволюции числительных, которое определяется и реализуется в статьях С.М. Глускиной как сверхзадача, впоследствии становится отправной точкой во всех общетеоретических построениях относительно истории и современного состояния слов-нумеративов. Значимо, что на целый ряд проблем, касающихся указанной области, исследовательница дает собственный взгляд, уточняя, а в ряде случаев даже оспаривая мнение таких своих предшественников, как А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский и др.

Несмотря на полувековую давность, работы о числительных С.М. Глускиной, безусловно, и сегодня представляют интерес для специалистов, являясь исследованиями высокого научного уровня.

Литература и источники

1. Глускина С.М. К истории составных числительных в русском языке // Ученые записки ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. 3. Сб. статей. Псков, 1955. С. 111–134.
2. Глускина С.М. Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка (К истории сложения числительных в часть речи) // Ученые записки ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. 4. Сб. статей. Псков, 1957. С. 199–222.
3. Глускина С.М. Сложные числительные в истории русского языка (О превращении словосочетаний, обозначающих числа, в слова) // Ученые записки ПГПИ им. С.М. Кирова. Вып. 7. Сб. статей. Псков, 1961. С. 5–34.
4. Дьячкова И.Н. Числительные в русском литературном языке XVIII века / Под ред. проф. Л.В. Савельевой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 236 с.
5. Ломоносов М.В. Материалы к «Российской грамматике» // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 590–760.
6. Супрун А.Е. О русских числительных. Фрунзе: Киргизский гос. ун-т, 1959. 172 с.

УДК 811.161.1

Л.Я. Костючук
(Псков, Россия, anh57@yandex.ru)

Особенности псковских говоров в аспекте пространства и времени (к вопросу фиксации и интерпретации)

В XIX в. уже были замечены псковские особенности. В.И. Даль на фоне наречий великорусского языка выделил псковское. Слова типа **всегли** в псковских памятниках серьезно занимали А.А. Шахматова, А.И. Соболевского. Создание новаторского Псковского областного словаря и научное обоснование специфики говоров идут рядом. Классические исследования С.М. Глускиной по диалектологии, истории языка служат образцом подхода к материалу; заставили признать правоту открытий исследователя-ученого.

Ключевые слова: классические открытия, выводы; Псковский областной словарь с историческими данными; синхрония, диахрония; свое, чужое; уникальность черт говоров.

L.Ya. Kostyuchuk

Pskov Dialect Peculiarities in Terms of Space and Time (Recording and Interpretation)

Pskov peculiarities were noted as early as in the 19th century. Vladimir Dahl picked the Pskov dialect out of Great Russian Language dialects. Alexei Shakhmatov and Alexei Sobolevsky were seriously interested in words like “**всегли**”. The idea of the innovative Pskov Regional Dictionary comes along rationale for the dialect specificity. Classic research in dialectology and history of the language conducted by Sofya Gluskina set the pattern of data handling and resulted in unavoidable acknowledgement of her academic discoveries.

Key words: classic discoveries, conclusions; Pskov Regional Dictionary with Historical Data; synchrony, diachrony; own, foreign; uniqueness of dialect peculiarities.

Такой словарь, как «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС), задуманный Б.А. Лариным как диалектный словарь полного типа с привлечением и

общерусских слов в системе местных говоров и как диалектный исторический с фиксацией регионализмов, оказался в середине XX в. очень своевременным и уникальным, и выстоял в жестоких дискуссиях в начале своего пути. Через отражение многогранного псковского слова словарь свидетельствует о тысячелетних непосредственных связях древних псковичей с соседними народами – носителями языков разных систем. Об этом писал Б.А. Ларин в 1963 г. (Ларин 1967: 3). В послевоенное время проявился обостренный интерес к диалектологическим исследованиям, к собиранию фактов народной речи, объяснению причин ее своеобразия. Диалектологам и историкам языка становились известными исследования, приведшие и к новому пониманию, интересному решению того, что занимало ученых еще в XIX – начале XX в. и касалось, в частности, и псковских говоров, с их неизвестными до того особенностями, обнаруженными при работе над ПОС. Усилились контакты исследователей в таком уникальном многоязычном регионе, как Псковская земля, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия с учетом и польского языка. Важную роль в развитии научных связей сыграла и первая Псковская конференция 1960 г. под руководством Б.А. Ларина с обсуждением «Инструкции Псковского областного словаря» (Ларин 1962: 252–271), значимой по содержанию и строгой по научным принципам относительно сохранения и фиксации народной речи. Регулярные диалектологические конференции в Тарту, Риге, Вильнюсе, Пскове объединяли участников из многих городов нашей страны и из-за рубежа.

Напомним некоторые редкие особенности псковских говоров и судьбу научного внимания к ним. Одна из них – отсутствие упрощения общеславянских сочетаний согласных ***dl**, ***tl** в ***l** до сих пор обнаруживается не только в новых исторических источниках для ПОС, но и в современных говорах, начиная с XIX в., и бережно отражается в словарных статьях ПОС.

Жеречло́[1] вместо **жерело́** как первый омоним в 7 из 9 разных значениях в современных записях и в одном памятнике.

Примеры современного функционирования: 1. Узкий выход из залива в озеро, горло. ***Жырягло́*** *къла Раскопе́ли в о́зири ни замирза́е никагда́, ни гара́с шыро́къ ме́ста, вада́ пирихо́дя взат-фпирёт.* Гд.; 9. Жабры рыбы. *Ры́бы ды́шат* ***жэрагло́м***. Печ. В этом случае зафиксирован и фонетический вариант ***жерогло́***.

В писцовых книгах XVI в. (историческая часть статьи): 3. Устье реки. *А ловять тѣ ловцы владычни…оть Заячью острова от* ***жерегла*** *малым частым неводомъ, а къ Заечью отъ* ***жерегла*** *не ловят нихто*. Кн. писц. I, 93, 1585–1587 гг. (ПОС 3: 211).

Второй омоним **жерегло́**[2] с тремя значениями. Пример первого значения: 1. Жало пчелы. *Вот, ба́бы, кака́я в мяня́ была́ ака́зия: е́ла мёт, и язы́к ста́ла бо́лька,* ***жырягло́*** *там…* Гд. (Там же: 212).

При исследовании материала псковских грамот XIV–XV вв., в основном касающихся выяснения границ земельных владений, нам удалось понять слово **Могчило** (у автора публикации в примечаниях оно сопровождается знаком вопроса) (Марасинова 1966: 55–56): скорее всего это не как топоним, которому автор не нашел современной идентификации, так как, оказывается, при публикации он вставил выносную букву «**Г**» неудачно, а нарицательное псковское название **мочи́гло** со значением ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна при его обработке’. Это вариант слова с сочетанием **[гл]** к исходному варианту **мочи́ло**.

Объяснение именно сочетаний звуков [**гл**], [**кл**] в соответствующих местах псковских слов серьезно заинтересовало ученых еще в прошлом. Замечательно сказал об истории их открытия А.А. Шахматов в лекциях по русской диалектологии, которые он читал в Петербургском университете в 10-е годы XX в.: «Зоркой наблюдательности ученика А.И. Соболевского, Л.Л. Васильева, которого тяжелая болезнь вывела из рядов исследователей родной речи, наука обязана открытием в памятниках древнепсковского наречия таких написаний, как ***вегли*** вместо ***вели, сегли*** вместо ***сели, сустрекли*** вместо ***сустрели***» (Шахматов 2010: 53).

Эта черта отличает псковские говоры от всех говоров русского языка и в целом от других восточнославянских языков. Допустить последнее как непринадлежность псковских говоров к восточнославянскому А.А. Шахматов не мог. А влияние западного польского, о чем говорил А.И. Соболевский, казалось А.А. Шахматову объективно нелогичным: ведь даже в восточнославянском белорусском, находившемся долгое время в тесных контактах с польским, этого не произошло. Называя указанную черту результатом какого-то влияния «со стороны», ученый фактически оставил вопрос открытым (Там же: 53–56).

Так и оставалась непонятной замена древних общеславянских переднеязычных согласных соответствующими по звонкости / глухости заднеязычными. И, пожалуй, после очень важного «научно-революционного» открытия С.М. Глускиной несвершения только в псковских говорах второй палатализации заднеязычных на примере сохранения [**к**] вместо [**ц**] в словах (обозначающих важные для людей понятия) трех корней (***кеп-***, ***кев-***, ***кед-***) из вообще всего пяти-семи с заднеязычными перед [е] дифтонгического происхождения (а не в соответствующих словоформах) можно предполагать ту же причину и для [**гл**], [**кл**], которую убедительно обосновала С.М. Глускина в середине XX в. (Głuskina 1966: 475–482; Глускина 1968: 20–43). Приведем из данной статьи положения, важные для понимания некоторых и других уникальных черт.

Учитывая мнения специалистов (лингвистов, историков, археологов), проводя сопоставление разнообразных по структуре, содержательной значимости слов, имея исчерпывающий на момент исследования материал, исследователь перепроверил хронологию и создал гипотезу вынужденной достаточно длительной изоляции предков псковичей в середине первого тысячелетия н. э. от других славян (в этом помогла опора на выводы и археологов). С.М. Глускина пишет: «Отсутствие второй палатализации в северо-западных говорах русского языка показывает более определенную датировку этого явления. Археологи и историки в большинстве считают, что славяне осели в районе Ильменя, Псковского и Чудского озер в VI–VII вв. На этом основании

полагаем, что вторая палатализация протекала не во II–IV, а в VI–VII вв.» (Глускина 1968: 34–35). Но так так у славян началось диалектное членение, то процесс шел неодновременно: «Наиболее последовательно проведена вторая палатализация непосредственно перед новыми гласными переднего ряда», то есть дифтонгического происхождения (Там же: 35). Это освещение состояния во всем славянском мире

Соседство же с финно-угорскими племенами, в языке которых заднеязычные свободно сочетались (и сочетаются) с передними гласными, поддерживало несвершение второй палатализации у древних псковичей. (Это тот результат, который обоснованно получила С.М. Глускина, исследуя явления типа ***кеп-***, ***кев-***, ***кед-*** в современных псковских говорах.) Поэтому состоянию всех славян и противопоставлено положение предков псковичей: «…те славяне, которые рано осели на русском Северо-Западе (будущие новгородцы и псковичи), по-видимому, не пережили этого смягчения и в самом общем его виде, перед гласными переднего ряда». И затем после показа состояния «внутренней лингвистики» приходит указание роли «внутренней»: «Этому могли способствовать возникшие на месте нового расселения тесные контакты с западно-финскими языками, в звуковой системе которых были возможные сочетания заднеязычных с передними гласными» (Там же: 35).

В статье интересные наблюдения о дальнейшей судьбе результатов этого процесса при выравнивании основ в словоформах русского языка под влиянием аналогии. И С.М. Глускина предполагает, что наиболее активное выравнивание основ в московский период древнерусского языка могло поддерживаться речью псковичей со словами ***кеп***, ***кеди́ть***, ***шестике́пина***, ***кеви́на***, ***кевьё***, ***кепо́к***, ***кеж***, ***кветы́***, ***квете́ть*** и др., где исконно не было [**ц**]: «Общеславянская тенденция к унификации основы была поддержана северо-западными говорами, не знавшими второй палатализации» (Глускина 1968: 29). Отмечены как псковские слова на «**К**» и В.И. Далем, и «Дополнением к “Опыту областного

великорусского словаря”», и записями живой народной речи XX в., особенно его первой половины и середины.

В «Инструкции ПОС» есть пункт относительно слов типа ***кеп***: требуется создавать отдельные словарные статьи и на букву «**К**», учитывая особые требования и условия функционирования таких единиц. Познакомимся с выпуском 14 ПОС, содержащим отрезки на сочетание букв «**КЕ**».

Лексикализованные в системе современных говоров единицы способны создавать словообразовательные гнезда, проявляя активную семантическую деривацию, вплоть до омонимического расхождения однокоренных слов. Поэтому они помещаются на своих алфавитных местах, тем более с яркой местной особенностью в начале корня: облик слова узнаваем как различительный признак. Таковы многие слова корня ***кеп-*** с общей корневой семой ‘движение’, которое совершается соответствующим приспособлением для трудовой деятельности:

– при ручном обмолоте зерна: ***кеп***[2], ***кепáк***, ***кéпеть***, ж.р., ***кепéц***, ***кепéтик***, ***кипи́чик***;

– при работе с ткацким станом, шитьем: ***кеп***[1], ***кéпина***;

– расширительно об ударе вообще: ***кéпать*** (глагол).

Слова с корнями, изученными С.М. Глускиной, сохраняют в современных псковских говорах статус самостоятельных слов с древним, исходным планом выражения, раз они активны в проявлении и развитии своих лексических качеств. Слова же с этим корнем со звуком [**ц**]-общеславянским (*цеп* и др.) рассматриваются как синонимы к словам с древнейшим [**к**], поскольку у каждой лексемы своя система семантических отношений (ПОС 14: 96–97).

При этом даже наблюдается частично семантическое тождество с исходно другим корнем. Например:

КЕП[2]**,** а, м. 1. Ручное орудие для молотьбы из рукоятки и подвижного била, цеп. После примеров с пометой «*ср.*» (то есть «сравни») вводится 12 синонимов, из них 2 с корнем ***кев-***, который обычно предполагает отнесенность слов-терминов к действиям, связанным с ткацким станом: ***кевáлка***, ***кевéц***[1].

2. Часть цепа, короткая палка, ударяющая по снопам. <…> После примеров с пометой «*ср*.» вводится из 13 синонимов 3 с корнем ***кев***-: ***кеве́ц***[1], ***кеви́на, кево́к***.

3. Ручка цепа. <…> После примеров с пометой «*ср.»* вводится из 4 синонимов 2 с корнем ***кев***-: ***кеви́на, кевь***. (ПОС 14: 96).

И каждый из синонимичных «перекрещивающихся» рядов с исходно разными корнями разрабатывается и на своих алфавитных местах как отдельные слова.

Если же не наблюдается такой развитой лексико-словообразовательной системы у слов с корневым начальным звуком [**к**], то «своя» древняя лексема трактуется лексикографами в словаре как вариант к более употребительному слову с общеславянским обликом – планом выражения – со звуком [**ц**]. Например:

Кеди́лка см. **цеди́лка**;

Кеди́ть см. **цеди́ть** (ПОС 14: 93)

Это отсылочные строки на своем алфавитном месте, а разработка семантики слова состоится в выпуске на букву «**Ц**», в которой среди иллюстраций будут приведены и иллюстрации с лексемой со звуком [**к**]. В конце статей на слова с корнем *цед*- с красной строки будет дано соответствующее указание на вариант: Вар. **кеди́лка**.

Выводы лингвиста С.М. Глускиной активно поддержал известный археолог-славист В.В. Седов, поскольку они объективно соответствуют его теории о приходе кривичей из Средней Европы как раз в то же время середины первого тысячелетия на восток к водному массиву псковских озер в поисках лучших условий жизни. Пройдя сквозь территорию древних балтов и финно-угров, кривичи (предки псковичей) оказались в изоляции от других славянских племен (Седов 1994; 1995).

Теперь очевидно, что высказанная С.М. Глускиной гипотеза причины уникальности черты типа ***кеп*** только у псковичей заключается в том, что в соответствующее время, в соответствующем месте соседние финно-угорские языки как образец с сочетаниями заднеязычных согласных с передними

гласными поддержали состояние славянской речи у древних псковичей. И эта причина способна объяснить и другое явление: откуда у псковичей явление типа ***блюгл*** вместо ***блюл***, ***егла*** вместо ***ель*** и под.

Ведь ближайшими с древнего периода соседями у древних псковичей были балты (латыши, литовцы), в языках которых есть «свои» сочетания [**gl**], [**kl**] в общих со славянами корнях: литовские слова *eglé* ‘ель’, *gerklé* ‘горло’; латышские *egle* ‘ель’, *dūmeklis* ‘дымовая труба’ (это подтверждает теорию «балто-славянского единства» до самостоятельного выделения славян и балтов). Естественно, у балтов много и «своих» слов с указанным свойством: литовские *deklé* ‘ранец, сумка’, *duoklé* ‘по́дать’ и др.

Вопреки лингвистическим дискуссиям на тему открытия С.М. Глускиной отсутствия в древности второй палатализации в древних псковских говорах, им заинтересовался польский ученый З. Штибер, который сразу опубликовал статью автора ранее даже выхода в свет на родине. Уважаемый А.А. Зализняк признал первенство Софьи Менделевны, назвав свершившееся «эффектом Глускиной» (сказав об этом в письме к автору). А затем на основании этой и других уникальных псковских языковых черт посчитал возможным в своей теории древнего диалекта использовать уже термин «древний псковско-новгородский диалект» (см. Зализняк 1995).

Новые источники, содержащие сведения по псковской народной речи XVI–XVII вв., обогатили иллюстрациями историческую часть ПОС. Прежде всего это русско-немецкие разговорники, составленные немецкими купцами для торговцев, ведших торговлю с Русью через Псков в пределах ганзейских отношений. Текстами являются записи диалогов с псковичами на разные темы. Назначением таких трудов было оказание помощи немецким купцам в знакомстве с русской речью. Информанты оказались носителями псковских говоров, поскольку разговорники позволили выявить много разнообразных псковских особенностей, важных и потому, что они подтверждают уже известные типично псковские, и потому, что некоторые пока еще не встречались в живых современных

говорах. Потом же, помимо разговорников, найденные в них интересные черты были обнаружены и в некоторых местных, псковских грамотах. Подчеркнем, что составители разговорников – иностранцы – хорошо улавливали особенности чужого диалектного языка и умело отражали, фиксировали их на письме своей изобретенной системой латиницы.

Сейчас отметим то, что связано с когда-то загадочными [**гл**], [**кл**], назвав и составителей разговорников: Тони Фенне (1607 г.) и Томас Шрове (XVI в.). В диалогах много словоформ прошедшего времени мужского рода единственного числа от глаголов с корнем ***чет***- / ***чт***-, содержащим сему ‘счет, считать(ся)’, поскольку отражается важная тема – торговля. При исследовании текстов обнаружилось много похожих реплик: предполагается, что был какой-то ранний протограф.

Составители, особенно Т. Фенне, приводят ряд синонимов – разнокоренных и однокоренных: *Я с тобой* ***розлезлесь*** */ росплатился / смолвился /* ***розочклесь****, да я тобѣ не* ***виновате*** (Разговорник Т.Ф., 343, 1607 г.); *Я с тобой управился /* ***сочклесь*** *да тобѣ отплатил*» (Там же): «*Помысли, что ты мнѣ вчерась сулил: ты хотел мнѣ товар поблюсть, да не* ***поблюгл****, да нынѣча ты иному продал, ты своёму слову не осподарь* (Там же: 289). (Так как в издании Разговорника Т. Шрове нет транслитерации на кириллицу, то в данной статье не приводим примеров из этого памятника.)

В первой и второй реплике выделены глаголы с разными приставками, но однокоренные с корневым вариантом ***чт***- (с нулем гласного звука), поэтому при наличии суффикса -***л***- в прошедшем времени в древности сочетание переднеязычного взрывного глухого [**т**] и плавного [**л**] видоизменилось по выясненной уже причине в [**кл**].

В третьей реплике подобное наблюдается в такой же словоформе, но с корнем ***блюд***-: звонкая параллель изменяется в сочетание [**гл**].

В этих же репликах была замечена черта, которая в Разговорнике Т.Ф. чаще встречается одновременно с сочетанием [**кл**] у возвратных глаголов прошедшего времени (эта словоформа именная по происхождению – краткое

действительное причастие с суффиксом *-л-* мужского рода единственного числа). В первой же реплике встретилось краткое прилагательное ***виновате***, тоже именная форма с указанными категориями рода, числа. В этих единицах присутствует необычное ***-е*** в качестве окончания. Как установил А.А. Зализняк, это новгородская черта (наличие конечного ***-е*** вместо положенного ***-ъ***), обнаруженная в новгородских берестяных грамотах. До этих случаев в Разговорнике Т.Ф. мы обнаружили подобное в подлинной псковской грамоте конца XV в. – духовной Акилины, жены псковского князя: в словосочетании *моужь* ***Федоре*** (Марасинова 1966: 73).

А.А. Зализняк писал: «Оппозиция “новгородское окончание ***-е*** – ц.-сл. и стандартное др.-р. окончание ***-ъ***”, конечно, хорошо осознавалась новгородскими книжниками (и вообще грамотными людьми). Они несомненно умели делать соответствующий морфологический пересчет, когда хотели писать в книжном или официальном стиле. В подобных случаях отдельные словоформы с ***-е*** могли проскальзывать в текст лишь по недосмотру» (Зализняк 1995: 83).

И тогда возникает все-таки загадка: как эта особенность отразилась в типичной псковской грамоте и тем более буквально находится рядом с такой уникальной псковской чертой, как [**кл**], [**гл**] в разговорниках с псковскими текстами? Когда много лет назад один научный сотрудник Института русского языка, работая над своей темой, обратился с просьбой поискать указанное ***-е*** в современных псковских говорах, мне не удалось этого найти. Тем более обрадовали, удивили и поставили вопрос факты из Разговорника 1607 г. и из грамоты конца XV в.

Данный пример, показавший роль разных источников в получении, подтверждении, иногда случайном обнаружении неизвестного материала свидетельствует о научной значимости того направления в науке XX века, который обосновал и защитил Б.А. Ларин как использование иностранных источников с записями отечественной разговорной речи прошлого в ее изучении. В течение нескольких десятилетий ученый работал над расшифровкой, изучением с

использованием данных современного литературного и диалектного русского языка для адекватного истолкования и представления к публикации записанного много веков назад нерусскими. Так создались образцы методики для будущих кропотливых исследований. А современное переиздание учениками Б.А. Ларина в одном томе с тщательной подготовкой к печати трех его трудов сделало все это доступным для желающих познавать разговорную русскую речь прошлого (Ларин 2002).

Как видно из многих значимых исследований XX века, псковские говоры как одни из восточнославянских складывались и развивались в своеобразных временных и пространственных условиях, в которых оказались их носители. Поэтому подходить к псковскому материалу даже при как будто простом лексикографическом описании и представлении слова в «Псковском областном словаре с историческими данными» невозможно без учета истории, объяснения, понимания многих фактов, которые обнаруживаются прежде всего в плане выражения лексемы. За этим может стоять богатое лингвоэтнографическое, палеолингвистическое и другое прошлое, которое иногда вызывает некоторые повторяющиеся современные проявления. И нежелательно смешивать их или пренебрегать ими при подаче в словаре.

Разобраться в этом помогает, в частности, «Инструкция Псковского областного словаря», которая берет начало от всесторонне продуманной Б.А. Лариным «Инструкции» в конце 50-х – самом начале 60-х гг. XX в. (Ларин 1961; 1962: 252–271). Время, новый материал записей псковской народной речи, развитие научных подходов вызвали вторую редакцию этого труда (Инструкция 2014: 5–67), а недавно создана и третья, в которой много интересного и даже обновленного после коллективного решения и обсуждения (выйдет в составе находящегося в печати выпуска 27 ПОС).

Назовем только одну своеобразную современную особенность псковских говоров, которую было решено специально подчеркнуть, выделив в отдельный пункт в разделе,

посвященном фактически проблеме вариантности или отдельности слова.

Это довольно распространенная псковская произносительная черта: усиление тенденции к сокращению плана выражения за счет ослабления, исчезновения некоторых звуков в определенных условиях, а в результате иногда происходит и перенос ударения, речевое удлинение некоторых гласных. И в результате восприятие такого произношения создает внешнее впечатление высокого, книжного слова: *Он ма́лец-та* ***младо́й****, но* ***злато́й****.* Вл. В бытовой же быстрой речи это нейтральное, именно произносительное явление (= *молодо́й, золото́й*), которое условно можно было бы назвать «новым неполногласием». В таких случаях проявляется нестандартное, необычное фонетическое чередование. (В статье не приводим анализа разных «путей»-условий к такому результату.)

Нам пришлось наблюдать и фиксировать (о чем в данной статье сейчас не говорим) подобные факты сначала в материнских псковских говорах, а затем и в переселенческих старообрядческих (псковских по происхождению) за рубежом по хорошим, научно грамотным записям диалектной речи, исполненным в транскрипции с указанием и ударения. (К сожалению, многие сборники с диалектными записями народной речи из разных регионов издаются в последние годы без этого, непременного в прошлом, требования. Поэтому важна и справедлива ларинская так называемая упрощенная транскрипция, рекомендованная для ПОС.)

Конечно, объективные условия «внешней лингвистики» в XX (с его середины) – XXI вв. уменьшают активность проявления ярких псковских особенностей в речи современных диалектоносителей. И первооткрывателем их в XX в. была С.М. Глускина: прежде всего это несвершение второй палатализации (Глускина 1968: 20–43), своеобразие звука [**ch**] в псковских говорах (Глускина 1962: 28–57). Б.А. Ларин застал только доклад и публикацию работы о звуке [**ch**], поскольку он и руководил первой Псковской диалектологической конференцией в 1960 г. В «Предисловии» к сборнику он высоко оценил этот труд Софьи Менделевны: «Историко-

сравнительные разыскания С.М. Глускиной обогащают историческую фонетику русского языка» (Ларин 1962: 3). Что очень важно, С.М. Глускина своими выводами, обнаружением причин некоторых необычных особенностей в псковских говорах создала базу для понимания и сложнейшего факта сочетаний [**кл**], [**гл**], известного, как и несвершение второй палатализации, только в народной речи псковичей.

В современных походах за словом приходится учить молодых собирателей-студентов не откидывать ни одного удивительного и как будто ошибочного, случайного вида у слова. Так, недавно в записях для «Лексического атласа русских народных говоров» обнаружено было только одно употребление названия *клещ* для рыбы лещ. Это, видимо, невольно «гиперправильное» [**кл**] с позиции псковского диалектоносителя, но, как менее активное сейчас присутствие этой черты в речи, заменило исконное [**л**] в неположенных условиях начала слова.

Когда встречаешься в диалектном материале с необычным, начинаешь искать ему аналогии в других источниках. Так и этот факт был обнаружен в двух новгородских берестяных грамотах, исследованных А.А. Зализняком.

Столкновение же в одном и том же месте псковских источников двух как будто до сих пор несовместимых явлений (типично псковское [**кл**] и новгородское именное окончание ***-е*** вместо ***-ъ*** в именных формах мужского рода) оставляет простор для продолжения поисков и обоснования.

Литература и источники

1. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [**ch**] в псковских говорах // Псковские говоры. I: Труды первой диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. С. 28–57.
2. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II: Труды второй диалектологической конференции 1964 года. Псков: ПГПИ, 1968. С. 20–43.

3. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 1995.
4. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 5–67.
5. Ларин Б.А. [Предисловие] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. С. 3.
6. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. Л.: ЛГУ, 1961.
7. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. С. 252–271.
8. Ларин Б.А. Предисловие // Псковские говоры. I: Труды первой диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. С. 3–4.
9. Ларин Б.А. Три источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: СПбГУ, 2002.
10. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: МГУ, 1966.
11. Седов В.В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994.
12. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995.
13. Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б.А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.
14. Głuskina Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // Sławia Orientalis, rocz. XV. № 4. Warszawa, 1966. S. 475–482.
15. Schroue T. “Einn Russisch Buch”. Cz. II. Kraków: B. Grell i córka, 1997.

УДК 81.161.1

М. Б. Попов
(Санкт-Петербург, Россия, popov_mb@list.ru)

Гипотеза С.М. Глускиной о происхождении новгородско-псковского цоканья

Статья посвящена спорным проблемам происхождения цоканья. Особое внимание уделено оригинальной гипотезе С.М. Глускиной, согласно которой севернорусское цоканье возникло в результате междиалектного взаимодействия древненовгородского диалекта, не пережившего второй и третьей палатализаций и имевшего только одну аффрикату /ч”/, с древнерусскими диалектами, осуществившими обе свистящие палатализации и обладавшими двумя аффрикатами /ч”/ и /ц”/. Рассмотрены сильные и слабые стороны этой гипотезы.

Ключевые слова: историческая фонетика, цоканье, вторая палатализация, третья палатализация, древнерусский язык, новгородско-псковский диалект, финно-угорский субстрат

M. B. Popov

S.M. Gluskina’s Hypothesis of the Origin of the Novgorod and Pskov Use of Č and C Sound (cokan'je)

The article reviews some disputable problems of the use of *č* and *c* origin (cokan'je). The special attention is payed to the pioneering hypothesis of S.M. Gluskina who supposed that the North Russian use of *č* and *c* was a result of interdialect cooperation (Old Novgorod dialect, which was not exposed to the second/third palatalization and had only one affricate *č,* and Old Russian dialects, which were subjected to the second/third palatalization and had two affricates *č* and *c*). The article evaluates the strengthes and weaknesses of this hypothesis.

Keywords: historical phonetics, cokan'je, second palatalization, third palatalization, Old Russian, Old Novgorod and Old Pskov dialects, Finno-Ugric substrate.

С.М. Глускина оставила заметный и многообразный след в науке, и в первую очередь, конечно, как ученый, которому принадлежит одно из самых значительных открытий в

славистике XX в., а именно, что древний новгородско-псковский диалект не был охвачен 2-й палатализацией. В тени этого открытия, судьба которого сама по себе была отнюдь не простой, остались некоторые другие ее значительные научные достижения. Об одном из них – о вкладе С.М. Глускиной в изучение генезиса цоканья в новгородско-псковском диалекте – пойдет речь в данной статье.

Происхождение севернорусского цоканья издавна привлекало внимание исследователей, ему посвящена обширная литература, но до сих пор проблема не решена и представляет интерес не только в конкретно-историческом, но и теоретическом отношении. К середине 60-х гг. XX в. в палеорусистике конкурировали две основные гипотезы – субстратная и спонтанная. Сторонники первой рассматривали цоканье как явление, вызванное контактами восточных славян с финно-угорским населением, в частности переходом от финно-угорской речи к восточнославянской (Бодуэн де Куртенэ 1901: 369, Чернышев 1902, Трубецкой 1925/1987: 147–148; Селищев 1931: 601–602, Аванесов 1947: 125, Борковский, Кузнецов 1963, Čekmonas 2001). Сторонники спонтанной гипотезы, современный извод которой сформировался в условиях становления диахронической фонологии, видят в цоканье результат внутреннего фонетического изменения, вызванного внутрисистемными факторами (Трубецкой 1933/1987: 176, Орлова 1959: 118–140, Shevelov 1964: 624). Показательна трансформация взглядов Н. С. Трубецкого, который сначала трактовал цоканье как изолированное заимствование из западнофинских языков, в которых č и ć совпали, в то время как š и ś продолжали различаться (Трубецкой 1925/1987: 148), но позднее отказался от этой гипотезы в пользу собственно фонологического объяснения: «Противопоставление č и ć, сохраняющееся до сих пор в коми и удмуртском языках, так же как и в некоторых диалектах марийского, очень рано исчезло в западнофинских, хотя еще долго сохранялось различение *š* : *ś*. Ввиду этого допущение какого-либо западнофинского влияния на северновеликорусский в этом отношении крайне маловероятно. Но даже если какой-либо западнофинский язык

послужил образцом для севернорусского при совпадении č и ć, причиной имитации такого образца являлась необходимость устранения корреляции по “смычности”» (Трубецкой 1933/1987: 176). В связи с развитием диахронической фонологии многие сторонники субстратной гипотезы все больше стали склоняться к компромиссной точке зрения, согласно которой иноязычное влияние (прибалтийско-финское в случае новгородско-псковского ареала) выступало в качестве спускового крючка для приведения в действие факторов, уже заложенных в позднепраславянской фонологической системе. Такими факторами в развитии цоканья обычно считают артикуляционно-акустическую близость палатальных аффрикат [ц”] и [ч”] и слабую функциональную нагрузку противопоставления реализуемых ими фонем (Аванесов 1949: 226–227).

Субстратная гипотеза не в состоянии ответить на вопрос, почему не везде при столкновении славянских и финно-угорских говоров возникает цоканье. Существенным препятствием для безоговорочного принятия субстратной гипотезы являлось и то, что система аффрикат приильменьских носителей древних финно-угорских диалектов так и остается неизвестной. С другой стороны, спонтанная гипотеза не могла объяснить, почему цоканье возникло именно и прежде всего в новгородско-псковском ареале, если внутрисистемные условия для него имелись и в других говорах? Отсутствие ответа на последний вопрос судя по всему и заставлял ученых вновь и вновь обращаться к субстратной гипотезе, основным достоинством которой (или недостатком?) была ее принципиальная неопровержимость. Видимо поэтому С.Б. Бернштейн отмечал, что взгляд на цоканье как на результат внутренних законов развития фонетической системы и вне влияния финских языков обязывает «серьезно пересмотреть весь комплекс вопросов, связанный с историей славянского консонантизма не только в древнерусских говорах X–XI вв., но и в праславянском языке» (Бернштейн 1964: 192).

По иронии судьбы этот призыв мэтра отечественной славистики прозвучал в том же 1964 г., когда на 2-й псковской

диалектологической конференции С.М. Глускина обосновала положение о неосуществлении в древнем новгородско-псковском диалекте 2-й палатализации, которое и позволило пересмотреть традиционные представления о позднепраславянском консонантизме. Сопоставив, с одной стороны, архаические элементы лексики современных псковских говоров (имеются в виду диалектные слова с отсутствием свистящих по 2-й палатализации в начале корня типа *кеж, кеп, кевка* и др.), а с другой – данные древней новгородской письменности, в первую очередь берестяных грамот, С.М. Глускина пришла к выводу, что носители древнего новгородско-псковского диалекта «рано (по-видимому, в VI–VII вв.) поселившиеся на берегах озер Псковского, Чудского и Ильменя и несколько обособившиеся от других славян, вообще не пережили процесса второй палатализации» (Глускина 1966: 465; Głuskina 1966; Глускина 1968). Этот вывод, сразу же отвергнутый С.Б. Бернштейном и Ф.П. Филином (Филин 1972: 380–381), был тем не менее в разной степени благосклонно принят рядом ученых (Колесов 1965: 37–40, Колесов 1980: 55, Stieber 1968: 3–7, Ferrell 1970: 411–422, Зализняк 1982, Зализняк 2004: 41–47), постепенно завоевывал все больше сторонников и в настоящее время принят большинством исследователей.

Вывод С.М. Глускиной относительно 2-й палатализации позволил ей на принципиально новой основе поставить вопрос о возникновения цоканья, поскольку обнаружилась характерная и очень яркая особенность консонантизма (отсутствие результатов 2-й палатализации), которая отличала новгородско-псковский диалект от всех других известных позднепраславянских диалектов и которую оказалось возможным связать с цоканьем. Однако вывод о неосуществлении 2-й палатализации в новгородском диалекте был, судя по всему, настолько впечатляющим, что полностью затмил новую гипотезу происхождения цоканья, которую С.М. Глускина обнародовала в той же статье, в которой она обосновала «основную гипотезу» (о неосуществлении второй палатализации). В научной литературе (не говоря уже о вузовских учебниках) в течение трех десятилетий отсутствовала не только какая-либо ее

критическая оценка, но даже упоминание. Как ни странно, этот упрек следует распространить и на специальные работы, посвященные генезису цоканья (Ferrell 1970, Макарова 1973, Устинскова 1977).

В основе гипотезы С.М. Глускиной лежат два исходных положения. Во-первых, первоначальный ареал новгородско-псковского цоканья совпадает с ареалом, в котором не осуществилась 2-я (и 3-я) палатализация. Во-вторых, в новгородско-псковском диалекте, уже располагавшим аффрикатой /ч”/, так и не появилась аффриката /ц”/, поскольку, согласно «основной гипотезе», в нем не было обеих свистящих палатализаций, в результате которых могла появиться аффриката /ц”/. С учетом этого С.М. Глускина предположила, что цоканье возникло в процессе междиалектных контактов новгородско-псковского диалекта с теми восточнославянскими диалектами, которые осуществили 2-ю палатализацию и поэтому располагали двумя аффрикатами – /ч”/ и /ц”/. Согласно ее концепции, аффриката /ц”/ была заимствована из говоров, различавших /ч”/ и /ц”/, и постепенно вытеснила собственную шипящую аффрикату /ч”/. С.М. Глускина предположила следующий механизм заимствования: чуждая новгородско-псковскому консонантизму аффриката /ц”/, отождествлявшаяся с «родной» аффрикатой /ч”/, проникала в новгородско-псковскую речь через слова, которые произносились с /к/ в позиции 2-й и 3-й палатализаций (новг.-пск. *кѣло* ‘цело’, *отькъ* ‘отец’ > *цѣло, отьць* в соответствии с киев. *цѣлъ, отьць*). Постепенно новая (престижная?) аффриката /ц”/ распространилась (частично в порядке гиперкоррекции) на все слова с /ч”/ (*печаль, хочю* > *пецаль, хоцю*), но не на формы с /к/ в контекстах с чередованием (новг.-пск. *рукѣ, отроке* ‘отрок (имен. ед.)’) (Глускина 1968: 40–41).

Однако эта привлекательная и остроумная гипотеза сталкивается с рядом противоречий.

Во-первых, она имеет право на существование лишь в том случае, если в древненовгородском диалекте не осуществились обе палатализации – 2-я и 3-я, которые С.М. Глускина считает одним фонологическим процессом,

поскольку во всех праславянских диалектах первоначальные рефлексы обеих свистящих палатализаций совпадали. Тем не менее в настоящее время превалирует иная точка зрения: «в древненовгородском, по крайней мере, для *k третья палатализация осуществилась (причем в объеме, достаточно близком к тому, что обнаруживается в других восточнославянских диалектах). Для *g вопрос остается не совсем ясным; для *x третьей палатализации не было» (Зализняк 1986: 118–119). Главным аргументом оппонентов «основной гипотезы» Глускиной является то, что уже в новгородских берестяных грамотах в позиции 3-й палатализации регулярно представлена аффриката (ср. *отьць, отьчеви, соръчьць, стьпаньцу, соужъдалъцъ, задьницѧ, грамотичу*, но – *кѣле, на отроке, къ лоукѣ*). Впрочем, это препятствие не является непреодолимым. Ведь вытеснение исконных /к/-форм, которое осуществлялось в дописьменный период, скорее всего подчинялось морфонологическим закономерностям, как собственно и предполагала С.М. Глускина: исконные новгородско-псковские /к/-формы раньше всего вытеснялись в позиции 3-й палатализации (т. е. в суффиксах *-ьць* и *-ица*), затем в этот процесс включились /к/-формы в позиции 2-й палатализации в начале корня (типа *кѣле*), в то время как /к/-формы по в позиции 2-й палатализации в чередующихся контекстах типа *рѣка – рѣкѣ*, где могло бы возникнуть чередование *к//ч*, в конечном счете сохранили /к/. Кроме того, в каждом из славянских языков результаты 2-й и 3-й палатализаций совпадают, а это склоняет к предположению, что и в древненовгородском дело не обстояло иначе. Единство 2-й и 3-й праславянских палатализаций отстаивает В. Вермеер, хотя в отношении древненовгородского диалекта он примыкает к позиции А.А. Зализняка (Vermeer 2004: 5–29).

Во-вторых, ареал цоканья шире ареала, в котором предположительно отсутствовала 2-я палатализация. Особую проблему составляет наличие цоканья в смоленско-полоцком ареале, где ситуация отличается от того, что наблюдается в новгородско-псковском ареале. Принято считать, что смоленские грамоты XIII–XIV вв. отражают цоканье

(Соболевский 1907: 34, Каринский 1909: 178), но в XIV в. оно исчезает (Дурново 1924/2000: 177), а в XV в. уже не оставляет никаких следов (Stang 1939: 28–29, 92–93). В настоящее время наличие цоканья отмечено лишь в северной части распространения смоленских говоров, куда оно могло быть занесено с псковской территории. Й. Схакен, проанализировав корпус смоленских грамот XIII–XIV вв., пришел к выводу, что в живой речи смоленских писцов нет «ни одного стопроцентно надежного примера смешения *ц* и *ч* как отражения цоканья» (Схакен 2003: 328). Показательно, что в них нет и примеров отсутствия результатов 2-й палатализации: в наиболее важном *списке А* (2-я или 3-я четверть XIII в.) Смоленской грамоты 1229 г. регулярно – *оу ризѣ, на готскомь березѣ, на вълъцѣ, послусѣхъ* (регулярные формы *оу смольньскѣ* не релевантны, поскольку 2-я палатализация [к] после [с] не происходила у всех восточных славян). В единственной показательной в данном отношении берестяной грамоте смоленского происхождения (Смол. 12) смешение аффрикат не представлено. Отсутствие цоканья (если Й. Схакен прав) при наличии регулярных результатов 2-я палатализации в смоленских грамотах косвенно подтверждает предложенную С.М. Глускиной гипотезу происхождения цоканья.

В-третьих, вызывает сомнение предложенная С.М. Глускиной интерпретация фонологического механизма субституции исконной аффрикаты [ч''] посредством заимствованной из родственного диалекта аффрикаты [ц'']. Непонятно, почему [к] заменяется инодиалектной аффрикатой [ц''], если с последней, как указывает Глускина, отождествлялась своя аффриката [ч'']. Именно [ч''] и должна была бы вытеснять [к], если воспроизводилась модель с аффрикатой. При взаимодействии родственных диалектов слово диалекта-донора пропускается через фонологическое сито диалекта-реципиента, и, соответственно, заимствование чужой фонемы не происходит. Принятие предлагаемой поправки с необходимостью ведет к тому, что исходной формой неразличения аффрикат следует признать мягкое чоканье, поскольку на позиции 2-й палатализации должен был

распространяться [ч’’] – рефлекс *k по 1-й палатализации и *tj). Обычно чоканье считается явлением сравнительно поздним, которое приходит на смену мягкому цоканью в результате воздействия литературного произношения на цокающие говоры, а говоры, смешивающие, т. е. безразлично употребляющие как [ц’], так и [ч’], рассматривают как переходную ступень от цоканья к различению фонем /ц/ и /ч/ (Копорский 1949: 161; Орлова 1959: 43–44). Однако есть и альтернативная точка зрения, не менее убедительная, что чоканье – более архаичная форма неразличения аффрикат (Каринская 1927, Овчинникова 1967: 91, Макарова 1973: 87–98, Устинскова 1977: 113, Колесов 1982: 88–89).

Таким образом, гипотеза С.М. Глускиной о возникновении новгородско-псковского цоканья в результате междиалектного взаимодействия, противостоящая как субстратной, так и спонтанной гипотезам, продолжает сохранять конкурентоспособность и имеет потенциал для дальнейшего развития.

Литература

1. Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Моск. ун-та. 1947. № 9. С. 109–158.
2. Аванесов Р.И. Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 226–227.
3. Бернштейн С.Б. Еще раз о происхождении русского цоканья // Romanoslavica. Bucureşti, 1964. Vol. X. P. 191–192.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 362–372.
5. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 512 с.
6. Глускина С.М. Изменения по аналогии и система языка (из наблюдений над псковскими говорами) // Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию “Основные проблемы эволюции языка”: 9–16 сентября 1966 года. Ч. II. Самарканд, 1966. С. 462–466.

7. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Т. II. Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. Псков, 1968. С. 20–43.
8. Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка [1924 г.] // Н.Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 1–341.
9. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
10. Зализняк А.А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981 / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1982. С. 61–80.
11. Зализняк А.А. Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.) // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 89–219.
12. Каринская Е.Н. Описание говора д. Толстовской Молосниковской волости Котельнического уезда Вятской губернии // Труды Комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 9. Л., 1927. С. 106–120.
13. Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909. 207 с.
14. Колесов В.В. Введение в историческую фонологию русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 121 с.
15. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 215 с.
16. Колесов В.В. К фонологическому объяснению севернорусского цоканья // Тезисы докладов на X диалектологическом совещании. М., 1965. С. 37–40.
17. Колесов В.В. Расшифровка фонетической системы современного говора (на материале севернорусского цоканья) // Севернорусские говоры / Отв. ред. Н.А. Мещерский, А.С. Герд. Л., 1975. С. 6–18.
18. Копорский С.А. Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 152–232.
19. Макарова Л.Н. К истории аффрикат в русском языке // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 87–98.
20. Овчинникова Р. С. Фонетические особенности говора деревни Большой Кунгур Кировской области // Учен. зап. Владимирск.

ГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского. Серия “Русский язык”. Вып. 1. 1967. С. 77–94.
21. Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 211 с.
22. Селищев А.М. Соканье и шоканье в славянских языках [1931 г.] // Селищев А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 584–604.
23. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907. 309 с.
24. Схакен Й. Цоканье в смоленских грамотах XIII–XIV вв. // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 321–331.
25. Трубецкой Н. С. К истории задненебных в славянских языках [1933 г.] // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 168–179.
26. Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства [1925 г.] // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143–167.
27. Устинскова З. И. О генезисе цоканья в русских говорах (По материалам псковских, смоленских и северо-восточных белорусских говоров) // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 107–119.
28. Филин Ф.П. Происхождение русского украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 655 с.
29. Чернышев В.И. Как произошла мена ц и ч в русских говорах? (Вопрос лингвистам) // Русский филологический вестник. Т. XVLII. 1902. № 1–2. С. 117–118.
30. Čekmonas V. On Some Circum-Baltic Features of the Pskov-Novgorod (Northwestern Central Russian) Dialect // The Circum-Baltic Languages. Vol. 1: Past and Present / Edited by Östen Dahl and Maria Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 339–359.
31. Ferrell J. Cokan’e and the Palatalization of Velars in East Slavic // Slavic and East European Journal. 1970. Vol. XIV. No. 4. P. 411–422.
32. Głuskina Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // Sławia Orientalis. Roc. XV. № 4. Warszawa, 1966. S. 475–482.

33. Shevelov, G. Y. A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg: Winter, 1964. 662 pp.
34. Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo: Dybwad, 1939. 148 s.
35. Stieber Z. Druga palatalizacja tylnojęzykowych w świetle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy // Rocznik slawistyczny. Vol. 29. 1968. S. 3–7.
36. Vermeer W. On the status of the earliest Russian isogloss: four untenable and three questionable reasons for separating the progressive and the second regressive palatalization of Common Slavic // Russian Linguistics. 2004. 24. P. 5–29.

УДК 94(47).084.3

А.В. Филимонов
(Псков, Россия, kafotist@pskgu.ru)

Дискуссия по языкознанию (1950 г.) в судьбе С.М. Глускиной

В 1950 г. в газете «Правда» открылась «свободная дискуссия» по вопросам языкознания, в которую были вовлечены не только филологи и лингвисты, но и представители других наук. В центре внимания оказалось так называемое «новое учение о языке», или «яфетическая теория» академика Н.Я. Марра, ниспровергнутая после вмешательства в дискуссию И.В. Сталина как «антинаучная» и «антимарксистская». В полной мере испытали на себе последствия дискуссии и преподаватели кафедры русского языка Псковского пединститута, в том числе С.М. Глускина, вынужденные перестраивать свою учебную, методическую и научную работу «в свете гениального учения И.В. Сталина о языке».

Ключевые слова: Глускина, дискуссия, кафедра русского языка, Марр, сессия, Сталин, успеваемость, «учение о языке», языкознание.

A.V. Filimonov

Discussion on Linguistics (1950) in the Life of S.M. Gluskina

In 1950, the Pravda newspaper opened a “free discussion” on linguistics which involved not only philologists and linguists, but also other scientists. The focus was on the so-called “new doctrine of the language”, or “Japhetic theory” developed by academician N.Ya. Marr. His theory was called by Stalin as “anti-scientific” and “anti-Marxist” one. Downward pressure was exerted by the teachers of the Russian Language Department of the Pskov Pedagogical Institute to the full extent. S.M. Gluskin was not an exception. All the teachers were forced to change their educational, methodical and scientific work “in accordance with the brilliant Stalin’s theory on the language”.

Keywords: S.M. Gluskina, discussion, the Russian Language Department, Marr, session, Stalin, academic achievement, “language doctrine”, linguistics.

В 1950 г. на страницах газеты «Правда» открылась «свободная дискуссия» по вопросам языкознания, в которой приняли участие профессора Чикобава, Чемоданов, Филин, академик Мещанинов, а под огнем критики оказалось так называемое «новое учение о языке», сформулированное задолго до этого академиком Н.Я. Марром. Первоначально в дискуссии участвовали только специалисты, но затем в нее вмешался И.В. Сталин, замечания которого составили работу «Марксизм и вопросы языкознания». После этого «учение» Марра, как «антинаучное» и «антимарксистское», было напрочь отвергнуто, а работа И.В. Сталина провозглашена в качестве самого авторитетного слова в языкознании, «истины в последней инстанции». В ней содержалось немало правильных положений, хотя было много спорного и противоречивого, и тем не менее, она вовлекла в дискуссию даже не специалистов. Работа «Марксизм и вопросы языкознания» стала обязательной для изучения в системе партийной учебы и политического просвещения, не говоря уже о школах и вузах. В школах на несколько лет утвердилась традиция начинать учебный год с урока русского языка «в свете гениального учения

тов. Сталина», а в вузах вводились специальные курсы «Сталинское учение о языке».

В первую очередь это коснулось филологических факультетов, главным образом, кафедр русского языка. Не стал исключением и Псковский пединститут, где литературный факультет был организован совсем недавно – в 1945 г. Кафедра русского языка была немногочисленной по составу преподавателей, в первое время на ней трудилось немало совместителей, а прибывавшие из столичных городов на «постоянную» работу чаще всего надолго в Пскове не задерживались. Первыми ее преподавателями были Н.Н. Колиберский, И.Т. Гомонов и К.А. Гомонова (в 1948 г. Гомоновы уехали в аспирантуру), в течение короткого времени (октябрь 1948 – январь 1949 гг., до скоропостижной кончины) работал А. С. Ягодинский, в 1950 г. прибыли Е.А. Степанова и Н.Н. Алексеев. В феврале 1948 г. из аспирантуры пединститута им. А.И. Герцена по направлению Министерства просвещения РСФСР на кафедру пришла С.М. Глускина, связавшая свою судьбу с Псковским пединститутом на целых 45 лет. На нее главным образом и выпали основные испытания, связанные с дискуссией по языкознанию, которые пришлось делить с остальными членами кафедры.

«*Важнейшим делом в работе вуза в 1950/51 уч. году имели указания о перестройке преподавания ряда предметов на основе гениального труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”*, – отмечалось в отчете об учебно-воспитательной и научной работе института за 1950/51 уч. год. – *...После окончания лингвистической дискуссии и выхода в свет работы И.В. Сталина по вопросам языкознания, кафедра русского языка приступила к переработке своей учебной, методической и научной работы, которая в прошлом строилась на ошибочных, порочных основах «нового учения о языке». В своей работе кафедра встретилась с большими трудностями: она оказалась неукомплектованной работниками... Все преподаватели – Алексеев Н.Н., Степанова Е.А. и др. приступили к чтению курсов, которые в прошлые годы не читали.* ***С.М. Глускина*** *впервые приступила к чтению курса «Введение в языкознание»,*

спецкурса «История отечественного языкознания» и ведению спецсеминара по современному русскому языку. В начале учебного года на всех курсах литературного факультета и отделения учительского института был прочитан курс «Сталинское учение о языке» в объеме 20 часов, задачей которого было познакомить студентов с итогами лингвистической дискуссии, указать историческое значение работ И.В. Сталина для оздоровления советского языкознания. Из библиотеки и кабинета изъята вся литература, пропагандирующая антимарксистские и антинаучные положения "нового учения о языке"» (1, Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 75. Л. 4, 50–51).

Особенно пристальным стало внимание руководства института и вышестоящих инстанций к «перестройке преподавания русского языка» в 1951 г., т.е. спустя год после дискуссии и опубликования работы И.В. Сталина. Теперь уже требовалось подвести некоторые итоги этой самой «перестройки», выявить достижения и недостатки. В уже упомянутом отчете за 1950/51 уч. год подчеркивалось: «*Обследование работы кафедры со стороны дирекции института в марте месяце показало, что перестройка работы на основе сталинского учения о языке осуществляется медленно, не было достаточно глубокой и острой критики порочных положений "нового учения о языке"»* (1, Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 75. Л. 54).

К этому времени положения И.В. Сталина внедрялись не только в учебные дисциплины, но находили отражения и в других формах работы. Так, они занимали немалое место в деятельности семинара преподавателей кафедр русского языка и литературы. 14 марта 1951 г., например, на его заседании обсуждался доклад Н.И. Маковской «Поэтический язык». После его прочтения к докладчику поступило множество вопросов, а затем началось обсуждение:

Глускина С.М.: *«"Поэтический язык" – название не правомерно… Язык здесь занимает второстепенное место. Неправильно ставится вопрос об особенностях национального языка… Форма меняется с содержанием, а язык сам по себе не*

меняется. Нельзя говорить о языке только как о форме. В отношении поэтического языка: надо говорить о поэтических стилях, а не о языке… По-моему, нет особого поэтического языка, есть средства использования национального языка».

Алексеев Н.Н.: *«С.М. Глускина правильно сказала, что существует неопределенность в отношении поэтического языка. Положение тов. Сталина неправомерно применять к понятию поэтического языка. Нужно четко определять стиль и язык…».*

Ефимова М.Т.: *«Не согласна с С.М. Глускиной и Н.Н. Алексеевым. У нас нет расхождения. Положение т. Сталина применимо и к поэтическому языку… Неправильно выделять поэтический язык как какую-то разновидность национального языка. Изучение поэтического языка должно проходить в процессе изучения художественного произведения…*

Глускина С.М.: *«Тов. Сталин говорил о специфике изучения языка. О форме и содержании: элемент формы иногда существенно не связан с содержанием. Например, стихи Пушкина при переводе на другой язык теряют ценность…».*

Влияние установок И.В. Сталина чувствовалось и на другом заседании семинара 23 мая 1951 г. – при обсуждении доклада Е.А. Гитлиц «Работы т. Сталина в области языкознания и проблема художественного мастерства» (1, Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 81. Л. 102–105, 107).

Так получилось, что за выявленные недостатки в деле «перестройки преподавания языка» чуть ли не основной удар пришлось принять на себя С.М. Глускиной, хотя она и не являлась заведующей кафедрой. Дело в том, что 24 мая 1951 г. на партсобрании института рассматривалось ее заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б), и пришлось выслушать упреки не только личного характера, но и относительно этой самой «перестройки». Прежде всего, поступило множество вопросов, типа:

– *Что предпринято кафедрой по перестройке преподавания в связи с работами т. Сталина о языке?*

– Что предпринято по реализации решений кафедры по перестройке преподавания языка не только в институте, но и в городе?

– Как получилось, что курс «Сталинское учение о языке» не был обеспечен работниками кафедры, и чтение этого курса поручили постороннему человеку?

На все вопросы С.М. Глускина дала ответы, но при обсуждении ее кандидатуры вновь последовали упреки, которые скорее можно было адресовать руководству кафедры. «Плохо, что кафедра русского языка расписалась в своем бессилии и поручила чтение курса «Сталинское учение о языке» не члену кафедры, – заметила зам. директора института Т.К. Подсосова. – Кафедра не провела никакой работы в городе по этому вопросу. Сама т. Глускина отказалась от чтения лекций по этому курсу. Она в вопросе перестройки преподавания русского языка подошла не совсем по партийному, а осталась в стороне, была идейным продолжателем Марра…». К.Д. Февралев, рекомендовавший С.М. Глускину в партию, однако, не согласился с утверждением, что «т. Глускина не справилась с вопросами преподавания языка», и считал, что «она работает по этому вопросу весьма интенсивно». П. С. Рейфман же напомнил, что «т. Глускина является постоянно проживающим в Пскове преподавателем, а не приезжим», но заметил, что ей нужно «активнее участвовать на кафедре в распределении курсов». Д.М. Калинин высказался уже более решительно: «Каждый коммунист должен бороться за проведение политики и линии партии, а не созерцать.., а т. Глускина в вопросах преподавания русского языка подошла не совсем по-партийному, а именно, стояла в стороне…». Коснулись при обсуждении и отношения С.М. Глускиной к «новому учению о языке». Р.С. Кац, например, подчернула, что «в своей диссертации т. Глускина нигде не ссылается на Марра, но здесь, на кафедре, ее заставили придерживаться Марра». Подтвердила отсутствие ссылок на Марра и А.И. Голышева, но заметила, что «кафедра после работ т. Сталина растерялась. Тов. Глускина не взяла на себя чтение серьезного курса, проявив здесь себя крайне не принципиально».

Некоторые выступавшие на собрании пытались даже ерничать по поводу участия С.М. Глускиной в Великой Отечественной войне, заявляя, что «в 1941 г. она поступила на курсы, потом попала на бронепоезд, находящийся на далеком расстоянии от фронта», т.е. фактически не принимала участия в боях. На это последовали решительные контраргументы ряда присутствующих о том, что «не вина т. Глускиной в том, если командование направляет ее в тыловые части», «в армии идут туда, куда посылают».

Большинством голосов С.М. Глускина была принята кандидатом в члены ВКП(б), но горком партии решения первичной организации не утвердил, отказав ей в приеме. Снова последовали претензии в том, что она «всю жизнь устраивалась там, где поудобнее… Дядя ее был репрессирован, а сама она «до 8-го класса воспитывалась раввином». В условиях развернувшейся кампании борьбы с «космополитизмом» эти доводы оказались гораздо сильнее «недостатков в перестройке преподавания языка», а дававшие С.М. Глускиной рекомендации П.С. Рейфман, К.Д. Февралев и Г.В. Проскурякова были даже обвинены в «потере чувства ответственности» (2, Ф. 1052. Оп. 1. Д. 11. Л. 2023, 43; Д. 13. Л. 60–64). В результате С.М. Глускина так и осталась беспартийным преподавателем, что отнюдь не снижало спроса, в том числе и в «вопросах перестройки преподавания языка».

В июне 1951 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета института, посвященное годовщине опубликования работы И.В. Сталина, и с докладом «О перестройке преподавания русского языка в свете учения И.В. Сталина» на нем выступил зав. кафедрой Н.Н. Алексеев. «*В сравнительно короткий срок,* – сказал он, – *преподаватели тт.* ***Глускина****, Степанова и др. сумели существенным образом переработать читаемые курсы, дополнить их новыми материалами. Для студентов был подготовлен и прочитан 24-часовой курс лекций на тему «Сталинское учение о языке». На эту же тему была организована студенческая научная конференция…».* Доклад Н.Н. Алексеева дополнили применительно к «своим» предметам зав. кафедрой литературы

М.Т. Ефимова и зав. кафедрой марксизма-ленинизма М.М. Ниценко, а в обсуждении приняли участие директор института И.А. Мельников, зам. директора Т.К. Подсосова, преподаватель русского языка **С.М. Глускина** (3, 1951. 30 июня). Но как оказалось на поверку, в деле «перестройки преподавания» не все было благополучно и радужно.

В марте 1952 г. работа кафедры русского языка подверглась серьезной проверке со стороны назначенной Министерством просвещения РСФСР комиссии, которую возглавлял преподаватель ЛГПИ им. Покровского Т.А. Шуб. Входили в состав комиссии и представители администрации Псковского пединститута, представившие докладные записки об итогах недавней зимней экзаменационной сессии.

Так, посетившая ряд экзаменов на литературном факультете зам. директора института Т.К. Подсосова отметила, что у многих студентов «*отсутствует четкое представление об основных принципах сталинского учения о языке. На экзамене по "Введению в языкознание" (преподаватель* ***Глускина С.М***.*) студентка Корчигина дала очень поверхностную и неполную критику "учения" Марра о языке. Говоря о скрещивании языков, она привела сталинское положение о том, что при скрещивании не возникает новый язык, а побеждает один из языков, но не отметила, что эта закономерность свойственна только классовому обществу. Студентка Дубровская не могла дать сталинское определение грамматики, ответила так: грамматика есть результат абстрагирующей работы языка, грамматика есть показатель степени развития мышления. Студентка Быченкова смутно представляет содержание понятия "надстройка": надстройка – это всякие юридические законы. Студентка Бойкова не могла ответить на вопрос, что такое язык. Студентка Симагина, говоря об учении Сталина о языке, как общественном явлении, заявила, что в настоящее время общество не развивается, а потому не развивается и язык. Она не смогла указать отличия языка от надстройки.*

По курсу "Общего языкознания" на 4 курсе студентка Иешина не могла рассказать о языке будущего, об освещении

этой проблемы в трудах И.В. Сталина. Студент Лаберко не сумел ответить на вопрос о роли скрещивания в развитии языка, ничего не сказал о критике теории стадиальности, данной И.В. Сталиным.

Безусловно, подобные явления не свойственны студентам-отличникам, которые давали обстоятельные ответы, богатые материалом и глубокие по содержанию. Так, студентка 4 курса Шейко подробно рассказала о внутренних законах развития языка, со знанием дела критиковала "учение" Марра о "едином глоттогоническом процессе"».

Т.А. Шуб в обобщающей «Справке» по итогам обследования кафедры в качестве главного недостатка отметила *«отсутствие серьезной и глубокой работы по перестройке в свете гениального труда И.В. Сталина по вопросам языкознания… Экзаменационная зимняя сессия 1951/52 уч. г. показала, что у студентов отсутствует четкое представление об основных принципах сталинского учения о языке. Исторический процесс развития языка понимается крайне отвлеченно, схематично. В ходе экзамена по общему языкознанию на 4 курсе обнаружилось, что студенты в очень многих случаях не имеют правильного и отчетливого представления о важнейших проблемах языка, не способны раскрыть идеалистические и вульгарно-материалистические взгляды на язык и его природу. Работы И.В. Сталина по вопросам языка многими студентами не усвоены, не поняты… Студентка Широковцева не смогла подвергнуть критике так называемую "теорию" языка жестов. Студентка Свириденкова крайне слабо представляет себе законы развития языка, не разобралась, в чем суть ошибок Марра и как они трактуются в трудах И.В. Сталина…».* И как вывод: *«Кафедра не поняла существа большого дела, не мобилизовала свой коллектив на решение этих задач»,* но в то же время выражалась надежда, что *«кафедра молодая, сотрудники ее подготовлены для работы в вузе и могут вполне справиться с возложенными на них задачами»,* а для этого *«кафедру необходимо укрепить, систематически контролировать ее повседневную деятельность, помогать ей»* (2, Ф. 1219. Оп. 2. Д.

455. Л. 8–9, 14–15, 30–31). Пока что кафедры, по заключению комиссии, *«как целого организма, как творческого коллектива не существует, каждый работает в одиночку»* (1, Ф. Р-734, Оп. 2. Д. 93. Л. 137).

Одним из направлений работы, могущих сплотить коллектив, комиссия посчитала организацию научных исследований. В плане работы кафедры в качестве коллективной темы была заявлена «История псковских диалектов», однако ко времени проверки к разработке ее еще не приступили, обозначив в качестве «переходящей темы НИР» (2, Ф. 1219. Оп. 2. Д. 455. Л. 22). Не все обстояло благополучно и в работе над индивидуальными темами, где опять же приходилось учитывать установки «сталинского учения о языке». «*Зав. кафедрой Алексеев Н.Н. должен был закончить диссертацию "Архаизмы в языке былин" в 1950 г.,* – подчеркивалось в отчете о НИР. – *Работа была закончена, но в связи с перестройкой преподавания языка в свете учения И.В. Сталина о языке нуждалась в коренной переработке. После консультаций у академика Виноградова В.В. Алексеев перестроил работу и в начале 1951 г. повез на просмотр ему. Есть надежда, что в 1951 г. эта работа будет окончена… Кандидат наук* ***Глускина С.М.*** *над запланированной темой не работала, но она работала над методической статьей "О языке и мышлении", которая готовилась к напечатанию в методическом сборнике Института усовершенствования учителей. Статья была написана под большим влиянием "нового учения о языке" Марра, поэтому в методическом сборнике помещена не была»* (1, Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 77, Л. 9–10).

С.М. Глускина к тому времени уже успешно защитила кандидатскую диссертацию «Космография Богдана Лыкова 1637 г.» (1949 г.), став в результате первым на кафедре дипломированным специалистом. Уже в 1952 г. на основе материалов диссертации она подготовила большую статью «Общественная терминология в Космографии 1637 г.» (91 стр.), получив две положительные рецензии и представив ее для опубликования в сборнике «Ученых записок» института (2, Ф. 1219. Оп. 2. Д. 455. Л. 166). Статья увидела свет во втором

выпуске «Ученых записок» Псковского пединститута в 1954 г., т.е. уже после смерти И.В. Сталина, но еще до публичного осуждения «культа личности». Влияние «сталинского учения о языке» в данной статье еще чувствуется, что нашло отражение в наличии нескольких ссылок на его работы, но тем не менее языкознание стало постепенно освобождаться от обязательного следования духу и букве «большого ученого, в языкознании познавшего толк».

Сокращения

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ГАПО – Государственный архив Псковской области.
ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт.
НИР – Научно-исследовательская работа.
ОДНИЛС ГАПО – Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области.

ПИСЬМА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАРИНА[1] СОФЬЕ МЕНДЕЛЕВНЕ ГЛУСКИНОЙ

Письма Б.А. Ларина, одного из выдающихся отечественных филологов, профессора, академика АН Литовской ССР, основоположника лингвистической научной школы Санкт-Петербургского университета (Ларинская школа), основателя «Псковского областного словаря с историческими данными», учителя многих лингвистов, ставших впоследствии известными учеными, охватывают период с 1943 г. до конца его жизни (три письма жены Бориса Александровича Натальи Яковлевны, адресованные С.М. Глускиной при жизни Ларина и после его кончины, также публикуются. См. с. 283–284).

Письма Б.А. Ларина хотя и носят характер частной переписки, имеют несомненное общественное значение. Они не только раскрывают разные стороны личности С.М. Глускиной, показывают характер взаимоотношений Учителя и неординарной, талантливой ученицы, но и являются истинным свидетельством эпохи.

Важные для науки и страны в целом события, лица предстают в живом непредвзятом освещении благодаря честному взгляду автора и яркому точному языку его писем. Включая военный период, время эвакуации, в которой оказалась научная интеллигенция, а также послевоенный период возрождения науки и образования, письма Б.А. Ларина отражают тяжелейшую и в то же время исполненную надежд и творческих устремлений в настроениях и поступках людей эпоху.

---

[1] Письма публикуются по машинописным копиям, сделанным С.М. Глускиной и переданным Н.В. Большаковой в 1991 г. Копии писем (2 экз.) пронумерованы С.М. Глускиной. Публикация писем согласована редакторами сборника с И.С. Лутовиновой, через которую С.М. Глускина также передала копии этих писем в Межкафедральный словарный кабинет имени профессора Б.А. Ларина (СПбГУ).
Письма публикуются без редакторских комментариев. В текстах писем Б.А. Ларина сохранены авторские сокращения и подчеркивания.

Компьютерный набор писем для публикации в данном издании осуществлен З.В. Митченко, за что редакторы приносят ей благодарность.

№ 1 – «в ин-т Герцена из санатория, конец 1938 г. Я была старостой лингв. кружка – о делах кружка» (запись сделана рукой С.М. Глускиной, письмо не сохранилось. – Ред.).

№ 2
7.III.43

Дорогая Соня,

всегда любил я Вас больше, чем всех других своих учеников, а теперь Ваше замечательное письмо больше прежнего взволновало меня нежностью и заботой о Вас. Застанет ли Вас мое письмо? Зачем Вы рветесь не к научной работе, которой уже пора заниматься, – ведь считанные дни остались до того, как понадобится много, много людей для лучшей работы, в какой Вас некому заменить, в какой мало кто может сравниться с Вами! Ну, будь по-вашему, Вы вернетесь очень возмужавшей и еще более жадной до науки, я это испытал в 1916–17 гг.

Сейчас Герценовский институт по предложению НКПроса собирает ото всюду своих растерянных аспирантов и особенно дифицитными объявлены лингвисты. Но руководить занятиями аспирантов сейчас там почитай что некому, т.к. изо всей нашей в Кыштыме оказались только двое: Н.П. Гринкова да Руднев. Если принять во внимание, что НПГр. является и предМК и парторгом, то ясно, что никакими аспирантами руководить она не может. И все же лучше бы Вам поехать в Кыштым, а оттуда в самом близком будущем в Л-д. Спишитесь с Гринковой (г. Кыштым, Челябинской обл., переул. Швейкина, 1, Пед. ин-т им. Герцена).

Меня отсюда давно уж нарком посылает в ЛГУнив. в Саратов. Но не могу пока выехать, нога все еще с нарывами и кровоточит. Но в мае-июне, вероятно, придется переселиться в Саратов, а уж оттуда в Л-д. Семью оставлю в Яранске, пока не определится окончатально время и порядок возвращения эвакуированных домой.

Что же рассказать Вам о минувшем годе беженства. Уезжал из Л-да с уверенностью, что самые тяжелые годы позади. Больше месяца длилось кошмарное путешествие в эшелоне эвакуированных. Потом – около пяти месяцев унизительного и трудного прозябания в Ташкенте. Сначала без всякого крова и работы, – моя семья вместе с семьей проф. Дондуа прожила месяц в вестибюле общежития академработников, на каменном полу в холодные месяцы, когда на улице лежал снег и бушевали леденящие ветры. Потом в составе московского Ин-та яз. и письменности, под руководством Д.Н. Ушакова я помогал составлять однотомный малый Толковый Словарь рус. языка. Добыл ебе чердачок с дырявым потолком, выбитыми окнами, незапирающейся дверью, по соседству с безработным армянином, пьяницей, вором, дебоширом, кот. как только мог отравлял мое существование и днем и ночью.

Начал я преподавать и в двух ташкентских пединститутах. В к. апреля умер Д.Н. Ушаков. Ин-т яз. и письм. Ликвидирован в Ташкенте (переведен в Москву). Меня перевели в Ин-т Мировой Литературы им. Горького. Изо всего ИЯМа тогда был в Ташкенте один С.Г. Бархударов, крайне подавленный, морально подорванный, на грани запоя. Дондуа уехали в Тифлис – на родину. Я не мог больше выносить жалкой жизни в городе, выросшем с 600000 – до 3000000 населения, приютившем кое-как 40000 научных работников Москвы, Ленинграда, Одессы, Ростова, Харькова и Киева. Эти научные работники в беженстве – оборвались, опустились и представляли какой-то лагерь заживо разлагающихся. Я отправился на Север. В Яранске с осени 1941 г. в составе Кировского Пединститута работали А.П. Евгеньева и А.А. Скворцова. Они звали меня сюда, они помогли тут устраиваться. Переезд сначала протекал счастливо и увлекательно. Каждый километр, оставляемый позади, словно капля живой воды. Леса, родной говор, лица и одежды, реки и птицы в небе – все будило восторг – возвращение к действительной жизни из мучительного бреда. Под Казанью –

первый сигнал несчастий: нас обокрали при посадке на глухом полустанке, – в числе пропавших вещей один из 4-х портфелей с моими незаконченными работами и материалами моей докторской диссертации. Это самая колючай обида «любезных соотечественников». В Яранск очень трудно добираться от посл. ж/д. ст. Йошкар-Ола, – надо ехать «гужом» больше 80 км. Но дорога живописна. Мы опять начали оживать. В последний день этого переезда тяжело заболела младшая дочь. В Яранске ее сразу пришлось положить в больницу… и вернулась она домой через полгода инвалидом. И сейчас продолжает мучиться (острый суставной ревматизм). Поместили нас сперва в аудитории Ин-та. Я уехал в Тетюши за младшим сыном. Не легко далось это последнее усилие собрать в одно мою рассеянную семью. Не прошло и недели после возвращения из Тетюшей, как в лесу покалечил ногу. Сорок мучительных дней и ночей, несколько раз на пороге смерти. В больнице с июля до начала ноября, полубольной, полуинвалид и сейчас. Зима началась хуже, чем в Л-де. Холода застали нас в квартире, никак не подготовленной к морозам (без меня даже окон не законопатили, вторых рам не вставили), ни полена дров. Авария на электростанции почти на два месяца оставила нас без света. Денег не было, голод опять угрожал жертвами. Крайними усилиями мне удалось вывести семью из этой второй катастрофы. Только в конце декабря я поставил в одной комнате новую печку, вторую комнату забил на зиму, достал дров, уладил свои дела в Академии Наук и стал получать оттуда зарплату, лучше начали питаться, – появился и свет. Но возмездие ударило опять: с декабря и до марта то по одному, то всей семьей лежали больными.

Сквозь всю эту мерзость бытия я нес как алмаз, как заветный дар отца – свое нетерпеливое ожидание и жажду научной работы, свои научные планы и фантазии – как-то с большим трудом – и плохо. Конечно, читал лекции по санскриту, по общему языкознанию, по украинскому языку. Руководил несколькими диссертациями. Вел большую переписку, теребил всех и всюду – звал продолжать, не прерывать больших работ. Здесь предприняты были две

диалектологических экспедиции, а летом будет третья. На июль намечаем большую конференцию диалектологов, работавших во время войны. Подготовляем серию работ для печати. Но все мысли о работе удесятеренного размаха и напряжения после войны – в Л-де или Москве. Вероятнее всего именно в Москву, а не в Л-д будут переведены после войны все эвакуированные Ин-ты Акад. Н. Туда понемногу возвращаются уже сейчас и руководящие работники и отд. группы. Если ИЯМ будет в М., я буду звать Вас работать в ДРС, тогда свою аспирантуру Вы закончите в ЯИМ'е.

Скорее бы нам увидеться!

Ваш Б. Ларин.

№ 3

В Сарманово Тат. АССР, из Яранска.

24.III.43

Дорогая Соня, после поездки нашего директора в Москву выяснилось, что скоро при нашем Ин-те будет аспирантура, я получу право набирать аспирантов. Обещают оклад в 700 руб., жилье Вам тут дадут, питание будет сносное. Я с нетерпением буду ждать Вас, приезжайте. А пока напишите прямо Наркому Просвещения о своем желании продолжать работу со своим первоначальным руководителем, расскажите коротко свою историю, сообщите о моем предложении Вам приехать в Яранск. Я думаю, что одно с другим встретится в Москве – наше ходатайство об аспирантуре при Кир. пединституте и Ваше заявление. Тогда сразу все и уладится. Не забудьте точно объяснить Вашу специальность, «профиль», т.к. именно лингвисты-русисты сейчас особенно необходимы и дефицитны. Как рад я буду и встрече с вами и продолжению нашей совместной работы. Пишите и мне поскорей. Ведь я по Вас очень соскучился.

Всего лучшего

Ваш Б. Ларин.

№ 4
Полевая почта, из Яранска.
28 мая 43 г.

Дорогая Софья Менделевна,
я не уехал в Саратов и не поеду, видимо, туда, до того, как можно будет вернуться домой, в Ленинград или в Москву для интенсивной работы в ИЯМ'е, я останусь здесь в Яр. Плохо с моей ногой: туберкулез кости, кот. распространился уже со ступни до колена. На днях поеду лечиться в Казань, не менее чем на месяц. Жаль, что Вы покинули Татарию и вступили на высокий и благородный путь, но путь, уводящий Вас от главной цели, от осуществления Вашего призвания, где тоже нужны подвиги, тяжелые, длительные, героические. Я верю, что Вы вернетесь и, возмужав, с еще большей страстью уйдете в научную работу. ИЯМ предполагает вернуться в Л-д. Я буду добывать Вас из-под всякой власти – на место основной Вашей работы, как только она пойдет нормальным ходом.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 5
Вязьма, полевая почта, из Москвы.
26.XII.43

Дорогая Соня, только что мне доставили с оказией из Яранска Ваше письмо от 21 сентября. Три месяца назад! Вероятно, Вас уже передвинули, мое письмо не догонит Вас? Тем более грустно отвечать Вам так поздно. Главное – Вы мне стали так близки своими письмами, как родная, как возлюбленная. До этого я видел Вас всегда издали, замкнутой и скрытной, я не догадывался обо всех чудесных Ваших свойствах. И может быть нам не придется никогда жить близко в одном городе, жить верными друзьями, ведь годы войны еще не истекли, это сулит еще так много испытаний!

Добиваюсь командировки в Л-д. Вероятно, поеду туда в начале января. Сейчас ничего не знаю о своей квартире, о судьбе моих книг, а это ведь тоже друзья!

В Герценовском возобновились занятия – в виде вечернего отделения для безотрывников. Преподают Якубинская, Филин, Мальцев, Козелюкина.

Я в Москве, веду занятия в Ин-те Иностр. языков и в Г. Пед. Ин-те им. Ленина. Мало работаю над своим большим исследованием. Почти не нахожу для этого времени. Вот скоро будет открыт Институт Русского Языка АН, тогда, надеюсь, я покину один из ВУЗ'ов и засяду за кабинетную работу. Если б Вы знали, какие тут бездарные и скучные у меня аспиранты, как я не дождусь конца скитаний и возвращения в Л-д. И встречи с Вами, милая Соня!

Ваш Б.Л.

№ 6
Вязьма, полевая почта, из Москвы.
22.I.44

Дорогая Соня, я уже вернулся из Л-да, а Вас все нет. Неужели Вы побывали в Москве, пока я был в отъезде? Или отпуск еще не состоялся? Я бы больше рад был последнему, тогда есть еще надежда Вас увидеть до конца войны, − еще военную Соню. Приезжайте скорей, вообразите, что мы не можем так долго не видеться, что нам надо во что бы то ни стало встретиться в этом году, скоро, еще до лета, − и приезжайте! Я не знаю, где я буду летом, м.б., за Якутском в «Русском Устье», древнем поселении при устье Лены, туда организуется экспедиция. М.б., и в Яранске. Не знаю, где проведу будущий год, а до лета я наверняка в Москве. И жду дорогую милую нечаянную гостью. Но судьба так редко посылает нежданные радости и всегда сулит какие-то нежеланные кары и испытания. Вас не пустят сейчас, если

очередь за Вашим участком. И вопреки этим сомнениям, я жду и жду Вас.

Б. Ларин.

№ 7
Ржев, полевая почта, из Москвы.
21.VI.44

Дорогая Соня,
я давно не писал Вам только потому, что был отчаянно занят и запустил всю свою переписку. Большие события на фронтах, у нас и у союзников, воскрешают и вливают силы. Так близко теперь конец войны! Еще ближе – возвращение в Ленинград, возобновление большой академической и настоящей преподавательской работы, встречи с самыми дорогими друзьями. В конце июля в Вологде устраиваем диалектологическую конференцию. И при всем этом – по времени мне кажется, что я не доживу до лучших дней, так устал. Пишите!

Ваш Б.Ларин.

№ 8
Полевая почта, из Ленинграда.
9.I.1945

Дорогая Соня, меня изо дня в день и давно уже тревожило нарушение нашей переписки: я очень люблю Вас и никогда не теряю надежды вновь Вас увидеть и дождаться от Вас блестящих лингвистических работ. Последнее Ваше письмо не скоро попало ко мне из М. Я живу теперь постоянно в Л-де, а в М. бываю только изредка наездами на несколько дней. Как хорошо, что Вы попали в Литву. Изучайте ее, постарайтесь послушать живую литовскую речь. Ваши «странные рассуждения» летом дошли до меня, но я не мог Вам ответить, т.к. в них было обвинение и против меня, а я его не заслужил. В Л-де сейчас не по-старому, − оч. тяжело мне. Напишу потом

больше. Пишите о себе. От всего сердца желаю Вам счастья и сил.

Б.Л.

№ 9
Полевая почта, из Ленинграда.
5.IV.45

Дорогая Соня, мои письма почему-то не доходят до Вас, хотя я несколько раз писал Вам по обозначенному на В. конвертах адресу. Я живу в Л-де на старом месте, но квартира после осады превратилась в мрачную берлогу. Надеюсь потом хоть сколько-нибудь восстановить ее, хоть в двух комнатах устроить семью. До сих пор 2 моих дочери застряли в М., из-за этого и я не могу совсем разорвать связи с Москвой, езжу туда примерно через 1½ месяца на месяц. Ближайшая поездка в начале мая – до нач. июня. Ин-т Герцена влачит довольно жалкое существование, гл. обр. потому, что уж очень убогая дирекция, не может ничего добиться, не умеет жизнь ВУЗ'а сносно организовать, обеспечить хотя бы самыми необходимыми условиями. Из ИЯМ'а выделили новый Институт Русского Языка, там и ДРС. Аспирантов у меня теперь почти не осталось. Вернуться ко мне можно, но едва ли в Герценовском, скорее – при Университете при Акад. Наук. Пишите.

Б. Ларин.

№ 10
Полевая почта, из Ленинграда.
12.IV.45

Дорогая Соня, я на все Ваши письма отвечаю сейчас же, но плохо они доходят почему-то. Напрасно Вы думаете, что в Л-де сейчас так хорошо, как встарь было. Долго еще не наладится здесь жизнь, быт, работа. Пишут и говорят много вздору о Л-де. По нашей части и в ВУЗ'ах очень еще безобразно все обстоит и

в Акад. Наук. Чуть брезжит надежда, что с конца этого года или в будущем году уже можно будет работать. Я преподаю в Герцен. Ин-те, но последний уч. год. Летом я уйду окончательно из этого запущенного, расхлябанного и омерзительного по облику руководства учреждения. ДРС пока состоит из 3-х сотрудников вм. 12. Соответственно этому и преуспеваем. Помещения нет, топлива нет, книги «законсервированы», руководство Ин-та считает, что все – как нельзя лучше. Здоровье мое плохо. Семья частью в Л-де, а две старших дочери в Москве. Не знаю, воссоединится ли и когда воссоединится вся семья. Я писал уже, что Вам, наверно, удастся вернуться в аспирантуру, когда Вы этого захотите.

Б.Л.

№ 11
Псков, из Л-да.
4.XII.48

Дорогая Соня,

Вы должны получить отпуск в начале 2-го семестра во что бы то ни стало. Если это не сразу удастся, я напишу А.С. Ягодинскому и уверен, что он Вам это устроит. Вы закончите свою прекрасную работу и будете защищать ее в 1949 году.

Какие нужны Вам книги, напишите мне подробнее. Может быть, удастся найти хоть некоторые из них. Посылаю Вам свою любимую книгу: «Хождение за три моря».

Нельзя лишать себя музыки хотя бы по радио, не откладывайте хлопот о радиоприемнике. Это также «хлеб насущный».

Жду Вас в январе.

Б. Ларин.

№ 12

24.II.49

Дорогая Соня,

два дня назад на кафедральном заседании я предложил, чтоб наша ленинградская кафедра взяла шефство над Вашей псковской, чтобы помочь ей справляться с учебным планом и поднять на б. высокий уровень преподавание.

Вас это порадует? Или наоборот – покажется «добавочной нагрузкой»? Я полагаю, что таким образом мы достигнем сближения с Вашим начальством и легче будет воздействовать на него, чтоб условия Вашей работы стали более нормальными. Директор, когда он почувствует себя под прожектором или «на карандаше» у ленинградцев, не сможет самодурствовать, подтянется и, возможно, станет больше и доброжелательней заниматься делами Вашей кафедры.

От Вас сейчас требуется, пораздумавши, написать мне подробно, систематически, чего Вы от нас хотели бы добиться. Я предполагаю: 1) пополнить или положить начало Кабинету русского языка Псков. Педин-та книгами, какие у нас есть в дубликатах, таблицами или фотоснимками с них, кот. Ваши студенты могут увеличить. Фото-текстами. Программами и уч. планами. 2) Путем выезда ряда членов кафедры на короткие сроки пополнить Ваши преподавательские силы, прочесть неск. «узловых», руководящих лекций по тем курсам или тому курсу, какой не обеспечен Вашими силами.

3) Устроить весной (к. мая или нач. июня) диалектологическую конференцию перед летними экспедициями – совместно силами Вашей и нашей кафедр.

Но м.б. Вам совсем не это нужно. Пишите же скорее, да посоветуйтесь об этом на своей кафедре.

Ваш Б. Ларин.

№ 13
20.IX.49

Дорогая Соня,

Вы, конечно, знаете, как широко и основательно развернулась сейчас «кампания возмездия» Аванесова, Виноградова, Сердюченко и их подголосков – дерзкому и безрассудному, непримиримому и неугомонному злодею Ларину. Виноградов ведет дело «на полный разгром врага». Вчерашние друзья и сторонники отступились от меня, прибавляя от себя по горсточке всяких обвинений, сплетен, двусмысленностей. В союзе с Виноградовым в этом случае оказались не только Евгеньева, Гринкова, Адрианова-Перетц, но и Филин, мой бывший подшефный Бондаренко (теперь парторг в ИРЯЗ'е)… Словом, я остался на поле один. Правда, многие верные друзья не покидают меня хоть молча – вдали. Вот и Вы прислали чудное дружеское письмо. Спасибо за приглашение в Псков, но сейчас мне нельзя и шагу сделать из Л-да и потому, что я погряз в Университете, а еще более потому, что после такого публичного поношения и накануне еще больших поношений – невозможно выезжать в качестве «шефа». Ведь какой-нибудь ретивый студент может шум поднять, жаловаться: кого это к нам посылает ЛенУниверситет: это же клейменый злодей!

Подождем, Соня.

А когда Вы приедете в Лд. Мне надо бы Вас повидать в начале октября, перед Вашим диспутом.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 14
12.X.49

Дорогая Соня,

посылаю Вам Веч. Л-д с объявлением о Вашем диспуте. Меня очень огорчило такое позднее назначение его, т.к. я должен уехать на ноябрь и вероятно на весь ноябрь (sic. – С.Г.) в Ригу и

Вильнюс – вести там занятия и консультации. Впрочем, так много перемен каждую неделю, что м.б. до ноября еще и это переменится.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 15

5.III.50 (открытка)

Глубокоуважаемая Софья Менделевна,

протоколы кафедры, которые Вы отобрали для ознакомления с ними членов кафедры Псковского ПИ, не переписывайте, оставьте в делах своей кафедры. Это дублеты и возвращать их в Л-д не надо. Напрасно Вы не взяли всю папку дублетных экземпляров. Новостей у нас никаких нет. Все ли у Вас хорошо после возвращения из Л-да?

Всего лучшего.

Б. Ларин.

№ 16

23.III.50

Дорогая Соня,

не удалось мне съездить во Псков до Вильнюса, приеду к Вам после литовской сессии, в апреле. У меня здесь после выборов оказалось не меньше, а больше всяческих дел, да еще и грипп помешал. Утешаю себя тем, что в апреле Псков будет еще красивее. Я вернусь из Вильнюса около 2–3 апр. А между 6–10 рассчитываю побывать у Вас.

Будьте здоровы!

Привет кафедре.

Б. Ларин.

№ 17
12.XII.50 (открытка)

Дорогая Софья Менделевна,

когда Вы приедете в Ленинград? Наши шефские обязанности совсем не выполняются, но во 2-м семестре мы их «наверстаем». Напишите, когда приедете: мы хотим устроить собрание с Вашим участием. Не продается ли в Пскове: История живописи Алпатова? Если найдете в к.-н. Вашем магазине или киоске, то купите для меня, пожалуйста.

Ваш Б.Ларин.

№ 18
28.VI.1951

Дорогая Соня,

я не писал и потому, что все было очень неясно, и потому еще, что с 20 по 27 меня не было в Лде, я «отрабатывал» в Вильнюсе. Сейчас тоже мало что окончательно прояснилось, но и в том, что уже известно, нет ничего утешительного. Нам совсем отказали в ассигновании на Великолукскую экспедицию на том основании, что в 1950 г. осенью (когда составлялся план экспедиции) – мы проектировали только поездку в Печорский бассейн. Теперь урезанную втрое смету на Печорскую экспедицию нам утвердили, а на вторую экспедицию денег не дают. Мы пустили в ход все меры нажима, м.б., еще и удастся вырвать сколько-нибудь денег для второй партии диалектологов, но это выяснится не раньше 2–3 июля. Вопрос о «псковитянках» наш замректора по хозяйственной части решил отрицательно. Но две наши студентки (а м.б. даже и три) не могут ехать, вот поэтому, м.б., мы используем их деньги и их командировки для Ваших студенток. Надо только, чтобы они имели при себе на случай проверки документов не только паспорта, но и командировочные удостоверения от Псковского пединститута в экспедицию: в Красногородский, Себежский, Опочецкий, Идрицкий районы Великолукской области.

Похлопочите, чтоб им выдали такие удостоверения, и приезжайте с ними (двумя) в Ленинград не позже 5 июля. Я думаю, что это устроится. Если бы нам окончательно отказали в ассигновании на Великолукскую экспедицию, то я немедленно Вам отправлю телеграмму по тому же адресу (Почтамт, до востребования). Заходите каждый день на почтамт с 1 по 3 июля.

На каждого студента в среднем выйдет по 600 руб.

Записи будем делать от трех поколений. Анкету обязательно от стариков и от среднего поколения (т.е. от 2-х носителей говора в каждом случае).

Здесь перед отъездом участников еще раз напутствуют всякими указаниями и советами.

Всего лучшего!

Я уеду на Печору не раньше 7.VII.

Б. Ларин.

№ 19

7 сентября 1951

Дорогая Соня,

в начале июля Вы не зашли ко мне, теперь увидимся не так скоро. Напишите мне, прошу Вас, как провели лето, какая сейчас у Вас нагрузка, есть ли новые работники на кафедре, какие у Вас планы по научной работе?

Напишите подробно о Ваших диалектологах: кто и куда ездил, сколько и какие насел. пункты они обследовали, какие привезли материалы, что Вы с ними предполагаете дальше делать?

Когда Вы приедете в Ленинград?

Мне всегда горячо стыдно, чуть вспомню о наших невыполненных шефских обязанностях и обещаниях. Напишите

о своих законных желаниях и требованиях, о Вашем счете кафедре русского языка ЛГОЛУ.

Пишите!

Ваш Б. Ларин.

№ 20

31 дек. 1951

Дорогая Соня, с Новым Годом!

За то, что Вы жалуетесь Ларину на Ларина, не следовало бы Вам отвечать. Он Вам дело говорил, а Вы все еще: «ум молод – не дозрѣл». Я был очень огорчен рассказом Г. Качевской о заседании в Географическом Обществе. Надо было обязательно пойти самому (а Вы и не догадались пригласить) и побудить Вас к энергичной защите своих позиций.

Выступление Андреева было трафаретным и совершенно несостоятельным, а Вы не реагировали на это негодованием и обличением, яростным нападением, как бы следовало. «Мы не знаем ничего о Богдане Лыкове», – в этом беда и позор историков. «Значит, он был незаметный, заурядный человек» – отнюдь не значит. Благодаря таким историкам как Андреев – мы только и знаем, что биографии царей, стольников, ловчих да окольничьих бояр, а больше ни о ком подробно не знаем. Но не последуем за Андреевыми в том, что никто не мог создавать ценные научные или литературные труды, кроме тех, «именитых людей», какими Андреевы занимаются.

Недоверие к сведениям митр. Евгения должно быть каждый раз серьезно обосновано. В данном случае и не может быть никаких сомнений, что его сообщение о Б. Лыкове основано было на неизвестных нам пока историч. документах. Верно, что надо во что бы то ни стало докопаться, разыскать источник сведений митр. Евгения. Надо тщательно изучить все московские списки Космографии, возможно, найдется нужная запись на одном из списков. Искать окончательных

доказательств Вашей гипотезы должно, но отказываться от нее только по лени и скепсису ожирелого пошляка было бы постыдно. Верить или не верить в «моего Лыкова» – дело интимное, но доказать, что другой гипотезы не может быть, – желаю Вам от всего сердца. И мне кажется, что это совсем не трудно сделать.

Главный вывод – надо с еще большей энергией приниматься за продолжение исследования языка Космографии, разве не очевидно, как много интересного оно сулит филологам различных специальностей!

Я подробно рассказал о заседании и выступлении Андреева проф. С.Н. Валку. Он всецело на Вашей стороне и тоже считает возражения Андреева вздорными.

Займитесь же окончанием работы о Космографии и Богдане Лыкове, которого Вы открыли в XVII в., как новую звезду. Только при этом условии я забуду все Ваши прегрешения и перестану Вас бранить. В 1952 г. Вы должны проработать текст Космографии дальше – по крайней мере в двойном объеме против первоначального. Это мой новогодний тост за Ваше научное произведение!

Б. Ларин.

№ 21

10 сентября 1952

Дорогая Соня,

я получил Вашу телеграмму и ответил, что выезжаю не 4, а 5 и буду во Пскове не 5, а 6-го. К большому сожалению, мы не встретились, хотя я искал Вас во все продолжение стоянки. Видимо, Вы были заняты лекциями или не получили моей телеграммы.

Порадую Вас, сегодня Орлова выдержала на круглое отлично (5) экзамен по специальности и является поэтому надежным кандидатом в аспирантуру. Только бы по марксизму

получила не меньше 4. Скоро Вы узнаете и конечный результат ее экзаменов.

Я уверен, что она попадет в аспирантуру. Хорошая девушка!

Когда же Вы попадете в Ленинград. Я здесь до 25 сентября. Потом приеду сюда на весь ноябрь.

Всего лучшего!

Ваш Б. Ларин.

№ 22

12 сентября 1952

Дорогая Соня,

сейчас я встретил Александра Игнатьевича Андреева, и он обрадовался этой встрече не из-за меня, а потому, что давно ищет Вас. Он просит возможно скорее прислать ему для историко-географического сборника Ваш доклад, можно увеличить объем: но его интересуют больше всего все Ваши рассуждения и обоснования самостоятельности обработки, творческой переработки чужестранного текста. Вопрос об авторе его мало интересует, хотя он меня уверял, что вовсе не отвергает Вашей гипотезы об авторстве Богдана Лыкова, а только призывает к осторожности, хотя бы больше аргументов… Словом, он напечатает «с удовольствием» и Ваши рассуждения об авторе, но был бы рад увидеть более прочную аргументацию.

Прошу Вас, Соня, не упускайте этого случая. Обязательно пошлите статью и поскорее, чтобы она появилась еще в этом году, как надеется А.И. Андреев.

Увеличивайте объем – показом отходов от оригинала, вставок, исправлений, полемики с Меркатором, свободного и находчивого подыскания отечественных параллелей и т.д.

Адрес Ал-ра Игнатьевича Андреева: Ленинград, 70, проспект им. И.В. Сталина, д. 206, кв.1.

Бросьте все другие дела, приведите доклад в годный для сдачи в печать вид и отправьте Андрееву.

Ваш Б. Ларин.

№ 23
Из Вильнюса, открытка.
26 окт. 1952

Дорогая Софья Менделевна,

меня тревожит то, что я не имею никаких вестей о новых аспирантах каф. рус. яз. ЛГУ, о Вашей Орловой, напишите, что с ней. До Вас, вероятно, дошла весть о том, что я подвергся 10 октября злоумышленному «налету» мотоциклиста в форме милиционера, полупьяного, не имевшего прав вождения мотоцикла. Этот, по-видимому, наемный бандит по всем правилам американской школы искалечил меня и только случайно не убил. На полгода выбит из строя. Этот месяц ужасно тяжело, дальше будет непременно лучше.

(?) хотели отправить меня на тот свет, да вот не удалось. До свиданья.

Б. Ларин.

№ 24
28 дек. 52

Дорогая Соня,

будьте счастливы в интимной жизни, будьте воодушевлены в работе, будьте молоды – как были – вот лучшее, чего могу Вам пожелать на Новый Год.

Мне трудно представить, что Ваша поездка в Вильнюс принесла Вам много радости. Город Вы смотрели в самую темную, неприглядную пору. Да еще встречи с больным, «тяжелым больным» – в скверной больнице – что может быть в этом хорошего! Но раз Вы довольны, могу только восхищаться Вашей способностью – в самом плохом находить отрадное.

Я вырвался домой еще 6 декабря. Здесь мне гораздо лучше: – и тихо и не душно и нет противных соседей.

Читаю газеты и беллетристику. Изредка слушаю музыку по радио. Жду времени, когда мне можно будет выходить подышать свежим воздухом.

Ко мне много заходят виленчане, приезжают из Л-да.

Понемногу начинаю читать рукописи моих учеников и рукописи диссертаций, по кот. придется выступать оппонентом. Трудно мне это сейчас. Голова еще тяжелая, мутная, как с большого похмелья. Но скоро все войдет в норму, я уверен.

Хочу съездить в Лд на консилиум хирургов в Травматологическом Ин-те. Это устроила мне кафедра и деканат ЛенУниверситета. Выеду в первой половине января, а когда именно, еще не знаю.

Как жаль, что Вы так и не рассказали о себе. Еще расскажете, мы не последний раз встретились в этой скверной больнице.

До свидания.

Ваш Б. Ларин.

№ 25
В Ленинград, в пути, в поезде (открытка из поезда).
4 февраля 1953

Дорогая Соня, спасибо за лирическое утешение в день шестидесятилетия. Прочитав много ласковых или торжественных, дружеских или «для порядка» поздравлений, я словно слушал перекличку строя моих друзей. И почувствовал себя не лишним, не одиноким, не последним в своей стране. А бывало такое чувство, что кончено хорошее в жизни, началось «пошел ко дну». Может быть, поездка на Кавказ поможет мне изгладить тяжелые следы – рубцы болезни. Пока еще я далеко не здоровый человек, пока инвалид. Из Цхалтубо, куда я сейчас еду, напишу Вам еще.

Ваш Б. Ларин.

№ 26
В Ленинград, из Цхалтубо.
11 февраля 1953

Дорогая Соня, желаю Вам сделать свежие наблюдения о числительных в древнерусском языке и вернуться еще к своей неисчерпаемой Космографии. Не следует забрасывать так хорошо начатую и богатую различными применениями и ответвлениями работу. Теперь за Вами долг перед советской наукой – расширить и укрепить этот захваченный у историков, литературоведов и географов плацдарм лингвистического наступления. А руки у Вас цепкие, мужества и стойкости на двоих!

Жаль, что Вы не забежали ко мне на неск. минут в январе. Отсюда я поеду прямо в Ленинград и пробуду там весь март, но приеду, вероятно, не раньше 5 марта, – будете ли Вы еще в Ленинграде?

Жаль, что Наташа Орлова не поймала меня в Университете, я ходил туда три дня. Передайте ей, что обязательно надо ей повидать меня, чуть я вернусь. Оставьте ей мой телефон и пусть, начиная с 5 марта, звонит каждый день и узнает, приехал ли, – а там сговоримся о встрече. Хоть я и не сомневаюсь, что она много работает, но лучше бы даже на первых порах проверять свои планы и наметки с руководителем.

Курорт Цхалтубо только еще начинает строиться и благоустраиваться. Я попал в 1-ый, т.е. самый изначальный, а потому совсем плохонький санаторий. И тесно, и душно, и неопрятно. Грузины не особо взыскательный народ в домашнем быту, и то, что по их взглядам и вкусам очень хорошо, нам кажется примитивным, некомфортабельным, неряшливым. Доктора задерганные, затасканные, отупелые и потому не работают по-настоящему, а халтурят. Но дело не в этих горе-эскулапах, не в бытовых условиях: все дело в целебных водах. А ясности еще нет, далеко нет, кому и как ими пользоваться. Приписывают на авось – одно, другое, третье. Одним

великолепно помогает, другим едва-едва, третьим – ничего не дает. Результаты должны сказаться только месяца через два после цикла купаний.

Неприятно малокультурное окружение. За одним-двумя исключениями это совсем необразованные люди, кот. как будто на подступах к коммунизму должно быть исчезающе мало, а оказывается, их все еще большинство. Эти простые люди очень уж нелепо ведут себя, когда им не нужно работать, и они ничего придумать не могут для заполнения непривычного досуга, кроме животных удовольствий. Де еще несколько десятков восьмипудовых иждивенок. Жены средней грузинской интеллигенции не работают и, как в царское время, представляют из себя не что иное, как говорящие пуховики, редко и мало проветриваемые к тому же.

А хуже всего погода: дождь мелкий, холодный, круглосуточный и многосуточный. Если весь февраль будет таким, то навряд ли этот курорт кому-нибудь из нас заметно поможет. Сидим по клеткам на плохой птицеферме, нахохлились и изредка слышим ссоры у водопойки или кудахтанье истеричных клушек.

Если успеете до 20-20 (!), то напишите о своих планах на март и дальше.

До свидания!

Б. Ларин.

№ 27

В Псков до востребования из Ленинграда. Открытка.

22.III.54

Дорогая Соня,

будьте добры привезите или передайте с надежным человеком возможно скорее Опыт областного словаря АН. Он мне сейчас очень нужен для работы.

Б. Ларин.

№ 28
В Псков на адрес института из Ленинграда (открытка).
22.III.54.

Глубокоуважаемая Софья Менделевна,

прошу Вас при первой возможности привезти или передать мне Опыт обл. словаря АН. Я должен срочно сдавать работу, для завершения которой этот словарь мне необходим.

Б. Ларин.

№ 29
В Псков из Ленинграда
27 марта 1954

Дорогая Софья Менделевна,

неск. дней назад я послал Вам открытки в Techinstitut и «до востреб.», а вчера узнал от Наташи Орловой Ваш постоянный адрес, спешу отправить третье письмо: мне срочно нужен «Опыт областного словаря И. Акад. Наук 1852 г.». Передайте его с какой-н. оказией или привезите, если удастся Вам самой приехать.

Я пробуду здесь до 8 апр. (в кр. случае до 10 апреля).

Рад бы повидать Вас или хотя бы из письма узнать о Ваших делах и днях.

Жду.

Б. Ларин.

№ 30
Из Вильнюса в Псков.
6 мая 1954

Дорогая Соня,

получил только что письмо от Л.С. Ковтун – почти целиком о Вашей статье в Сборнике Географического Общества. Я так рад за Вас, что сразу очистил стол от ежедневной порции «научного» силоса и принялся за письмо – милой Соне Глускиной. Жаль, что Вы не послали книгу мне сюда! Я буду в

Лде только после 10-го, тут задерживаюсь из-за своей болезни. Ну, да уже скоро!

Этот год посылает мне много нечаянных радостей, появление Вашей статьи, да еще с таким торжественным аншлагом – самая большая из них!

Надо развить этот успех! Надо продолжать Вашу работу над переводом Меркатора и напечатать еще несколько статей по этому вопросу, – оставить прочный след, раз так высоко оценена Ваша работа там, где мы меньше всего ожидали.

Это важнее других Ваших начинаний, поверьте. Ведь скоро заинтересуются всерьез Вашей работой и языковеды. А их высокая оценка значения Вашей работы будет еще более нам всем приятна. Пора исследования истории научных понятий и терминов в России – почти уже настала, скоро анекдоты Виноградова по истории слов будут казаться таким же анахронизмом, как, например, «списки провинциальных слов» или «нечто о собственных именах древней Руси» в журналах конца XVIII и начала XIX вв.

А работы типа лексикологических штудий С. Глускиной станут обычными и многочисленными. Сейчас печатается очень сходная с Вашей работа И.А. Хаустовой о военной и дипломатической лексике допетровских Курантов.

Я буду в Лде с 10.V по 15–20 июня. Очень рад был бы там повидаться с Вами!

До свидания.

Б. Ларин.

№ 31

Открытка из Ленинграда в Псков.

17.XII.54

Глубокоуважаемая Софья Менделевна,

я очень сильно сожалею, что и в этот Ваш приезд меня не было в Лде и нам не пришлось побеседовать.

Я буду теперь в Лде до середины января. А там куда-н. уеду, скорее всего в Вильнюс. Как здоровье, как работаете, что печатаете?

Желаю новых тем, новых идей, новых увлечений.

Б. Ларин.

№ 32
Открытка из Вильнюса в Псков.
3.X.55

Дорогая Соня,

мы еще увидимся! Я поправлюсь. Не всегда покорно выполняю все предписания врачей, но в основном – «дисциплинированный больной».

Как хорошо провели Вы свой отпуск в этом году! Завидую особенно потому, что надолго еще обречен на камерную жизнь без всяких эскапад. Чем дальше, тем больше беспокоит меня застой в моих научных делах, а до некоторой степени и в делах моих учеников. Писать скорей и больше книг, статей, рецензий, учебников…

А тут лежи и жди приговора об инвалидности. Прогулял хорошие годы.

Ваш Б. Ларин.

№ 33
Из Вильнюса в Псков
9 ноября 1955

Дорогая Соня,

мое письмо попадет к Вам после праздников, после Вашей поездки в Лд, в дни новых усилий, каких требует всегда переключение на повседневный рабочий ритм.

Я переселился из больницы – домой перед самыми праздниками. Но это вызвало сразу небольшое ухудшение, и доктор снова уложил меня на две недели «строгого режима», даже с полным запрещением принимать каких бы то ни было

посетителей. Это самое неприятное, т.е. одному трудно забывать о своей болезни. Я могу «провести» доктора и не все лежать, а изредка вставать и, пройдясь по комнатам, усесться ненадолго за свой письменный стол, но запрет посещений обнародован через моих институтских жильцов – никто из виленчан не решится заглянуть ко мне.

Почта – вот мой самый желанный гость теперь.

Большое, большое спасибо Вам за томик Ученых Записок с Вашей статьей. Мне еще «непосильны» книги по специальности, читаю исторические романы. От всего я отстал на полгода. Иногда это угнетает меня, а бывает, что и рад полному освобождению от «современности». Я всегда любил жить в прошлом, далеком, не своем. Ничто так не волнует и не увлекает меня, как воскрешение давно минувших дней, людей, событий, речи и раздумий.

А современники – это круг милых и дорогих друзей, «малый мир», – и дальше враждебный и часто ненавистный «большой мир», там творятся такие низости и ужасы, что гибель планеты представляется достойным его «страшным судом».

Ваш Б. Ларин.

№ 34
Из Ленинграда в Псков.
27 ноября 1956

Дорогая Софья Менделевна,
не осуждайте меня, ни за долгое неписание, ни за опоздание с высылкой книги, которая давным давно для Вас приготовлена.

Год от году больше нарушаются все мои планы и попытки планирования. Живу все более нечаянно, как прийдется, как случится, что удастся из задуманного. И все меньше удается.

Давно Вы не заходили, и не знаю, как живется Вам теперь.

Новый Год и зимние вузовские каникулы я буду проводить, видимо, в Ленинграде. Надеюсь, мы встретимся.

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

№ 35

Из Ленинграда в Псков

11 декабря 57

Дорогая Софья Менделевна,

через месяц, между 10–20 января мы соберем конференцию по Псковскому и другим севернорусским областным словарям. Напишите мне поскорей, посоветовавшись с товарищами по кафедре, на какие три дня (10–11–12 мая, или 13–14–15 или 16–17–18 янв.) удобнее было бы для Вас и Ваших коллег назначить нашу конференцию. В конце декабря мы разошлем тогда вызовы и приглашения. Сообщите, кто и с какими докладами хочет выступить на этой конференции из членов Псковской кафедры. Это – для уточнения повестки. У нас будут и студенческие доклады тоже.

Будем Вас ждать.

Ваш Б. Ларин.

№ 36

Из Ленинграда в Псков.

15.XI.58

Дорогая Соня,

я должен подготовить для ректората ЛГУ повестку или проект повестки нашей конференции в к. января или в нач. февраля по двум темам:

1) областные словари
2) словарь писателя.

Прошу Вас прислать мне поскорей тему Вашего доклада на этой нашей (2-ой Ленинградской) конференции и докладов

остальных работающих над Псковским словарем членов кафедры и студентов.

Не знаете ли Вы, что это за словарные материалы Ануфриева 1957 года по Псковскому, Пушкиногорскому району, с. Подсосонье? Много ссылок на Ануфриева в подготовленном Ф.П. Филиным проекте (пробные статьи) Сводного областного Словаря, кот. будет обсуждаться в Москве 20.XII.

Попали к Вам эти записи Ануфриева, или миновали и Вас и нас. Максимов должен бы знать, откуда Филин взял эти материалы. Они очень интересны. Надо их достать непременно и включить в наш Словарь.

Что у Вас нового?

До свидания.

Б. Ларин.

№ 37
Открытка из Ленинграда в Псков.
9.I.59

Глубокоуважаемая Софья Менделевна,

я отправил на Ваше имя, но на адрес кафедры Программу нашего 2-го совещания, т.к. не знал точно, где Вы сейчас находитесь, и опасался, чтобы Программа не лежала в почтовом ящике, пока Вы появитесь в П-в дома.

До скорой встречи!

Б. Ларин.

№ 38
Из Ленинграда в Псков.
22 июня 59

Дорогая Софья Менделевна,

сегодня Л.А. Ивашко принесла билеты: мы втроем – я с Натальей Яковлевной и Люся выезжаем во Псков на автобусе в воскресенье 28 июня, рейс № 172, автобус отходит из

Ленинграда в 8 ч. 30 м. утра и должен прибыть во Псков около 2-х ч. дня.

Будьте добры обеспечить помещение, где нам остановиться. Мы пробудем во Пскове до утра 30.VI, а затем хотим дня на два отправиться в Пушкинские места (это я с Нат. Як., а Люся вернется в Лд, т.к. она много раз бывала у Пушкина). Надо в понед. 29 июня собраться со всеми псковичами, кто участвует в работе над Обл. Словарем, и я предоставлю себя Вам на растерзание.

А полдня 28.VI посвятим блужданию по Пскову, если не будет слишком мерзкая погода, как вот сейчас. Синоптики не обещают ничего хорошего, поэтому вся надежда на бога, он ведь иногда надувает синоптиков.

Простите за мои докуки, но раз уж мы должны ночевать две ночи, да еще не один, а трое, то надо заранее позаботиться, чтоб нас куда-то пристроить.

А вторая просьба: если у Вас надо заранее заказывать билеты в Святые Горы, то закажите 2 места на утро (как угодно рано) во вторник 30 июня, чтобы наша программа не расстроилась из-за отсутствия мест в автобусе. Мы оба никогда еще не бывали в Пушкинских местах, а специально только туда – наверно никогда не соберемся.

До скорого свиданья!

Б. Ларин.

(2 (?).VII.59)
Записочка без даты, в Пскове.

Дорогая Софья Менделевна,

мы приехали на поезде, и ждем Вас, когда Вы освободитесь, «в Вашем доме». Хорошо бы у Вас встретиться и с Гомоновыми, и с Жуковской, если статьи написаны, и есть что обсуждать.

Ларины.

№ 39
Из Ленинграда в Псков
29 сент. 59

Дорогая Софья Менделевна,

лето не пошло мне в прок. Вернулся 18 авг. из Вильнюса и сразу заболел. Сперва грипп, потом незлокачественная опухоль и спазмы сердца. 15 сент. упал на улице, и скорая помощь отвезла в больницу, где я и по сей день. Скоро выйду на волю. Но упадок сил и черные мысли, тяжелое настроение – вероятно – не так скоро будут осилены.

Все наши дела – словарные и другие заслонены болезнью. Когда попаду домой, а потом у Университет, сделаю все, что надо, что обещал. Жаль, что мы не повидались перед Вашим отъездом из Лда.

Но конференцию во Пскове мы непременно осуществим. Пусть Иван Терентьевич доведет до конца свои переговоры с «вышестоящими» и принимается за организационную подготовку конференции.

Когда я выйду из больницы, мне придется сразу же съездить на несколько дней в Вильнюс. Поэтому планируйте Ваш приезд в Лд для согласования всех деталей программы конференции во 2-ой пол. октября (15–25 окт.).

Будем Вас ждать и готовиться к «деловым» переговорам.

Ваш Ларин.

№ 40
Из Ленинграда в Псков
25.XI.59

Дорогая Соня,

я дома с 18 ноября. Почти всё лежу, ни работать, ни ходить еще не могу. Приходят ко мне много по всяческим делам, даже от деловых разговоров очень устаю к концу дня.

Завтра утром вместе с Нат. Як. мы уезжаем в Комарово, в Дом Творчества Союза писателей (от вокзала в Комарово –

налево и чуть назад, если встать по ходу поезда) – на месяц. Если приедете в Лд, то доберитесь уж и до Комарово (час езды в электричке). Приезжать туда следует утром к 11 час. или после обеда к 6 час., – как Вам будет удобнее.

Теперь о конференции.

Мы тут не знаем тоже ничего о Ваших планах, Вашей кафедры и Дирекции ПИ.

Наши пожелания таковы: 1) устроить эту межвузовскую конференцию в зимние студ. каникулы (конец января – начало февраля). 2) Пригласить: а) из Лд. Унив-та 5 чел (Ларин, Лебедева А.И., Ивашко Л.А., Мжельская О.С., Елина В.Н.); б) из Герцен Ин-та 3-х (Гринкова, Богородск. Б.Л., Чагишева В.И. или Родионова А.М.); в) из Новгородского ПИ – 2 ч., Ярославского ПИ (Гр.Гр. Мельниченко), Вологодского ПИ 1 ч., Архангельского ПИ 1 ч., Пермского Унив-та (Ф.Л. Скитова), Казанского Унив-та (2 ч., В.М. Марков), Минск. Пед. Ин-т (А.Ф. Манаенкова), Рига Унив-т (Семенова М.Ф.), Вильнюс. Унив-т (Костельницкий В.И.). Это для почета и уважения; поскорее запросить, кто из приглашенных хочет приехать. Согласится приехать не более половины. В приглашениях предложить сделать сообщения по проблеме областной лексикографии.

Вот каковы мои предложения.

До свидания.

Ваш Б. Ларин.

PS. Простите, что получилось так грязно (лежа пишу).

№ 41
Из Вильнюса в Псков.
9 декабря 59

Дорогая Соня,

передайте организаторам Псковской конференции (в том числе С.М. Глускиной), что я очень просил бы не назначать ее раньше, чем в феврале.

После возвращения к ленинградским делам – около середины февраля мне прийдется уехать в Вильнюс, я вернусь только в конце января. Л.А. Ивашко тоже умоляет не начинать этой конференции в январе (а только в феврале). Иначе ей не удается подготовиться.

Напишите нам окончательно точную формулировку заглавий всех докладов псковской стороны, а мы Вам сообщим в к. декабря заголовки ленинградских выступлений.

Я больше хожу и крепче стал, но все не могу еще приняться за работу. Все, что привозят и присылают мне из Лда на заключение или на рецензию – лежит без движения. «Не подымается рука».

Все же уповаю, что с января начну работать. Как Ваше здоровье?

Привет псковским собратьям!

Ваш Б. Ларин.

№ 42
Из Ленинграда в Псков.
1.I.60

Дорогая Соня,

я не успел Вам ответить в старом году. Вернулся из Комарова в Лд и чувствую себя пока еще очень неуверенно, нетвердо на ногах держусь.

Хорошо, что отодвинули Псковскую конференцию, но я боюсь одного: в к. марта директора ВУЗ'ов не согласятся никого отпустить. И будем мы, ленинградцы да псковичи – одни. А хотелось бы, чтоб шумело вече вольнолюбивых…

Наши делегаты, кажется, еще и не начали готовиться к своим выступлениям. А м.б. сужу по себе и несправедливо. Но подойдет срок, и всех начнет лихорадить.

Привет Эмику! А Вам тысячи пожеланий и ни за что не хворать!

До свиданья.

Б. Ларин.

PS. Наталья Яковлевна просит передать ее привет.

БЛ

№ 43

Из Ленинграда в Псков.

14.II.60

Дорогая Софья Менделевна,

в среду 17.II мы собираемся обсудить свои тезисы. А на другой день Л. Ивашко, вероятно, уже будет у Вас и отвезет Вам все, что готово. Надо и Вам к 18.II оформить и обсудить все тезисы Псковских докладов и прислать копию их ко мне с Л.А. Ивашко, чтоб я их просмотрел и, если надо, подправил. Потом отошлю их Вам немедленно для размножения и рассылки. На нашу конференцию очень хочет приехать из Вильнюса только что назначенная там заведующая сектором Диалектологического Атласа Литовского языка Елена Гринавецкене. Пошлите, пожалуйста, вызов или приглашение прямо на ее имя (отчества в Литве не прививаются) – по адресу: Вильнюс, ул. Антакальню, 6, Институт Литов. Языка и Литературы, сектор Диал. Атласа.

Я намерен сообщить у Вас о только что полученной мною из Варшавы книге Marian Kucała. Porównawczy Słownik trzech wsi malopolskich.

А если Вы хотите инструкцию от меня тоже, то непременно и поскорее соберите от всех «недоуменные вопросы» и требования к инструктору, чтоб мне знать, о чем писать, и чтоб не повторять вещей общеизвестных, без всякого доклада уже каждому ясных.

Будьте здоровы! Привет Эмику!

Ваш Б. Ларин.

№ 44
Из Ленинграда в Псков.
18.II.60

Дорогая Софья Менделевна,

Люся уезжает только сегодня и приедет в Псков 19, но у нее было «хлопот полон рот».

Тезисов собрать почти не удалось. Наши ленинградские докладчики всt еще собираются с мыслями и копаются в материалах. Доклады свои напишут в марте, а тезисы я прошу всех представить к 1 марта. Раз они не будут печататься типографским способом, то спешить нельзя, лучше получить их позже, но в более соответствующем докладам виде. А размножить успеем.

На какие же дни окончательно назначается конференция?

Если псковичи – в отличие от ленинградцев написали хотя бы «первую редакцию» или проект своих тезисов, то передайте их с Л.А. Ивашко мне, я сделаю свои рекомендации для их окончательной переработки.

По-видимому, переменчивость погоды изводит меня: постоянно страдаю и от головных болей, бессонницы, и от сердечных болей. Занимаюсь мало, медленно подвигаются дела. Надеюсь, что в марте будет лучше.

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

PS. Привет Гомоновым и Жуковской.

БЛ

№ 45
Открытка из Ленинграда в Псков.
29.II.60

Дорогая Софья Менделевна,

в «проекте программы Псковского совещания» мы забыли дать место двум докладам: 1) Трубинского (тезисы Л. Ивашко

должна была передать Вам) – что-то о предикативных деепричастиях. 2) Веры Ник. Елиной. Обозначения характерных свойств и признаков человека. Надо их вставить. Решайте с Иваном Терент. сами, где их приписать (третьими).

Ваш Б. Ларин.

№ 46
Из Ленинграда в Псков.
6.III.60

Дорогая Соня,

сегодня получил Ваше письмо, сегодня же отвечаю и высылаю свои тезисы. В среду 9.III на семинаре я получу тезисы Мжельской, Елиной, Ивашко. Сегодня послал увещевательные открытки Федорову, Прохоровой – Царевой, Чагишевой. Написал и Гр. Мельничеснко, чтоб он поскорее сдал свои тезисы.

Прислал ли тезисы А.В. Никитин из Новгорода? Дал ли свои Максимов? Надеюсь, что к 15 марта у Вас уже соберутся тезисы всех докладов, и Вы их размножите к 28-му III.

Я приеду один, прошу поместить меня в гостинице. Это окончательно. А у себя Вам м.б. прийдется принять кого-н. из женщин, кто не получит места в гостинице, если все приглашенные приедут (авось нет). Трубинский в лагере на военных сборах, поэтому его тезисы печатайте, как они у Вас есть.

Я бы по программе предложил след. мелкие поправки

1) Снимите все титулы первого докладчика (обязательно!), оставьте только: проф. Б.А. Ларин. Заглавие вдвое укоротите: «О принципах инструкции Псковского словаря».

2) Доклад А.В. Никитина следует перенести с 28 марта на 31 марта, а на его место поставьте доклад Максимова. Сначала идут все доклады, тесно связанные с

Псковским словарем, а в конце по близким, но не связанным со словарем непосредственно (сюда и вопросы методики).

3) По этому же принципу и доклад Трубинского следует перенести на 31 марта (а также еще и потому, что его со сборов могут отпустить на 1 день раньше, но едва ли отпустят на 2–3 дня раньше. Он и приедет, вероятно, только к 31 марта).
Это всё. Печатайте с указанными поправками.

№47
Из Ленинграда в Псков.
10.III.60

Дорогая Соня,

вчера на семинар ко мне явился Трубинский и принес переработанную редакцию своих тезисов. Пересылаю ее Вам. Если еще не печатали, то размножайте эту 2-ю ред. Мжельская со слезами жаловалась, что даст свои тезисы только 15–17.III. Сейчас она занята до одурения школьной практикой. Люся Ивашко обещала сегодня 10.III. отправить свои тезисы. Сегодня же были у меня О.Г. Порохова и Л.И. Царева. Они принесли свои тезисы, я прочел и одобрил их, но первые экз. были Вам посланы ими раньше. Их тоже можно размножать. Никак не откликнулись пока на мои обращения только Чагишева и Федоров.

По-видимому все ленинградцы приедут вместе в воскресенье 27 марта в одном автобусе. Но я Вам еще напишу об этом, когда мы возьмем билеты.

В.И. Трубинский отпросился у военного начальства с 28 по 30, а 31 должен явиться в лагерь; поэтому он просит поставить его доклад раньше 31.III., не позже 30 марта. Боюсь, что и с этим я опоздал, Вы уже отдали печатать программу. Не беда, если и отдали, переставим доклад в ходе конференции. Готовите ли Вы, псковичи, пробные слова?

Пока, кажется, все.

Б. Ларин.

№ 48
Из Ленинграда в Псков.
14.III.60

Дорогая Соня,

надеюсь Вы уже получили – после других – и тезисы Л. Ивашко, и тезисы О.Г. Пороховой (она приносила и читала мне свои вместе с Л.И. Царевой), а также и В.И. Чагишевой и А.И. Федорова (эти двое тоже приходили со своими тезисами, и я их одобрил). Остается только О.С. Мжельская. Вероятно, и она на днях Вам вышлет свои. Б.Л. Богородский окончательно решил ехать вместе со всеми нами в воскресенье 27 марта с утренним автобусом, кот. отходит из Лда в 8 ч. (он прибывает к Вам в средине дня).

Незадолго до отъезда нам надо будет собрать деньги, выслать их Вам, чтобы Вы купили нам обратные билеты на 1 апреля – на 2-ой (не утренний) автобус. В поезде не хотим. А если заранее не взять, то есть риск не уехать 1.IV.

Спросите у Н. Харчевой, читала ли она в сб. Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. т. I, 1959 г., с. 56–86, статью С.В. Бромлей: «Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа». Если не читала и нет у Вас этого томика, напишите, я немедленно вышлю. Надо, чтобы она учла эту работу в своем докладе.

У нас в последнее время идет напряженная работа над пробными статьями. Ходят на эти занятия О. Порохова с Л. Царевой. А.И. Лебедева написала 25 словарных статей. Бранимся из-за скупости и несовершенства записей: Картотека вопиюще бедна! Тем более ясно, как существенно надо изменить и подготовку и методику экспедиций. Если студенты попробуют составлять статьи и участвовать в их обсуждении, они живо научатся записывать словарные материалы не так плохо, как делали это до сих пор.

До свиданья.

Б. Ларин.

№ 49
Из Ленинграда в Псков.
16.III.60

Дорогая Соня,

сегодня я получил письмо от Гр. Гр. Мельниченко: он не может приехать, т.к. на эти же дни у них в ЯПИ назначены госэкзамены заочников. Жаль, что его не будет.

Богородский и др. ленинградцы, горя желанием хорошенько подготовиться к выступлениям, требуют скорейшего изучения их тезисов. Если у Вас уже размножена какая-то часть, пришлите мне хоть 5–10 экз. для раздачи будущим полемистам.

Приедем, как я уже писал, в воскресенье 27 марта утренним автобусом, вероятно, – все вместе. Должен Вам признаться, что все еще не приступил к составлению своего доклада; лихорадка охватит меня, как всегда, только дня за 3 до конференции.

Люся все мается и ноет от своего доклада. Олю Мжельскую увижу только в пятницу. Надеюсь, обе они уже отослали Вам свои тезисы?

Что же еще должны сделать ленинградцы до отъезда во Псков, пишите скорее, пока не поздно.

До свиданья.

Б. Ларин.

№ 50
Из Ленинграда в Псков.
24.III.60

Дорогая Соня,

бухгалтер Университета подсократил наши планы, деньги на командировку дали только Елиной и Трубинскому. Но для студентов, если верить деканату, добудут деньги от СНО (Студенческое Научное Общество), а остальные поедут на свой счет. Некоторых это очень расстроило, а один-два и вовсе не поедут. Но <u>докладчики все приедут</u>.

Обратные билеты на дневной, не ранний утренний автобус возьмите на пятницу 1 апреля для десятерых (10 мест) ленинградцев.

О горе, ведь я еще не приступал к своему докладу. Быть ему полуэкспромтом!

До свиданья.

Б. Ларин.

№ 51
Из Ленинграда в Псков.
25.III.60

Дорогая Соня,

сегодня я узнал, что О.С. Мжельская не едет на конференцию: заболела мама, и некому остаться с ее двумя маленькими детьми. Очень жаль, ее доклад был бы, несомненно, одним из важных и интересных. Главное дело, она доклада не успела закончить и не посылает его. Поэтому, если обратные билеты еще не куплены, то покупайте девять, а не десять. А если уже куплены, подождите продавать обратно, когда все приедем, произведем еще раз опрос, м.б. найдется и 10-ый, кому билет понадобится (напр. Чагишева, кот. в список не попала).

До самого близкого свидания.

Б. Ларин.

№ 52
Из Ленинграда в Псков
3 апреля 60

Дорогая Соня

мы хорошо доехали. Молодежь почти всю дорогу хохотала, так усердно ее веселили Б.Л. Богородский и А.И. Федоров. Только под конец дороги притихли, нахохотались, положили голову на плечо соседки и задремали. А мы с Люсей, Пороховой и Елиной – как подобает взрослым – вели тихие беседы, поминая «минувшие дни».

В Ленинграде я почувствовал большую истому, немного простужен, отсиживаюсь дома и читаю газеты. В ближайшие дни перепишу статью и инструкцию, перешлю Вам.

Прошу Вас непременно участвовать в сборнике, где будут доклады конференции. Мы назовем его: «Псковские диалекты».

Печатайте и рассылайте резолюцию.

Возвращаюсь еще раз к темам дальнего прицела. Не дайте остыть Зинаиде Владимировне: она должна не теряя ни одного дня засесть за большую работу «Группировка псковских говоров по фонетическим системам» (можно более пышно «Типология псковских говоров по фонетической основе» − или как-н. еще). Вы и Зин. Влад. самые талантливые, самые сильные работники кафедры. И большой грех, что обе Вы во Пскове приопустились, поглощены текучкой и мало думаете, изредка вспоминаете о научной работе, которую могли бы с большим успехом продолжать. Возьмитесь – кто скорее – писать: она о фонетике, а Вы о грамматическом строе, привлекая к этому и Гомонова. С ним вдвоем (м.б. еще с участием В. Трубинского) Вы могли бы написать «Группировка псковских говоров по грамматическому строю».

Ту и другую работу нельзя делать без карт. Надо «пройти» экспедиционные материалы и потом – на этой исходной базе, дополнив, что в имеющихся данных неполно или сомнительно, построить надежные классификации в историческом аспекте.

В ближайшее время надо будет продолжить слияние картотек. В Ленинграде работа над буквами А–Б заканчивается. Нам надо будет получить от Вас: ГДЕЖЗИ, чтобы сделать все эти буквы к концу 1960 г., а псковичам отдадим К и Л. Эти две буквы по объему почти равны шести названным «ленинградским». А в дальнейшем, т.к. у нас будет специальный словарный кабинет, мы будем выполнять 2/3 работы, а псковичи 1/3. Другое дело в сборе новых и дополнительных материалов. Тут псковичи должны быть на первом месте – и надеюсь, они займут его прочно: будут собирать больше нас и полнее (связный текст, фразеология).

Привезите в ближайший приезд выписки из Даля и Опыта областного словаря.

Ваш Б. Ларин.

№ 53
Из Ленинграда в Псков
9.IV.60

Дорогая Софья Менделевна,

если Вы приедете в ближайшее время (Е.М. Иссерлин звонила мне и сказала, что Вы приедете 13 апреля) – то привезите:

1) Картотеку из Даля и Оп. Обл. Слов. на буквы А–Б, ГДЕЖ, З, И, К.
2) пять-шесть экз. Тезисов конференции, если остались экземпляры
3) резолюцию конференции в неск. экз.
4) картотеку Вашу по ПОС’у на буквы ГДЕЖЗИК
5) карту для единообразного выделения границ «старой Псковщины».
6) Хорошо бы Вам до отъезда зайти в Музей к Л.А. Творогову и высянить, какие рукописные материалы XVII и XVIII вв. он рекомендовал бы расписать для Словаря в первую очередь.
7) Не даст ли он небольшой статьи об исторических предпосылках образования псковских говоров для нашего сборника-отчета «Диалекты (старой) Псковщины». Его статья была бы очень и очень нужна.

Ждем Вас!

Ваш Б. Ларин.

№ 54
Из Ленинграда в Псков
12.IV.60

Дорогая Соня,

посылаю Вам вдогонку исправленную стенограмму (она, действительно, не на высоте). Забыл просить Вас прислать или привезти в следующий раз несколько экземпляров отпечатанной «книги тезисов» Псковской конференции. А послали эти тезисы Григ. Григ. Мельниченко? Как обстоит дело с резолюцией? Почему Вы ее не привезли? Рассылайте ее всем участникам.

Как проходит обследование Вашей кафедры (а Вы и тут сбежали!)? Максимов не воспользовался этим обследованием для каких-н. подвохов и темных делишек?

А я что-то очень устал, из рук валится дело.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 55
Из Ленинграда в Псков.
17.IV.60

Дорогая, милая моя Соня,

спасибо за письма, полные жизни ума и сердца! Они волнуют меня и какими-то воспоминаниями и грустью о том, что самые близкие друзья – не вместе, а будто совсем, совсем чужие…

Уезжаю на две недели в Вильнюс. Вернусь после 1 мая. К мыслям о Псковском словаре вернусь только в конце мая, после нашей Ленинградской большой конференции. О размене букв договоримся, когда Вы приедете вместе с Гомоновыми на «совещание верхов» ПОС. А пока и сами не огорчайтесь и всех псковичей успокойте! Скажите, что Б.А. уже отказывается от своих «максималистских» планов, сам понял, что «загнул». Мы будем меняться по 1–2 буквы в дальнейшем, как и до сих пор. А вот уже когда в Лде работа пойдет лихорадочно, раза в четыре скорее, чем до сих пор, тогда посмотрим, подумаем, как быть. Но это будет не так скоро.

Я написал И.Т. Гомонову, но не знаю, успокоит ли его мое письмо. Поговорите еще Вы с ним. Я твердо верю, что скоро Вы научитесь писать словарь не хуже ленинградцев, войдете во вкус и в своей пропорции будете иметь, вероятно, даже лучшие результаты.

До свиданья.

Б. Ларин.

№ 56
Из Ленинграда в Псков.
6 мая 60

Милая, дорогая Соня,

чужое горе нельзя «разделить», напрасно нас уверяют, будто можно. А так хочется снять с Вас тяжесть огромной утраты. Если б мы были вольны поворачивать свою мысль и сердце от прошлого к будущему. Тогда «окружающий» Вас Эмик очень помог бы! Передайте ему мой дружеский привет! Приезжайте, непременно приезжайте на конференцию. Увы, я даже не знаю еще, удастся ли мне в ней участвовать. Ну, хоть увидимся! В Вильнюсе я заболел каким-то прегнусным гриппом. Пролежал в самом плачевном состоянии четыре дня один, т.к. Нат. Як. Должна была уехать домой 28 утром, а болезнь началась в тот же день вечером. Вернулся я в Лд и, конечно, с головой ушел в Университетские дела. А через два дня у меня началось (сегодня ночью) воспаление среднего уха. Лежу, мычу от боли и горюю. Надо бы, считанные дни и часы остались, приниматься за свой доклад, а я головы не могу поднять от подушки, глаз не открыть.

Так вот бездарно проморгаю, пожалуй, интересную конференцию.

До свидания.

Ваш Б. Ларин.

№ 57
Из Ленинграда в Псков
20 мая 1960

Дорогая Софья Менделевна,

прошу Вас переговорить с Ив. Тер. Гомоновым и срочно написать мне: можно ли отложить наше совещание на конец июня. Дело в том, что конец мая у меня дико загружен редактированием: нам угрожают не принимать от нас никаких рукописей – для издания в 1961 году после 1 июня этого года. Поэтому до 1.VI. я должен сдать 2 тома Ученых Записок и, кроме того, I вып. Горьковского словаря. А кроме – написать 4 или 5 статей, обещанных в разные сборники помимо нашей

кафедры. Понятно, что всего этого я не успею сделать за 10 дней, но тем более не могу уделить из них 1–2 дня на нашу «конференцию».

Начало июня тоже отчаянно загружено: я должен выступить оппонентом по докторской диссертации С.Ф. Самойленко, которую не начинал еще читать.

Поэтому прошу, если можно, перенести нашу встречу на конец июня (между 22–29 июня) или, в самом крайнем случае, на первые числа июля. Я до сих пор не могу окончательно прийти в себя после вильнюсского гриппа, после воспаления уха (слышу только левым ухом). Голова как с похмелья. И не видно просвета впереди.

Будьте здоровы.

Ваш Б. Ларин.

№ 58
Из Ленинграда в Псков.
28 июня 1960

Дорогая Соня,

за Вас и за Жуковскую я рад, если не подведет какая-нибудь игра случая. У нас ведь до сих пор действует «судьба-индейка», т.к. все зависит от подловатых фарисеев.

Сижу не увлекаясь над редактированием и сокращением статей для сборника «Ранний этап формирования национального языка». Из сданных 22-х статей без сокращений идут только 2-3, а все остальные я должен сократить на 4-6 стр. каждую, т.к. общий объем представленных рукописей на 4 с лишним авт. листа превышает данный нам по этому сборнику лимит.

Во Псковский сборник пока мне сдали только 3 статьи (В. Еремина, В. Трубинский и В. Чагишева), остальные «отпросились» до сентября, т.к. сейчас сплошные экзамены, потом экспедиции, потом первые недели отпуска… Но пока у Вас дело не подведено под «издательский срок», можно подождать. Осенью соберем все статьи, если издательские возможности прояснятся.

Когда приедете в Лд, заходите!

Ваш Б. Ларин.

№ 59
Из Ленинграда в Псков.
8 сент. 60

Дорогая Софья Менделевна,

как ни хочется возвращаться из Лда в Псков, но боюсь, это не удастся. С другой стороны – представляется неоспоримым, что приезд в Ленинград Псковичей для участия в нашей повседневной работе над словарем – дал бы им гораздо больше, чем мой приезд в Псков. Поэтому я прошу Вас договориться с Иваном Терентьевичем, – когда и кто именно сможет поехать в Лд на «семинар» по Псковскому словарю и срочно написать мне. Надо это сделать в сентябре, во время картофельного перерыва занятий. Между 1 окт. и 15 окт. я должен буду уехать в Вильнюс.

Поэтому важно провести нашу встречу до 1 окт. Словарный кабинет открыт и успешно работает.

Мы переписываем карточки из Вашей Псковской картотеки – и вернем Вам оригинал. Желательно, чтобы и Ваш коллектив – сдублировал и вернул в Лд наши карточки.

Нельзя ли будет привезти Ваши выборки из Академических областных словарей и Даля? Напишите об этом.

Желательно тоже получить материалы Ваших экспедиций этого года на буквы А–Б, кот. мы должны будем теперь переписать в окончательном виде.

До свидания здесь или во Пскове.

Ваш Б. Ларин.

№ 60
Из Ленинграда в Псков.
25.IX.60

Дорогая Соня,

всю минувшую неделю у меня были глухие и все усиливающиеся боли в сердце. В пятницу я еле добрался до дому и третий день лежу. Завтра надо идти в Университет, а я боюсь, что не хватит сил.

Поэтому я так плохо принимал всех Вас в этот раз, так мало беседовал с Вами, и у меня осталось какое-то тягостное

чувство, не обидел ли я Вас всех недостаточным вниманием. Если да, то простите, это из-за болезни только. Я все серьезнее опасаюсь, что не увижу уже первых выпусков словарей. По временам задыхаюсь.

Письма Директору и в партком ПсковПИ мы сочиним и пошлем на будущей неделе. Напишу я и Гомонову, когда с этим покончу, чтоб он твердо и уверенно «так держал»!

К Вам большая просьба. Напишите хотя на 4–5 страничек машинописи краткий отчет о Псковской конференции 1960 г. Надо его напечатать в «Филологических науках». Кроме Вас некого и просить. Люся в брачном помешательстве. Лебедева не участвовала. Елина не способна. На Гомонова надежды плохи. Впрочем, если Вы его сумеете убедить, то избавьте себя от этой повинности. Но нельзя, чтоб наша интересная конференция канула в вечность бесследно. Статейка Максимова в Псковской газете не монумент.

Напишите, Соня.

Ваш Б. Ларин.

№ 61
Из Ленинграда в Псков
27.X.60

Дорогая Соня,

я Вас ни в чем не виню, а главное, эта бездарная информационная статейка О. Пороховой и Царевой не произвела на меня такого раздражающего впечатления, как на других участников Совещания. Что же другое могли написать эти «филины курицы».

Вот скоро Вы еще прочтете рецензию на мою книгу о Рич. Джемсе «самого» Филина, − в том же роде. Чего же ждать от его «духовых» или «паровых» цыплят.

Надо сборник выпустить. Я надеюсь собрать статьи от ленинградцев – к праздникам. Если бы и Ваши псковичи поспели хоть после праздников!

Пишу об этом И.Т. Гомонову (Он прислал мне текст своей информационной статьи, гораздо б. объективной и интересной). Я написал в Москву, надеюсь, что «Фил. Науки»

напечатают эту информацию хотя бы во 2-м № за 1961 г., т.к. № 1 уже месяц назад был утвержден и сдан в Изд-во.

А от Вас я буду с нетерпением ждать Ваших 2-х статей, из диссертации о главе про Московское Государство и по истории псковских диалектов.

Я очень хочу к Вам приехать, а как это будет, сейчас еще не могу сказать. Вот надо управиться с 3-мя сборниками, кот. должны пойти в печать (кроме Псковского – еще два ленинградских!). Пока это висит на шее, ни о чем другом… Да только ли это!

Ваш Б. Ларин.

№ 62
Из Ленинграда в Псков
13.XI.60

Дорогая Соня,
вечером снова стал вспоминать Вашу статью и решил дополнить свои замечания о ней.

1) Раз Вы измените заглавие, то надо будет немного изменить и построение статьи, оно должно быть насквозь «двуплановым», т.е. параллельно рассматривать фонологический и морфологический аспект обсуждаемого материала. Введение и выводы надо написать несколько иначе. Но ядро статьи, ее фактический материал и основная идея остаются.

2) Попросите З.В. Жуковскую составить карту распространения шепелявых З” С” на территории Псковщины. Выясните, есть ли районы различения не двух рядов: З, С // Ж, Ш или З, С // З”, С”, а трех рядов: З, С // З”, С” // Ж, Ш.

3) Составьте карты распространения а) имен существительных (типа <u>пихмо</u>), б) глаголов -хать, -хывать.

4) Наложением карт определите, какова соотносительность фонетических и морфологических явлений в географическом плане. Все карты можно и следует напечатать как приложение к статье, указав, кто их составил.

Весь этот перечень хода завершения Вашей работы может отпугнуть с первого взгляда, но по существу это очень уж

небольшая дополнительная работа по сравнению с той, какую Вы уже сделали. До завершения всей редакционной работы над сборником осталось еще 1½ − 2 месяца, и за это время Вы успеете дополнить статью лингвогеографическими данными, а это очень повысит ее ценность и методологический «профиль».

Ваш Б. Ларин.

№ 63
Из Ленинграда в Псков
27.XII.60

С Новым Годом, дорогая Соня, желаю всех свершений и достижений, великой силы презрения к подлостям нашей жизни.

Передайте мой привет и всем, нашедшим приют от шумного Ленинграда под Вашим «покровом».

Рад бы выпить новогодний стакан вина со всеми ПОС'овцами хотя бы за то, чтоб в 1961 году вышел наш Первый Псковской Сборник, да не достанешь рукой − чокнуться!

Ваш Б. Ларин.

№ 64
Из Ленинграда в Псков
12 марта 1961

Дорогая Соня,

давно не писал Вам и давно хочу это сделать. Но вот уж два или три месяца, как только «служу своему народу» − ценою больших усилий держаться в какой-то видимости «формы» и жертвуя всеми своими работами. Злостно или доброжелательно – бог их знает – все окружающие меня на факультете (кроме 2-3-х верных учеников) уверяют, что именно в деканстве я осуществляю свое призвание, что даже за короткое время заметны большие перемены в жизни факультета, что нечего думать уходить с этого поста… «ну еще хоть годика два»… А я не уверен, что мне суждено прожить еще «хоть годика два». Поэтому я мрачен, безнадежен, в полном упадке. Ничего хорошего не делаю. На семинаре читаем вслух статьи для Псковского Сборника, и убеждаемся, что большая часть из них нуждается в доработке.

Надо устроить последнюю сессию нашей редколлегии не позже самого начала апреля, т.к. с 6 апр. и до 26 апр. я сплошь выступаю по докторским диссертациям, до сих пор еще не читанным, страшным.

Если до 2–3 апр. не покончим с редактированием Псковского Сб., то я уже не смогу заняться этим до 2-ой половины июня, т.к. весь май и июнь уйдут на организацию 2-х Ленинградских конференций и на подготовку докладов для этих конференций: своих и чужих.

«По речам» Максимова я понял, что ни Вы, ни Гомонов не имеете возможности сейчас приехать в Лд. А как во 2-ой пол. марта? Лучше бы Вам вырваться сюда! В самом крайнем случае мы, т.е. Богородский, Ивашко и я, поедем во Псков дня на два. Но и нам это очень трудно. Ивашко только что вышла из больницы после операции апендицита, Богородский перегружен, переутомлен и зол. А от меня тоже сейчас не много проку. Слишком тяжело на сердце и в голове. Но м.б. недели через две всем нам будет лучше? Не знаю. Главное то: во что бы то ни стало надо выпустить Псковский сборник. Половина статей хороша. И в целом он будет полезен, многим нужен и интересен. Пишите о себе больше.

Ваш Б. Ларин.

№ 65
Из Ленинграда в Псков
14.III.61

Дорогая Соня,

на этот раз почтари не виноваты. Ваше письмо в начале марта было получено, но оно попало ко мне в такой черный период – полного упадка и почти отчаяния, что я не мог ответить, ждал, пока прояснение наступит и внутри и снаружи.

На днях я написал Вам, а сегодня Ваше второе письмо пришло, так наши последние письма разошлись.

Ваш приезд в конце марта вполне нас устраивает. Приезжайте 26. Я должен буду уехать в Вильнюс 29 или 30 марта. Вот с 26 по 28 мы и могли бы провести ряд окончательных редакционных совещаний, чтобы после этого Вы

увезли весь материал Псковского Сборника в Псков – и печатать его наконец.

Обещаю к этому времени закончить Инструкцию Псковского Словаря, она и будет моим вкладом в Ваш Псковский Сборник.

Напишите поскорей об окончательном решении.

Я очень рад, что Вы становитесь в ряды выборщиков нового ДРС. Когда приедете, то 29 побываете на нашем собрании.

Сегодня же напишу И.Т. Гомонову, чтоб он не обижался, что «без него его женили».

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

№ 66
Из Ленинграда в Псков, открытка
18 марта 61

Дорогая Софья Менделевна,

вчера получил телеграфный вызов в Вильнюс на общее собрание Литовской АН. Должен уехать туда вечером 21 (вторник), вернусь не раньше 30 марта. Поэтому прошу отложить Ваш выезд в Ленинград до 30 марта. Пишу об этом и Гомонову.

Ваш Б. Ларин.

№ 67
Из Ленинграда в Псков
15.IV.61

Дорогая Софья Менделевна,

свершилось наконец и для ПОС свое долгожданное… вроде полета в космос – обсуждение готовой инструкции. Это случилось 10 апреля. На днях я вышлю Вам 2 экз. исправленного и переписанного после обсуждения текста этой инструкции. Если Вы обсудите ее в своем кругу и пришлете мне (хотя бы с Е.М. Иссерлин) все свои замечания, то я внесу необходимые правки в мае. Ведь раньше мая наш Псковской сборник не пойдет в печать? Я послал И.Т. Гом. рецензию на ст.

Б.Л. Богородского. Вчера получил от Царевой переделанный текст ее статьи. На днях принесет исправленный вариант А.И. Федоров. Я передам все это с Евг. Марковной, пусть она отвезет (или с Кл.А. Гомоновой, если она приедет со своим докладом). Доклад Маймина о языке Медного всадника вполне подходит для конференции. Пускай поскорее высылает свои тезисы. Я так и не нашел до сих пор пленки, «заснятой», как выражаются фоторепортеры, на Псковской конференции. Надеюсь, она не пропала и еще отыщется.

О замене Максимова. Я рад бы помочь Вашему институту, но нет такого подходящего кандидата на это место, никого не припомню. М.б. приеду в мае.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 68
Из Ленинграда в Псков
18.V.61

Дорогая Соня,

спасибо за кучу фотографий. Весь вечер мы с Н.Я. их разглядывали. Много хороших. Я возвращаю несколько таких, кот. могут быть интересны Вам и Ивану Терентьевичу. Но ведь негатив у Вас, и все, что Вам хочется, Вы могли бы сделать дополнительно.

Я было взбунтовался против врачей и хотел выходить на работу с 15.V. Но пробный выход в сад на 15–20 минут вызвал такое возвращение болей, что я смирился и вылеживаю еще неделю. Выйду в деканат 22.V. На 25.V назначен кандидатский диспут Ф.Л. Скитовой из Перми. С 1 по 6 июня соберется у нас конференция по теории и практике художественного перевода. Вы, наверно, захотите побывать на ней. Если я буду в хорошей форме, то на 27–30 мая приеду к Вам во Псков с Нат. Як.

Надо кончать со сборником у Вас. Кроме того – договориться еще раз поточнее об экспедициях этого года и об участии Вашей кафедры в подготовке I выпуска ПОС. С октября-ноября этого года мы должны приступить к составлению уже не пробных статей, а настоящего Словаря.

Наконец, имею большую просьбу к З.В. Жуковской (прошу и Вашего участия к этому): буду просить ее выступить осенью на Ученом Совете Филфака ЛГУ – офиц. оппонентом по диссертации Бобрякова из Иркутска, принятой нами к защите. Я вкладываю листок – для нее. Будьте моим ходатаем, чтобы она согласилась. Если да, привезу ей диссертацию.

Вот все мои дела. Как видите, надо бы поехать во Псков. Через неск. дней я еще напишу об этом окончательно, тогда будем просить снять для нас 2-х номер в гостинице и встретить нас, приедем на утреннем автобусе.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 69
Из Ленинграда в Псков
23 мая 1961

Дорогая Соня,

из-за идущих один за другим докладов на заседании МСК, защиты дипломных работ, сдачи курсовых, Ученых советов (нашего фак-ского и общеуниверситетского) мне не удается выехать до 1 июня, а с 1 по 6 июня у нас конференция по теории и практике перевода, которую я должен открывать… Видимо, поездка во Псков еще долго останется одним только желанием, мечтой. Когда приедете, зайдите ко мне, может быть, мы и придумаем какой-н. удобный срок для поездки. А сейчас – и очень бы надо, – а нельзя.

Я прочел статью К.А. Гомоновой, она требует еще доработки, я вышлю ее, вместе со статьей В.Н. Елиной. А кроме Вас никто не приедет в Лд? Нельзя ли к.-н. вызвать З.В. Жуковскую – на обсуждение дисс. Бобрякова – около 10 июня.

До свиданья.

Б. Ларин.

№ 70
Из Ленинграда в Псков
25.VI.61

Дорогая Софья Менделевна,

спасибо за письмо о Павлике. Пора ему домой собираться. Бабушка и мама шлют Вам низкий поклон за гостеприимство, за многие беспокойства, за долготерпение.

Я в плохой форме. Целые дни в Университете. Дома только газеты. Почти не гуляю, давным давно, кажется, был в театре. Словом, только и думаю о каникулах, отдыхе.

Попросите, пожалуйста, от моего имени у Зинаиды Владимировны письменный отзыв (краткий) о работе Бобрякова. Все свои таблицы, подробности пусть З.В. оставит до диспута для полного развернутого отзыва, если Б. ничего не исправит (а я почти уверен, что он – кроме самых мелких – никаких изменений в текст не внесет). Я должен послать ему все наши основные замечания и пожелания.

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

P.S. Наталья Як. наизусть пересказывает Вашу открытку о «шумном» быте.

Б.Л.

№ 71
Из Ленинграда в Псков
3.VII.61

Дорогая Соня,

не знаю, как и писать о благодарности Натальи Як. и Вали за хлопоты, заботы, и все перенесенные Вами неудобства из-за такого шумливо-непоседливого гостя, как Павлик. Я огорчен, что Вы отказались от возмещения расходов. Гостить можно день-другой, но не две недели. Мы у Вас в большом долгу.

Теперь о делах, о Псковском Сборнике. Высылаю Вам:

1) оглавление – с указание, как надо переставить заголовки и авторов,
2) мое предисловие (2 экз.).

3) Ст. В.И. Максимова с рецензией Сороколетова. Статью В.Н. Елиной я тщательно отредактировал (много вычеркнул, много переделал) и отдал ей для срочной переписки наново. Она вышлет Вам или Гомонову в ближайшие дни 2 экз. исправленного текста.

Теперь о Ваших статьях. Я очень-очень рад, что Московские глушители вернули Вашу статью. Теперь восстановите все пропущенные или искаженные Варв. Орловой места и печатайте ее в нашем Псковском сборнике вместе со статьей о звуке «Х». Если находите неудобным объединить эти два этюда в одну статью («Архаические черты псковских говоров»), то дайте их рядом, две статьи. Тогда надо сейчас же сделать вставку в Оглавление, а в моем предисловии все останется, как было (я предвидел включение 2-ой Вашей статьи).

Сейчас уезжаю в Вильнюс на неделю. Вернусь 11.VII. Когда же Вы попадете в Лд?

Ваш Б. Ларин.

№ 72
Из Ленинграда в Псков
14 июля 1961

Дорогая Соня,

вернулся я из Вильнюса 12.VII, а 18.VII уезжаю на 20 дней в Тарусу. Вернусь как угорелый. Надо до отъезда переделать множество всяких дел, делец, да еще бесконечные встречи и всякого рода консультации.

Вашу вернувшуюся из М. статью, если не хотите дать ее в Псков. Сб. (как 2-ую) я напечатаю в нашем сборнике «Слово о севернорусских говорах». Он еще не отредактирован и не укомплектован окончательно. Вы должны сдать мне эту статью никак не позже 15 сентября с одной хотя бы рецензией из Псков. ПедИн-та. А если сдадите к 1-му сентября, будет еще лучше.

Когда же пойдет в производство наш Псковский Сборник?

Я напишу И.Т. Гомонову о Максимове. Выбросьте его из головы.

«Доводите» до кондиции свою вторую статью!

Ваш Б. Ларин.

P.S. Нат. Як. шлет Вам самый горячий дружеский привет, Павлик тоже!

№ 73
В Псков.
21.XI.61

Дорогая Соня,

вероятно, Вам уже кто-н. написали, что моя кавказская эскапада закончилась плохо. Большой сердечный приступ уложил меня на месяц. Лежу с 5 ноября и едва ли раньше начала декабря вырвусь отсюда. А надоело преизрядно!

Я буду очень рад получить от Вас несколько строк по адресу на конверте. Не стоит отправлять (авиапочтой) после 27.XI.

Уже больным я получил здесь письмо И.Т. Гомонова о безнадежной волынке с изданием Псковского сборника. Мы, конечно, сами виноваты, слишком долго не могли его сдать, затянули подготовку. Но руки опускать нельзя. Долбить и долбить надо, пока не напечатают.

По моей вине очень задержались в Ленинграде два сборника (Горьковский и «Слово в северно-русских говорах»). Но есть надежда, что они пойдут в набор еще в этом году. Выйдут в первой половине будущего года. И то будет праздник.

Видимо, до весны нам с псковичами не съехаться. А весной я собираюсь созвать малое, строго деловое совещание горьковцев и псковичей. Поближе к лету, перед экспедиционной кампанией. У нас это будет последняя большая экспедиция по Псковскому словарю. Дальше только проверочные и восполнительные, − маленькие. Напишите о себе, о Жуковской, о Гомоновых. В декабре может приехать в Лд на консультации Ваша ассистентка Попова.

До свидания!

Ваш Б. Ларин.

№ 74
Из Ленинграда в Псков. Открытка
9.XII.61

Дорогая Соня,

вернувшись после отпуска и болезни, производя раскопки на своем столе и мучаясь от собственной беспамятливости, − я нашел рукопись Вашей статьи: «Упрощение некоторых групп согласных» (по материалам ПОС). Спрашиваю, это та, что из Москвы, от Варвары Орловой вернулась? Или та, что в нашем Псковском сборнике еще раз мне для прочтения после правки? Вероятно, − это «московская» статья. Тогда я помещу ее в нашем сборнике «Слово в народных говорах русского Севера» Напишите мне скорее (открытку). Скоро к Вам поедет А.И. Лебедева, пошлю с нею экземпляры Инструкции в нашем «заочном» издании.

Б. Ларин.

№ 75
Из Ленинграда в Псков
31.XII.61

Дорогая Соня,

спасибо за поздравление. Мы с Натальей Яковлевной желаем Вам таких же даров 1962 года. Но, оставив напрасные заклинания, − очень хотел бы, чтоб нам удалось выпустить Псковский сборник до лета, а в конце мая или в июне устроить малую «камерную» конференцию по Псковскому Словарю, если не в Лде (что было бы лучше), то во Пскове – перед самым разъездом на летнюю страду.

Если появится корректура Псковского сборника, непременно вышлите мне (а если случится близко Вашего выезда в Л-д, то привезите). Я должен внести мелкие поправки. Удалось ли Вам перенести из печатного экземпляра тот десяток мелких поправок, о которых я просил?

Передайте мой дружеский привет Гомоновым и З.В. Жуковской. Близко Псков, а так редко можно встретиться, поговорить, послушать друг друга.

Я много болею и все уже становится трудней (?), словно я в глубокую долину спустился. А выкарабкаться уж нет сил.

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

№ 76
Из Ленинграда в Псков
18.IV.62

Дорогая Софья Менделевна,
сегодня собрали деньги на билеты, и завтра А.И. Корнев поедет за ними на Варшавский вокзал.

Мы выезжаем в субботу 28.IV поездом № 53 в 23.10. Завтра Саша Корнев узнает, когда этот поезд приходит во Псков. Ради бога нас не встречайте, т.к. это, наверно, будет рано утром, слишком рано. Мы посидим своей веселой компанией на вокзале до начала движения троллейбусов (или автобусов?) и поедем к гостинице часам к 8 утра. Вот там и хотелось бы встретиться с кем-нибудь из ППИ, чтобы с его помощью получить номера в гостинице. Но Вы еще успеете до 28.IV нас известить, если надо ехать не в гостиницу, а прямо в Институт. Хотим ехать в таком составе:

1. Б.А. Ларин
2. А.И. Корнев с женой
3. Л.А. Ивашко
4. Ю.Ф. Денисенко
5. В.Н. Елина.

Вероятно надо три-четыре номера (мне, Корневым, и трем остальным девушкам). Можно, если это окажется легче, заказать номера на 29 апреля не к 8 час. утра, а хотя бы к 16 ч. (т.е., чтобы мы могли отдохнуть после обеда). Тогда утром мы пойдем в столовую позавтракать, потом к Вам или в Институт, чтобы 29.IV позаниматься часа 4 обсуждением словарных статей, подготовленных псковичами (студентами?). На 30.IV можно назначить обсуждение статей преподавателей кафедры ППИ. А 1 мая все будут гулять. Я хочу 1 мая вечером или ночью уехать в Вильнюс, чтобы никак не позже 2.V быть уже там.

Итак, просим обеспечить 3-4 номера в гостинице на воскресенье 29 апреля.

Ваш Б. Ларин.

№ 77
Из Вильнюса в Псков
3 мая 62

Дорогая Соня,

мы Вас истощили, изнурили, измотали. Надо же было затеять кормить такую орду три дня!! Было и тепло и вкусно и весело, а хозяйка чуть жива вышла из этой беды-нашествия! То ли нам нельзя больше ездить в Псков, то ли Вам нельзя в др. раз заводить такие многодневные пиры. А уж из-за меня, болезни моей, Вам больше всего досталось хлопот. Еще Люсе тоже.

Ехал я в Вильнюс плохо. В вагонах стоял собачий холод, окна не завинчены, хлопают, отвсюду дует, а на полях всю дорогу видели – лежит снег. Вчера в Вильнюсе шел дождь. Сегодня выглянуло солнышко, но холодно. Я кашляю, и головные боли не проходят. Но спала температура. И то ладно. Завтра должна приехать Нат. Яковл. Мне будет легче. А то все надо самому, не только посуду мыть…

Спасибо Вам – как родной! Давно я Ваш должник, Соня, но не мучаюсь этим. Даже приятно!

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

№ 78
Из Ленинграда в Псков. Открытка
6.VII.62

Дорогая Софья Менделевна,

я уезжаю сегодня в Таллин, мой адрес до 5 августа: Эст. ССР, г. Таллин-Меревялья, Ида Маантее, 28, д. Орлова, Б.А. Ларину.

Если пришлете мне корректуру «Инструкции», буду очень благодарен и не задержу.

Рад, что начались корректуры. Надо бы выпустить эту книгу до зимы.

Ваш Б. Ларин.

№ 79
Из Таллина в Псков. Открытка
25 июля 1962

Дорогая Соня, простите, что я не ответил сразу на телеграмму. Из писем, полученных еще до отъезда, в Ленинграде, я помнил, что Вы заняты во Пскове до 15.VII, а потом сейчас же уедете. Поэтому телеграфировать во Псков было уже поздно, да и не нужно, т.к. вполне достаточно того, что Вы правили корректуру. Добавлять ничего сейчас я уже не хочу. Если будет написана вторая, более полная инструкция Словаря, так при выпуске в свет, как предуведомление читателю, но до этого еще далеко. Пока пусть останется без доволнений, кроме тех, которые были сделаны в мой последний приезд к Вам во Псков.

Желаю хорошего отдыха. Мой оканчивается 30.VII. Я уеду в Ленинград и начнется карусель.

Ваш Б. Ларин.

№ 80
Из Ленинграда в Псков.
4 сент. 62

Дорогая Соня,

я безвыездно в Лде с 30 июля. Поэтому был очень огорчен, узнав, что Вы были в Лде и не зашли. Скоро вернутся наши диалектологи из Северной экспедиции и кого-н. из них мы командируем в Псков за материалами.

Я плохо понял из Вашего письма, чего мы лишились из-за отсутствия призора и инструктажа лаборанту. Крайне досадно, что пропала для Словаря какая-то часть наличных, собранных материалов.

Чем дальше, тем яснее, что сотрудничество с Псковским ПедИн-том существует более в мечтах и намерениях, чем на деле. Да и все в этом «джентельменском соглашении» непрочно, ненадежно.

Я на днях уеду в Вильнюс. Потом на Слав. конфер. УССР в Закарпатский Ужгород. Только в октябре начнем регулярно работать. Вашу статью по фонетике в сб. «Слово в

соврем. гов. Русск. Севера» я дважды правил в корректуре. Подписал сигналы. На днях сборник выйдет в продажу. Пришлю.

До свидания.

Б. Ларин.

№ 81
Из Ленинграда в Псков.
9.IX.62

Дорогая Соня,

как всегда, − чуть пройдет «сердитка» − сожалеешь, что поддался ей. Я не могу на псковичей сердиться, а уж Вас-то, конечно, ни в чем не виню и хорошо знаю, как много Вы делали и делаете для успеха ПОС.

Получили ли Вы свои оттиски и 2 экз. нашего сборника «Слово в говорах русского Севера», кот. вернее было бы назвать «Псковским Сборником I». Но пусть уж это несколько торжественное заглавие останется для Вашего. Кстати, непременно добейтесь, чтобы под титульными словами была поставлена «I» (римская единичка). И для хлопот о Ваших будущих сборниках это будет опорой, и для каталогов (вопли библиотекарей о безобразном совпадении недифференцированных заглавий) это полезно, и для всех авторов в этой цифирке – надежда и побуждение к действию.

Я вышлю скоро еще 2 экз. для И.Т. Гомонова и для З.В. Жуковской, пусть они не обижаются, что не сразу. Авторам – прежде всего надо было.

За карточками попробую направить к Вам А.С. Герда, т.к. Ивашко умчалась в отпуск после двух подряд экспедиций, а А.И. Корнев командируется на год во Францию, уезжает в близкие дни.

У нас будут личные перемены в составе Кабинета (МСК), об этом расскажет, кто поедет. Что же Вам привезти из Ленинграда для дублирования? Новые поступления на букву «В»? Как я и писал, я плохо понял, что именно лаборантка вливала. Если последние записи экспедиции 1962 г., то ведь по

пометам даты их не трудно извлечь назад? Можно попросить сделать это нашего посланца, того, кто поедет к Вам.

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

№ 82

Открытка из Ленинграда в Псков

29.XI.62

Дорогая Соня,

читаю Вашей статьи последнюю корректуру, слегка побраниваюсь. Нас очень тревожит: И.Т. Гомонов: обещал зайти к нам, проездом через Лд, и не зашел. Вы давно о себе вестей не подаете. О печатании «Пск. Сб.» очень хотел бы знать подробности, хорошие и плохие.

Б. Ларин.

№ 83

Из Риги (?) в Псков.

19.I.63

Дорогая Соня,

я уехал из Ленинграда 11.I до предела вымотанный и опустошенный. Но осталось на дне сознания, что многим надо писать. Первые дни здесь, в Латвии, прошли в неподвижности. Тишина, полная свобода (только сильный мороз не выпускал из дому). Сейчас начинаю приходить в себя, и возвращаются, воскресают все заторможенные мысли, чувства, желания. Хочется домой, в университетскую сутолоку. Я сбежал от своего юбилея, но здесь меня разыскали и все-таки отпраздновали по-своему – очень хорошо! – латышские языковеды. А в феврале (12) предстоит вытерпеть официальный юбилей – на Ученом Совете филфака. Сколько я ни упрашивал – обойтись без этого, но факультет неколебим: надо и все! Придется вытерпеть.

Здесь очень хотят (как и диалектологи Вильнюса), чтобы майская или июньская Псковская II конференция в этом году состоялась. А т.к. и ленинградцы уже размечтались о весеннем

Пскове, то, видимо, надо покориться и как можно тщательнее приготовить эту 2-ую Псковскую диалектолого-этнографо-археологическую конференцию. Разожгите-ка Ваших Псковских историков! Я попробую заманить археологов из Института археологии (Лен. Отд.). Да и Гомоновская кафедра не должна ударить лицом в грязь! Я вижу, как Вы недовольно хмуритесь. Знаю, что Вы предпочли бы совещание в Ленинграде. Но надо откликаться на «общественный заказ». В Лде слишком много конференций, а у Вас затишье, надо его нарушить.

Ваш Б. Ларин.

№ 84
Из Ленинграда в Псков.
26.I.63

Дорогая Софья Менделевна,

спасибо за письмо. Вы меня всегда радуете и своими талантами и своей дружбой.

Жду Ивана Терентьевича для уточнения всех деталей нашего совещания.

Посылаю Вам «на память»: пригласительный билет, но, если Вы приедете 12.II, буду рад. Если бы Вы знали, как я не хотел и не хочу этого «чествования». Единственной надеждой – что недруги повернутся спиной, а сойдутся друзья, верные и любимые.

Ваш Б. Ларин.

№ 85
Из Ленинграда в Псков
29.V.63

Дорогая Софья Менделевна,

доклады Дибровой о фразеологизмах с диалектной лексикой и Руделева о северных типах аканья, а также и Царевой следует принять, чтобы наша конференция не имела слишком кружкового характера.

Приехать мне в Псков до осени не удастся. Только что кончился сегодня симпозиум составителей Горьковского словаря. На днях я уеду в Москву на 3-4 дня, потом 10.VI поеду

на неск. дней в Вильнюс. А что-то надо и в Ленинграде успеть за июнь.

В самом конце июня поеду в Заволжье к литовцам (моя I диалектологическая экспедиция этого лета), а в середине августа поеду на Кубань к «некрасовцам» – второго переселения (они из Турции).

Все это – для статей по билингвизму.

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

Наталья Яковлевна шлет привет.

№ 86

Из Ленинграда в Псков

16.VI.63

Дорогая Соня,

вымотанный и недовольный всем на свете я жду не дождусь конца учебного года, экспедиций, лета.

Ваши хлопоты о конференции как-то бередят воспоминания о наших шумных съездах, было бы приятно ожидать ее, если бы я не чувствовал такого утомления и «разубеждения» в своих некоторых позициях. Но до осени еще далеко, поэтому изменится настроение, и я буду еще «рваться в бой».

В Москву я ездил на 3 дня. Там корил меня С.И. Ожегов, что мы его не приглашаем. Прошу Вас, пошлите ему приглашение по его новому адресу: Москва, В-333, 2-ой Академический проезд, д. 4, кв. 72. Едва ли он приедет, но пусть не сердится.

А украинцев и белорусов приглашали? Хотя бы Федота Трофимовича Жилко и Федора Михайловича Янковского (на всякий случай их адреса: Ф.Т. Жилко: Киев, ул. Гоголевская, 39, кв. 26; Ф.М. Янковский – Минск, 5, ул. Красная, 16, кв. 24). Белорусы перенесли свою конференцию по лексикологии и фразеологии на конец сентября (с июня), это может привести к «столкновению наших интересов». Но может быть и так, что

прямо после Минской конференции начнется наша, и «знатные гости» поедут с одного бала на другой.

Я буду в Ленинграде до 2 июля, а вернусь снова (после поездки к Заволжским литовцам) около 22 июля, останусь в Лде, вероятно, до начала августа. Если Вы будете поблизости от Ленинграда, то прошу Вас навестить меня.

До свидания.

Ваш Б. Ларин.

№ 87
Из Ленинграда в Псков.
8.XII.63

Дорогая Софья Менделевна,

я поставил в плане 1964 г. по Псковскому словарю букву «В», имея в виду необходимость написать еще до конца первую, черновую редакцию, затем долгую и основательную правку всей буквы (вторая редакция), а в промежутке между этими 2-мя этапами – включение всего имеющегося у нас исторического материала. Только при большом и напряженном труде Вашего Псковского и нашего Ленинградского коллективов это может быть в срок выполнено.

Мои дела так-то плохи, что активным участником работы над ПОС я стану не раньше марта-апреля 1964 г. Все осложнения.

Акад. Больница, увы, не на высоте. Здесь больше исследуют, экспериментируют, чем лечат. Пишут диссертации и статьи, а больные не поправляются, только страдают. Я уж не первый раз стараюсь вырваться. Хотел с честью, а придется, кажется, со скандалом. Домой, хоть на носилках!

Будьте здоровы!

Ваш Б. Ларин.

ПИСЬМА НАТАЛЬИ ЯКОВЛЕВНЫ ЛАРИНОЙ, ЖЕНЫ Б.А. ЛАРИНА

№ 1
Открытка
5 мая 1961

Дорогая Соня, Ваш совет об отсрочке словарной конференции принят, и Б.А. Ларин переносит ее на последние месяцы этого года. До сих пор не выяснена его болезнь. Ясно одно: лежать придется ему долго. М.б. надо будет перевести его в больницу. Это решится на днях. Хуже ему не делается, хоть это хорошо, и лежит он вполне послушно. Все это грустно, конечно, и в голову лезут всякие плохие мысли.

Будьте здоровы и благополучны. Эмику привет и всем псковичам.

Н. Ларина.

№ 2
15 мая 1964

Милая добрая Соня, посылаю Вам карточку, зная, как Вас ценил и любил Б.А. за ум, за чистоту Вашего характера.

Мы прожили сорок два года – непростую и трудную жизнь. И теперь, уже сейчас я с радостью начинаю сознавать, что все плохое и темное уходит далеко-далеко, и на душе становится светлее.

Обнимаю Вас.

Н. Ларина.

№ 3
2 апреля 1970

Соня, добрая, нежная Соня, я так благодарна Вам за письмо! Я была на могиле накануне 26-го. Было очень грустно и уныло кругом. Спасибо за добрые слова и добрые Ваши дела. Я

живу очень плохо. Стала хворать. Но не в этом, конечно, дело. Что мне жить? День – неделю – месяц – год, не все ли равно в конце концов. Угнетает то, что живу я в чужом мне, и очень часто враждебном, мире.

Но растет детка, прелестный ребенок, и я знаю, что без меня ей будет много, много хуже. Так что я держусь, как могу.

Мои дочери очень внимательны ко мне и стараются как-то скрасить мне жизнь. Но я очень слабею и почти уже не могу пойти с ними послушать музыку, кот. всегда была мне большим утешением.

Я ничего не знаю об Эмике. Павлик наш в армии, во флоте, в Балаклаве. Но не проходит его кожная болезнь, и он часто, по-видимому, страдает.

Будьте здоровы, дорогая Соня. Крепко жму Вашу руку и обнимаю.

Любящая

Н. Ларина.

ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ СОКРАЩЕНИЯ

Словари и другие источники (наиболее часто встречающиеся в статьях)

Архив КПОС – Архив картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» (рукописный фонд Псковского областного словаря, хранящийся в Псковском государственном университете).

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

БАС РЯ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, научный координатор издания А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982 (1880–1882).

КПОС – Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при Санкт-Петербургском государственном университете).

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26 / Под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2016 (издание продолжается).

Разговорник Т.Ф. – Fenne T. Low Germann Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с пред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986–1987.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Сокращения названий районов Псковской области[1]

Аш. – Ашевский (упразднен в 1963 г. с передачей в состав Беж. р-на)
Беж. – Бежаницкий
Вл. – Великолукский
Гд. – Гдовский
Дед. – Дедовичский
Дн. – Дновский
Идр. – Идрицкий (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Себ. р-на)
Кар. – Карамышевский (упразднен в 1963 г. с передачей в состав Пск. и Порх. р-нов)
Кач. – Качановский (упразднен в 1963 г. с передачей в состав Палк. и Печ. р-нов)
Кр. – Красногородский
Кун. – Куньинский
Локн. – Локнянский
Ляд. – Лядский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Гд. и Пл. р-нов)
Нев. – Невельский
Н-Рж. – Новоржевский
Н-Сок. – Новосокольнический
Оп. – Опочецкий
Остр. – Островский
Пав. – Павский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Порх. и Стр. р-нов)
Палк. – Палкинский
Печ. – Печорский
Пл. – Плюсский
Пож. – Пожеревицкий (упразднен в 1958 г. с передачей в состав Дед. р-на)
Полн. – Полновский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Гд. р-на)
Порх. – Порховский
Пск. – Псковский
Пуст. – Пустошкинский
Пушк. – Пушкиногорский
Пыт. – Пыталовский
Себ. – Себежский
Сер. – Середкинский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Гд. и Пск. р-нов)
Сл. – Славковский (упразднен в 1958 г. с передачей территорий в состав Кар. р-на; сейчас Порх. р-н)
Сош. – Сошихинский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Н-Рж. и Остр. р-нов)
Стр. – Струго-Красненский (прежняя редакция названия – Стругокрасненский)
Тор. – Торопецкий (передан в состав Тверской обл.)
Холм. – Холмский (передан в состав Новгородской обл.)
Усв. – Усвятский

[1] Сокращения названий районов Псковской области даны по источнику: Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: ЛГУ, 1967. С. 27–41.

Софья Менделевна Глускина
(1917–1997)

Софья Менделевна за работой с картотекой
«Псковского областного словаря» (Псков, 1993 г.)

Участники Второй научной конференции «Псковские говоры», посвященной памяти Б.А. Ларина (Псков, октябрь 1964 г.)

14.I.81

Дорогая Елена Григорьевна
(с удовольствием следую Вашему примеру),
меня обрадовало, что
А.А. Зализняк независимо от моего материала пришел к такому же заключению.
Охотно сообщу ему о публикациях и о тех оттисках, которые мне известны.

1. Первое, что было напечатано, это тезисы моей студентки в сб. „Научно-теоретическая конференция преподавателей и студентов. Новгород, 1965. Забыла ее назвать: Г.П. Мягченкова.
В тезисах идет речь о берестяных грамотах.

2. В „Slavia Orientalis", rocz. XV (1966) nr 4, вышла моя статья на польском. У меня есть оттиски, и я

с удовольствием посылаю один из них А.А. Зализняку.

3. В несколько более развернутом виде статья „О второй палатализации з/яз. согласных в русском языке" вышла в сборнике „Псковские говоры", вып. 2 (Псков, 1968).

Отчасти я использую эти наблюдения в статье о смягченных и несмягченных согласных в сб. „Псковские говоры" (Л., 1979) (уже без N выпуска: издат-во сняло „вып. 4", чтобы нам неповадно было предложить еще и 5-ый и 6-ой).

Теперь об отзывах. В „Slavia Orientalis" Шрибер

напечатал статью, где ссылается на меня и делает заключение, на мой взгляд — слишком далеко идущее. Год и N не помню, но где-то в промежутке 1967--1968, вероятно.

В 1969 г. он опубликовал „Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia". Там идет речь об отсутствии 2-й палатализации как о явлении вполне установленном. Штибер в предисловии предупреждает, что использует всю новую литературу, не давая никаких ссылок, т. е. рисует картину так, как она ему представляется на основе всех данных.

Ссылается на псковскую

статью А.Г. Авксентьева в авто-
реферате КД „Из истории
древних славянских сочета-
ний с плавными сонор-
ными" (М., 1974) и, кажется,
в статье в „Славянской
филологии", в. 9 (МГУ, 1973).
Упоминает этот матери-
ал З.П. Устинскова („О гене-
зисе цоканья в русских
говорах", ВЯ, 1977, 4). Ф.П.
Филин в кн. „Происхождение
русского, укр. и белор. язы-
ков" тоже как-то поминает
его. Больше — не знаю.
И так целый трактат полу-
чился. Уф...
Сегодня 14.I — поздравление
с Новым годом и добрые
пожелания на 1981 год как
раз ко времени!
Кланяюсь Татьяне Юрьевне
Ваша С.

Москва, Г-19
Волхонка, 18/2
Институт русского языка
АН СССР
комн. 38. Сектор диалектологии
Елене Григорьевне
Буровой

[illegible] Псков
Народная, 12-15б
Смускина

11.II.81 Глубокоуважаемый
Андрей Анатольевич,

очень я рада, что отсутствие второй палатализации снова „открыто" и подтверждено такими великолепными примерами. Псковские сборники прошли вне поля зрения „маститых" историков языка, но с Вашими публикациями все должны будут считаться, вот почему меня так обрадовало письмо Е. Г. Буровой о Вашем докладе.

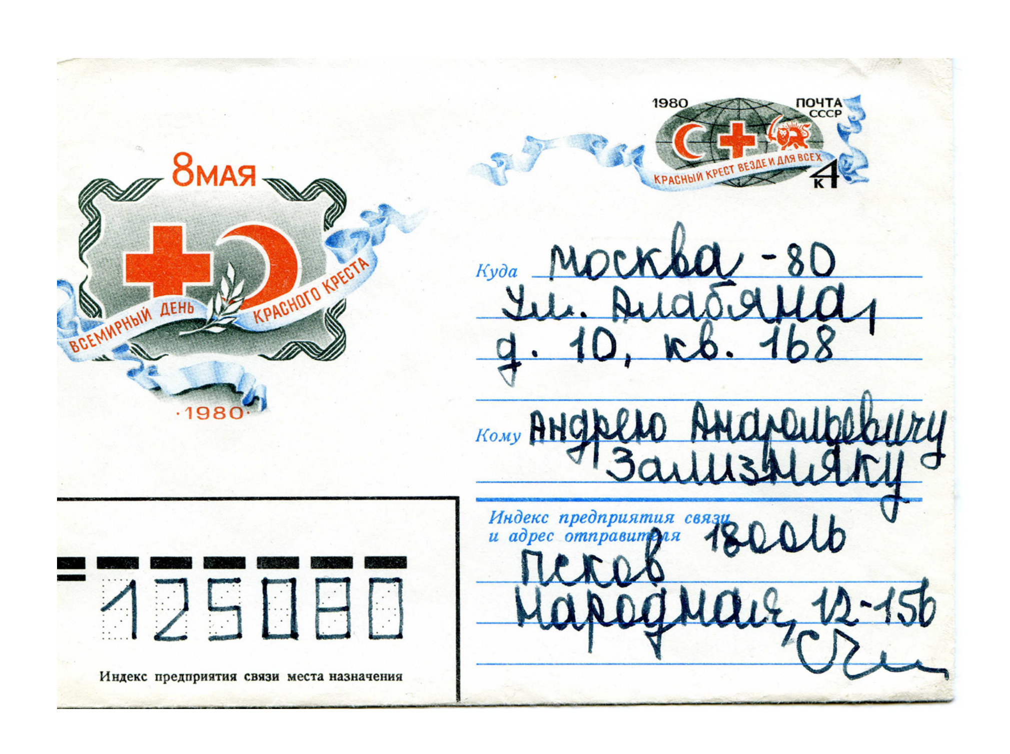
Между прочим, нечто сходное случилось с моими статьями по истории русских числительных. В учебниках этот раздел представлен бедно, поверхностно.

В учебнике П.С. Кузнецова (одном из лучших) есть даже прямая ошибка, а В.В. Иванов эту ошибку повторяет. Данные памятников позволяют гораздо глубже осветить и общие процессы, и явления более частного характера, но эти данные приводятся опять-таки в псковских сборниках, а их мало кто знает.

Пишу об этом без горечи. Но Ваша работа - большая радость для меня. От души желаю Вам успешно завершить исследование.

С искренним уважением

[illegible]


8 МАЯ
ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ КРАСНОГО КРЕСТА
·1980·
1980
ПОЧТА СССР
КРАСНЫЙ КРЕСТ ВЕЗДЕ И ДЛЯ ВСЕХ
4 к
Куда москва -80
ул. Алабяна,
д. 10, кв. 168
Кому Андрею Анатольевичу
Замизняку
Индекс предприятия связи и адрес отправителя 180016
Псков
Народная, 12-156
125080
Индекс предприятия связи места назначения

15.IX.82

Глубокоуважаемый
Андрей Анатольевич,
пишу, не отвечая ни на
один из Ваших вопро-
сов, только для того,
чтобы не откладывать
больше письмо. Я вер-
нулась из отпуска, на-
чала занятия, прове-
ряла экспедиционные
материалы и собира-
лась в ближайшие
дни внимательно по-
смотреть картотеку, чтобы
Вам ответить. Но поза-
вчера неожиданно вы-
яснилось, что мне пред-
стоит операция, я долж-
на максимально на-
читать" лекции, закон-
чить всякие дела, съез-
дить в Л-д (завтра еду)
Вологду, наверное, на-

октябрь (надеюсь, что не больше). Как только смогу, посмотрю внимательно ваши материалы и напишу вам. Ваши работы мне очень интересны, и я рада буду, если смогу быть полезной. Может быть, успею до операции, тогда сразу же напишу.

С искренним уважением

[illegible]

P.S. Я не помню, писала ли, что мой адрес — Псков 16, до востребования: мальчишки доломали почтовый ящик, и я боюсь за письма.

[illegible]

1957-1959
МЕЖДУНАРОДНОМУ ГЕОФИЗИЧЕСКОМУ ГОДУ
25 ЛЕТ
1982
ПОЧТА СССР К 20
СССР 17 09 82 17 ПСКОВ
Куда Москва -80
ул. Алабяна,
д. 10, кв. 168
Кому Андрею Анатольевичу
Замизняку
Индекс предприятия связи и адрес отправителя 180016
Псков-16
до востребования
Смускина
125080
Индекс предприятия связи места назначения

13.I.83

Глубокоуважаемый
Андрей Анатольевич,
одно слово из Вашего списка я всё-таки нашла: бранник. С нитак сти-тёмный, рыбу ловят, и вержы, тожэ рыбу ла-вить, ана ис прутоф.
Опочецкий р-н, д. Мышино.

Не понимаю, почему оно не попало в статью верша. В картотеке много непопадок, особенно с оригинальными карточками.

Есть ещё сенец — какое-то сорное растение:

Эта рош первай руки, парош фтарой руки.
Касьтёр и сенец попадаюца, земля такая, сменют и дают скату.

пёлы и её скармливали.
Славковский р-н, д.
Ключиха
сейчас такого р-на нет,
это запись 1957 г.

Если в каникулы
удастся поработать в
картотеке ЛГУ, посмотрю
наши слова и там.

Всего вам доброго.
С уважением.
Смуг

СССР
14 01 83 21
ПСКОВ
ПРАВДА
Орган Центрального Комитета КПСС
ГАЗЕТА ОСНОВАНА
5 МАЯ 1912 ГОДА
В. И. ЛЕНИНЫМ
70 ЛЕТ
1982
ПОЧТА СССР 4 к
Москва, 80
Ул. Алабяна,
д. 10, кв. 168
Андрею Анатольевичу
Зализняку
125080
Индекс предприятия связи места назначения
Индекс предприятия связи и адрес отправителя
180016
Псков-16
До востребования

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра русского языка
и русского языка как иностранного
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
(к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной
и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного
словаря с историческими данными»)

Часть 2

Подписано в печать
21.12.2017

Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 19,13.
Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз. Заказ № 1426.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.
180000, г. Псков, ул. Металлистов, д. 25;
тел/факс 8(8112) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47;
e-mail: izd-logos@yandex.ru